

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1885.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Слово Преосвященнаго Амвросія Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго въ день преподобнаго Антонія Великаго	65— 74
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	75— 97
Наши новые философы и богословы (продолженіе). Т. Стоянова	98—118
Лѣтопись важнѣйшихъ событій и явленій церковной жизни за прошедшій годъ (продолженіе). Ѳ. Садова	119—132

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:

Объ основныхъ началахъ философскаго познанія (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи В. Кудрявцева	53— 77
Вѣра и знаніе, вѣра и жизнь. Свящ. Т. Буткевича	78— 89
Письма философа Сенени (продолженіе). * * *	90— 98

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Определенія Святейшаго Синода.—Списокъ лицъ Харьковской епархіи, кои за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству преподано благословеніе Св. Синода.—Отчетъ о состояніи Епархіальнаго женскаго училища (окончаніе).—Епархіальныя извѣщенія.—Вѣдомость о количествѣ свѣчей, забранныхъ монастырями Харьковской епархіи на Харьковскомъ епархіальномъ свѣчномъ заводѣ.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, ПЪМЕЦКАЯ, № 26.

1885.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входятъ все, относящееся до богословія въ общирномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ релігіозной и общественной жизни, однимъ слѣвомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Таѣ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Берюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлый 1884 годъ, по прежней цѣнѣ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίσται νοοῦμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI, 8.

Дополнено перзурою. Харьковъ. Февраля 1 дня 1885 года.

Цепзоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

СЛОВО

Пресвященнаго Амвросія Епископа Харьковскаго
въ день преподобнаго Антонія Великаго *).

*Дяло же свое да искушаетъ кійждо,
и тогда въ себѣ точію хваленіе да
имать, а не во иномъ (Гал. 6, 4).*

Въ послѣднее время у насъ между людьми мыслящими, пишущими и имѣющими вліяніе на общественныя дѣла замѣчается особенно одно похвальное движеніе,—это забота объ исправленіи такъ называемыхъ общественныхъ недуговъ, или общественной нравственности. Въ какой мѣрѣ эта забота достигаетъ своей цѣли,—трудно рѣшить. Упадокъ нравственности у насъ очевидный; мѣры къ ея улучшенію предлагаются болѣею частію новыя; поприще, гдѣ онѣ должны быть примѣняемы, судя по пространству нашего отечества,—безгранично. Гдѣ какая мѣра принята, гдѣ испытана, гдѣ устояла или оставлена,—все это покажетъ будущее, если только мы сами позаботимся узнать, что выходитъ или вышло изъ нашихъ сочиненій, совѣтовъ и распоряженій. Но намъ служителямъ Церкви теперь-же съ точки зрѣнія христіанской замѣтно, что во всѣхъ

*) Произнесено 17 января въ церкви Харьковскаго университета.

подобныхъ мѣропріятіяхъ болѣею частію опускается изъ виду самый первый подступъ, самое начало и самый надежный пріемъ въ трудномъ дѣлѣ исправленія общественныхъ недуговъ, — это исправленіе каждымъ прежде всего самого себя. Св. Апостолъ Павелъ говоритъ: „каждый да испытываетъ свое дѣло, и только тогда будетъ имѣть похвалу въ себѣ, а не во иномъ“.

Изъ этого слова Апостола мы можемъ понять, что когда мы окидываемъ взоромъ наше общество или народъ, и для ихъ благоустройства придумываемъ полезныя мѣры; когда заранѣе утѣшаемся своими счастливыми мыслями и добрыми надеждами: тогда мы ищемъ себѣ похвалы во иномъ, т. е. желаемъ распространенія добра только въ другихъ людяхъ. Но и для насъ было-бы полезнѣе, и для дѣла исправленія общественной нравственности благонадежнѣе, если-бы мы прежде постарались имѣть похвалу въ себѣ, т. е. если-бы прежде позаботились объ исправленіи самихъ себя и осуществленіи добра въ своихъ дѣлахъ и собственной своей жизни.

Мы болѣею частію смотримъ на жизнь общественную и народную въ цѣломъ ея объемѣ или обширныхъ ея частяхъ, и придумываемъ широкія, всеобъемлющія мѣры для ея исправленія, но не замѣчаемъ, что нравственное исправленіе человѣчества не то, что воздѣлываніе обширныхъ полей, или фабричное производство, гдѣ наиболѣе намъ помогаютъ новоизобрѣтенныя орудія и сильно-дѣйствующія машины. Здѣсь, въ жизни нравственной, кромѣ общихъ мѣръ, каждая отдѣльная личность требуетъ особыхъ пріемовъ для свободнаго ея убѣжденія въ благотворности предлагаемыхъ ей мѣръ усовершенствованія, что прекрасно понимаетъ и исполняетъ наша Церковь, когда, кромѣ общихъ наставленій, поручаетъ отдѣльно каждому изъ насъ руководству

духовнаго отца. И только при этомъ условіи близкаго личнаго вліянія на тѣхъ, кого мы желаемъ исправить, будетъ наиболѣе обезпечено движеніе отдѣльныхъ личностей къ усовершенствованію; а умноженіе числа ихъ будетъ дѣйствительнымъ шагомъ къ улучшенію общественной нравственности. И въ этомъ смыслѣ, кто, сознавши потребность общаго исправленія, начинаетъ его съ самого себя, подавая въ себѣ добрый примѣръ другимъ, тотъ дѣйствительно начинаетъ самое дѣло, а не служитъ ему одними словами.

Итакъ. „начинай каждый съ самого себя“,—вотъ что мы должны принять за непремѣнное правило, если дѣйствительно ревнуемъ о нравственномъ исправленіи и преуспѣяніи нашего общества и народа.

И во-первыхъ, этого требуетъ отъ насъ справедливость или разумная послѣдовательность въ нашихъ дѣйствіяхъ. Почему мы такъ подробно и съ такою заботливостію изображаемъ наши общественные недуги въ литературѣ и устныхъ бесѣдахъ? Конечно потому, что видимъ въ нихъ отклоненія отъ правильнаго теченія жизни, вредящія нашему благосостоянію въ настоящемъ и угрожающія бѣдствіями въ будущемъ. Почему мы такъ стараемся о приисканіи мѣръ къ прекращенію заблужденій, пороковъ и злоупотребленій въ обществѣ? Конечно потому, что желаемъ ему блага, преуспѣянія, процвѣтанія. Если-же заблужденія и пороки—зло, если въ ихъ врачеваніи наше благо: то не требуетъ-ли справедливость, чтобы каждый совѣтникъ и попечитель о благѣ общемъ осмотрѣлся сначала самъ, не страдаетъ-ли онъ тѣми-же или подобными недугами, въ которыхъ обличаетъ общество, не вноситъ-ли онъ въ общество и съ своей стороны значительную долю того разрушительнаго пачала, которое называется зломъ? Не естественно-ли, чтобы онъ прежде другихъ, или по

крайней мѣрѣ не позднѣе другихъ позаботился о развитіи въ себѣ другаго цѣлительнаго начала, которое называется добромъ, и которое онъ желаетъ распространить въ обществѣ? И при этомъ справедливость-же требуетъ, чтобы не было опущено изъ виду еще одно важное условіе: не включать всю свою нравственность въ понятіе внѣшней добропорядочности, приличія, безукоризненности предъ общественнымъ мнѣніемъ, а помнить, что въ сущности она состоитъ въ чистотѣ помысловъ, желаній и намѣреній, во внутренней правотѣ всѣхъ нашихъ дѣйствій и постоянномъ стремленіи къ усовершенствованію себя предъ Богомъ и совѣстію. Просмотрѣвши такимъ образомъ себя по совѣсти, тщательно, нещадно, съ самообличеніемъ, какъ на примѣръ требуетъ христіанское приготовленіе къ исповѣди, обличитель общественныхъ недуговъ, можетъ быть, вспомнить древнюю еврейскую пословицу: *врачу, исцѣлился самъ* (Лук. 4, 23). Съ другой стороны, какъ скоро мы искренно войдемъ въ дѣло самоисправленія, тотчасъ замѣтимъ, что оно есть трудъ, и трудъ тяжелый, пожизненный. Значить, чѣмъ рѣшительнѣе мѣры, предлагаемыя нами для врачеванія общества (разумѣется, если онѣ здравы), тѣмъ больше мы возлагаемъ на него труда. Если-же это такъ, то справедливо-ли возлагать этотъ трудъ только на другихъ, а самимъ и не начинать его? Не есть-ли это то лицемѣрное желаніе блага народу, въ которомъ обличалъ Господь фарисеевъ: „и вамъ законникамъ горе, что налагаете на людей бремена неудобноносимыя, а сами и однимъ перстомъ своимъ не дотронетесь до нихъ?“ (Лук. 11, 46).

Дѣятельный трудъ исправленія себя при желаніи врачевать общество требуется отъ насъ и потому, что въ этомъ трудѣ заключается наилучшій способъ узнать доброкачественность и цѣлесообразность тѣхъ средствъ,

которыя мы предлагаемъ для исправленія общества. Этотъ способъ испытанія настолько для насъ самихъ надежнѣе всякихъ разсужденій о достоинствѣ новыхъ плановъ и проектовъ, насколько собственный опытъ вѣрнѣе; мыслей и предположеній; онъ настолько убѣдительнѣе и для другихъ, насколько добрый примѣръ сильнѣе голословнаго совѣта. Какое лекарство полезно мнѣ, то я съ убѣжденіемъ предлагаю и другому; и тѣмъ охотнѣе принимаетъ его другой, чѣмъ очевиднѣе для него мой опытъ. Всегда-ли предлагаемъ мы для исправленія общества и народа средства, вѣрность и благотворность которыхъ нами самими дознана и испытана? Повидимому нѣтъ. Если-бы мы нравственность понимали какъ должно, и средства для своего исправленія примѣняли къ дѣлу какъ слѣдуетъ, тогда мы не почитали-бы, напримѣръ, общественныхъ увеселеній важною мѣрою для исправленія народа; потому что видѣли-бы на себѣ, какъ они развлекаютъ, лишаютъ собранности мыслей и твердости духа, какъ легко при частомъ ихъ повтореніи къ нимъ пристратиться; а при невниманіи къ себѣ, какъ легко перейти отъ удовольствій невинныхъ къ порочнымъ и преступнымъ. Точно такъ-же мы не признавали-бы и богатства, или даже матеріальнаго обезпеченія главнымъ средствомъ охраненія отъ пороковъ и преступленій, потому что сами замѣтили-бы, что не столько внѣшнія условія жизни, сколько внутренняя самостоятельная сила духа охраняетъ насъ отъ паденій, а богатство и избытокъ средствъ незамѣтно ведутъ къ роскоши и подрываютъ энергію къ нравственному труду, а не усиливаютъ ее. Мы не признавали-бы и науки и просвѣщенія единственнымъ путемъ къ нравственному совершенству, потому что знали-бы по опыту, что отъ знанія до дѣла, отъ наполненія ума свѣдѣніями до обогащенія духа добродѣтелями—очень еще

далеко; что здѣсь предстоитъ совершенно особый родъ дѣятельности, отличный отъ удовлетворенія потребности знанія. Здѣсь предстоятъ: изученіе требованій совѣсти или нравственнаго закона, и вниманіе къ нимъ, подвижъ постояннаго наблюденія за своимъ сердцемъ, тяжелая борьба съ вожделѣніями плоти и со своею слабостію и неустойчивостію, трудъ возстановленія себя послѣ неизбѣжныхъ и горькихъ паденій, терпѣливое перенесеніе или переживаніе духовнаго расслабленія и утомленія, тоскливости и унынія, сопровождающихъ нравственное напряженіе и, наконецъ, побѣжденіе испытаній, отовсюду насъ окружающихъ. Однимъ словомъ; здѣсь требуется особая наука и особый трудъ, который глубокихъ мыслителей и ревнителей чистой нравственности приводилъ къ убѣжденію въ непреложной истинѣ словъ нашего Искупителя: *безъ Мене не можете творити ничесо-же* (Іоан. 15, 5). Если-бы мы, ревнители народной нравственности, сами проходили эту школу, мы прежде всего старались-бы общество и народъ содержать въ союзѣ съ Церковію, и прежде всего *собственными примѣрами* поощряли-бы ихъ къ исполненію ея спасительныхъ уставовъ о молитвѣ, бдѣніи надъ собою, воздержаніи и храненіи нравственной чистоты. А что этого истинно нравственнаго опыта въ насъ нѣтъ, или мало,—это видно еще и по тому разнообразію и по тѣмъ безпрестаннымъ пробамъ и перемѣнамъ въ средствахъ для, такъ называемаго, подъема общественной нравственности, какія мы предлагаемъ. Иначе мы знали-бы, что каждая нравственная мѣра для своего успѣха требуетъ углубленія въ почву нашего духа, какъ вновь посаженное дерево требуетъ углубленія и укрѣпленія въ землѣ корнями; знали-бы, что частыя перемѣны въ направленіяхъ нравственной жизни вредятъ ей развитію и росту такъ-же, какъ безпрестанная пе-

ресапка деревь—успѣшному разведенію сада. Эти перемѣны наводятъ на мысль: ужь не сбились-ли сами новые совѣтники и руководители общественной нравственности съ прямаго пути и не затрудняются-ли найти его или возвратиться на него?...

Кто прежде самъ осуществляетъ въ своей жизни возмѣщаемыя имъ начала доброй нравственности, тотъ можетъ быть увѣренъ, что имѣетъ въ своихъ рукахъ наилучшее средство для врачеванія недуговъ общественныхъ. Господь не напрасно въ Своемъ обѣтованіи о вѣчномъ воздаяніи проповѣдникамъ Евангелія поставилъ слова въ такомъ порядкѣ: *иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречетъ въ царствіи небесномъ* (Мат. 5, 19); Онъ далъ намъ этимъ понять, что не ученіе, а твореніе добра есть первый и наиболѣе вѣрный способъ его распространенія. Истинное добро имѣетъ вокругъ себя живительную атмосферу. Въ обществѣ съ человѣкомъ добрымъ чувствуемъ спокойствіе, безопасность, освѣженіе, ободреніе, возбужденіе; въ немъ есть сила, поднимающая внутреннюю жизнь его окружающихъ; къ нему естественно тяготѣютъ люди, склонные къ нравственному преуспѣянію. Христосъ Спаситель, давая намъ понять эту живительную силу добра, называетъ его свѣтомъ: *вы есте свѣтъ міра* (Мат. 5, 14). Въ темную осеннюю ночь заблудившійся путникъ издалека видитъ и слабый свѣтъ, брежжущій въ окнѣ крестьянской хижины, и съ радостію идетъ на него, находя въ немъ спасеніе. Такъ-же дорогіи во времена упадка народной нравственности примѣры истинной добродѣтели, особенно въ народныхъ учителяхъ и руководителяхъ. Этими свѣтящимися точками христіанскаго совершенства, въ лицѣ древнихъ подвижниковъ, народъ нашъ былъ руководимъ въ нравственной жизни съ успѣхомъ во времена самыя темныя. Ясно, какъ велико было-бы вліяніе

примѣровъ высокой нравственности при распространеніи просвѣщенія. Это и было-бы, если-бы во множествѣ людей, нынѣ разсуждающихъ и пишущихъ объ улучшеніи общественной нравственности, было побольше этихъ свѣтящихъ точекъ истиннаго добра. Около нихъ составлялись-бы кружки любителей добродѣтели, а не новостей только и удовольствій; годъ-отъ-году эти кружки расширялись-бы и умножались, и добро тихо, но вѣрно, какъ жизненная сила, разливалось-бы въ наше отечествѣ. Тогда образованіе было - бы украшеніемъ крѣпко сложившагося зданія народной жизни, а безъ этого всѣ украшенія, какія даетъ образованіе, всегда будутъ блестѣть только на ея наружности.

Намъ могутъ сказать, что не всѣ-же совѣтники въ дѣлѣ врачеванія общественныхъ недуговъ сами страдаютъ тѣми - же недугами, отъ которыхъ желаютъ спасти общество: не всѣ бросаютъ женъ и дѣтей, разрывая супружескія связи; не всѣ крадутъ казенныя и общественныя суммы; не всѣ возмущаются противъ власти родительской и правительственной и т. п. Но успокоивая себя этимъ, мы обнаруживаемъ свое заблужденіе въ томъ отношеніи, что признаемъ пороки зломъ тогда, когда они уже достигли ужасающихъ размѣровъ, и хотимъ исторгать ихъ съ корнемъ, когда они уросли и окрѣпли. Преслѣдуйте зло въ сѣмени и зародышѣ, и во-первыхъ въ себѣ и ближайшихъ къ вамъ людяхъ; а это преслѣдованіе зла въ его зачаткахъ и составляетъ ту великую науку добродѣтели, которая дѣлаетъ твердыми въ нравственныхъ правилахъ семейства и общества. Основаніемъ успѣха въ этомъ великомъ дѣлѣ и служить общій строй жизни каждаго изъ насъ, сознательный, твердый, болѣе или менѣе строгій, упреждающій развитіе зла, очищающій, по ученію евангельскому, ниву отъ сорныхъ травъ, чтобы онѣ не уросли и не подавили пше-

ницы. Этого-то направленія къ христіанскому духовному труду, обязательному для каждаго здраво понимающаго истинную нравственность,—и мало нынѣ видно въ нашей жизни. Мы отослали этотъ трудъ въ монастыри, къ монахамъ, какъ не нужный для мірянина, и — еще больше,—какъ не соотвѣтствующій духу нашего времени. Оттого-то наше время и отличается такимъ страшнымъ распространеніемъ пороковъ и преступленій; оттого-то наша общественная жизнь такъ и поросла всякими сорными травами.

Съ другой стороны, мы опускаемъ изъ виду, что въ душѣ и жизни человѣческой какъ добродѣтели, такъ и пороки имѣютъ тѣсную связь, такъ что одною добродѣтелию мы подготовляемъ и поддерживаемъ другія, и однимъ порокомъ зараждаемъ и питаемъ множество другихъ. Мы, мирные граждане, не умѣемъ научнымъ образомъ воспитывать для отечества храбрыхъ воиновъ и героевъ, но мы внушили дѣтямъ нашимъ покорность волѣ Божіей и любовь къ отечеству, пріучили ихъ къ воздержанію и лишеніямъ, вдохнули въ нихъ мужество и твердость въ трудныхъ случаяхъ жизни,—и мы дадимъ въ нихъ Царю нашему тѣхъ-же героевъ, которые всегда выходили у насъ не только изъ дворянскихъ, но и изъ крестьянскихъ благочестивыхъ семействъ и помимо военныхъ воспитательныхъ заведеній. Мы не умѣемъ подготовить дѣтей къ успѣшной работѣ въ канцеляріяхъ, къ казначейской службѣ, къ искусному служенію дѣлу правосудія, но мы не позволяемъ ни себѣ, ни дѣтямъ нашимъ праздности, лжи, кривды, безчестныхъ поступковъ,—и мы дадимъ нашему обществу благонадежныхъ и полезныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ. Тоже должно сказать и въ отношеніи къ порокамъ. Мы не крадемъ и никого не учимъ воровству, но мы позволяемъ себѣ лишнюю и неблаговременную роскошь, увлекаемъ

въ нее другихъ, не имѣющихъ равнаго съ нами состоянія, и тѣмъ ставимъ ихъ какъ-бы въ необходимость искать средствъ къ роскошной жизни путями непозволительными. Мы никому не совѣтовали самоубійства, но распространяли ложныя мысли о достоинствѣ и судьбѣ челоука, подавали примѣръ пренебреженія къ жизни, нравственнаго безстрашія и безотвѣтственности, — и тѣмъ открывали для слабыхъ духомъ людей широкую дорогу къ самоубійству и другимъ преступленіямъ.

Такъ, когда по-глубже вемотримся во всѣ ваши планы для улучшения общественной нравственности: убѣдимся, что они обнимаютъ только внѣшность, скользятъ по поверхности общественной жизни. Все, что мы почитаемъ внутреннимъ, касающимся основаній нашей жизни, ограничивается познаніями, мыслями, стремленіями только къ постиженію, а неосуществленію умопредставляемыхъ идеаловъ. Но намъ нужна практическая почва дѣйствительной добродѣтели, а не мечтательной нравственной жизни. Покажите въ себѣ примѣръ чистаго, дѣйствительнаго добра; сдѣлайте это добро любезнымъ и возжеланнымъ для другихъ; увлеките тѣхъ, кого хотите исправить, къ подражанію вамъ; сопровождайте затѣмъ это жизненное вліяніе какими угодно способами распространенія полезныхъ наукъ и искусствъ: тогда все пойдетъ въ прокъ и принесетъ истинную пользу и вамъ самимъ, и обществу. Въ противномъ случаѣ вы не будете имѣть. — вспомнимъ слово Апостола, — *похвалы ни въ себѣ, ни въ другихъ*. Аминь.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

идея священнаго союза.

(Продолженіе *).

Въ то время, когда графъ Растопчинъ поканчивалъ свои дѣла въ Москвѣ, армія наша давно уже двигалась по улицамъ города, обреченнаго на уничтоженіе. Уже съ наступленіемъ ночи съ 1-го на 2-е число начали проходить черезъ столицу громадныя обозы арміи. Въ три часа утра, среди глубокой ночной темноты вступилъ черезъ Драгомиловскую заставу въ городъ авангардъ, состоявшій изъ копницы. За авангардомъ слѣдовали дружины ополченія, за ними артиллерія и армейскіе корпуса. Движеніе громадныхъ массъ сопряжено было съ величайшими трудностями. Войска должны были направляться по одному и тому-же пути, имъ приходилось проходить по узкимъ и извилистымъ улицамъ. Массы бѣглецовъ, послѣднихъ вслѣдъ за арміею или старавшихся предупредить ее, стѣсняли то и дѣло войска, загоразживали имъ путь, спирались стѣпою въ узкихъ проходахъ, особенно-же на мостахъ. Отъ Драгомиловской заставы велъ тогда во внутрь города всего лишь одинъ мостъ черезъ Москву-рѣку, да и этотъ мостъ былъ деревянный. Попятно, что онъ не выдержалъ страшнаго напора и подломился еще рано утромъ. Произошло сильное

*) См. ж. Вѣра и Разумъ 1835 г. № 1.

замѣшательство: громадныя массы войска столпились на берегу рѣки. Принужденъ былъ остановиться и князь Кутузовъ, прибывшій къ мосту съ своимъ штабомъ въ 8 часовъ утра. Распорядившись починкою моста, главнокомандующій обратился къ своей свитѣ съ вопросомъ: „кто изъ васъ знаетъ Москву“. Изъвался князь А. Б. Голицынъ. „Проводи меня такъ, чтобы сколько можно ни съ кѣмъ не встрѣтиться“—сказалъ ему главнокомандующій. Голицынъ провелъ его дѣйствительно до самаго Яузскаго моста такими глухими переулками, въ которыхъ не встрѣтилось ни одного человѣка *). На комъ-же лежала главнѣйшая забота о благополучномъ движеніи войскъ? Быть можетъ на Беннингсенѣ, какъ на главномъ начальникѣ штаба, но о немъ въ эти критическіе часы не было и помину. Вѣроятно, онъ счелъ болѣе удобнымъ уволить себя на это время отъ исполненія своихъ оффиціальныхъ обязанностей. Тяжелую задачу руководить отступленіемъ арміи черезъ Москву взялъ на себя добровольно Барклай-де-Толли. Въ Бородинскомъ бою онъ подавалъ всѣмъ примѣръ самоотверженія и храбрости, теперь онъ взумлялъ всѣхъ и cadaго безпримѣрнымъ выполненіемъ тяжелаго и неблагодарнаго долга. Въ теченіи 18 часовъ не сходилъ онъ съ лошади, онъ самъ наблюдалъ за починкою моста; его адъютанты, разставленные имъ по разнымъ мѣстамъ города, наблюдали за движеніемъ войскъ и доносили ему тотчасъ о всякомъ возникающемъ безпорядкѣ или затрудненіи **). Когда Драгомиловскій мостъ былъ починенъ и движеніе по немъ пошло своимъ порядкомъ, Барклай-де-Толли отъѣхалъ къ Каменному мосту и продолжалъ наблюдать тамъ за проходомъ войскъ. Вдругъ ему донесли, что солдаты грабятъ гостинный дворъ. Барклай немедленно-же отрядилъ туда своего адъютанта. Оказалось, что купцы сами приглашали солдатъ брать товаръ. „Пусть достанется лучше своимъ, нежели неприятелю“,—говорили они при этомъ. Барклай распорядился, однакоже, прекратить этотъ оригинальный грабежъ ***). Настроеніе войскъ, солдатъ и офицеровъ содѣйство-

*) Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ князь А. Б. Голицынъ. См. записки о 1812 г. князя А. Б. Голицына.

**); Левенштернъ, Denkwürdigkeiten. Т. I, стр. 240.

***); См. Bernhardi, Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 146—147.

вало, впрочемъ, какъ нельзя болѣе успѣху усилій Барклая. Мрачное, но въ то же время серьезное настроеніе поддерживало дисциплину въ войскахъ. Мысли о грабежѣ и наживѣ никому не приходили въ голову. „Отступленіе, говоритъ очевидецъ, происходило въ порядкѣ и унылой тишинѣ. Приближаясь къ осиротѣлой столицѣ—матери городовъ русскихъ, воины съ сокрушенными сердцами взирали на великолѣпныя зданія, оставляемыя врагу. Домъ Пашкова, многіе другіе красивые и огромные дома, наконецъ Кремль съ своими башнями и высокими палатами древнихъ царей русскихъ и съ златоглавымъ Иваномъ Великимъ, безмолвными свидѣтелями предстоящихъ бѣдствій,—все это оставалось въ жертву непріятелю. И тысячи русскихъ бѣгутъ отъ него съ оружіемъ въ рукахъ. Такія скорбныя мысли приводили насъ въ неописанную горестъ и, стѣсняя грудь, исторгали слезы. Несчастные жители своимъ отчаяніемъ увеличивали общую горестъ“ *). Это отчаяніе было тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ неожиданнѣе обрушилась на нихъ страшная бѣда. Только вечеромъ 1-го сентября москвичи узнали, такъ сказать, оффиціально, что участь столицы рѣшена. Конные чиновники скакали въ этотъ вечеръ по улицамъ Москвы съ дикими криками: „спасайтесь, спасайтесь!“ *) Но эти вѣстники грозящей бѣды, очевидно, не успѣли предупредить всѣхъ обывателей. Даже утромъ 2-го сентября жители отдаленныхъ улицъ и переулковъ столицы ничего не знали о предстоящемъ вступленіи непріятеля въ городъ. Даже самое движеніе нашихъ войскъ черезъ Москву осталось для многихъ непонятнымъ. „Какъ теперь помню, говоритъ одинъ очевидецъ изъ военныхъ,—ѣду мимо одного дома и вижу у отвореннаго окна пожилую женщину съ двумя молодыми дѣвушками, вѣроятно мать съ дочерьми.—Что вы тутъ дѣлаете, спросилъ я съ удивленіемъ: вѣдь французы идутъ за нами по пятамъ; вы можете попасть въ плѣнъ.—Дама сначала не хотѣла вѣрить, но вдругъ подскакалъ какой-то мужчина, второпяхъ проговорилъ

*) См. записки артиллериста. Т. I, стр. 169.

**) Объ этомъ оригинальномъ предупрежденіи рассказываетъ С. Н. Глинка въ своихъ запискахъ о 1812 г. стр. 65—66, приписывая его не Растопчину, а Кутузову.

нѣсколько словъ, и въ домъ поднялся ужасный крикъ: „лошадей, экипажи, французы!“ *) Мысль, что войска наши оставляютъ Москву, казалась нѣкоторымъ до того невѣроятною и чудовищною, что они не хотѣли даже вѣрить собственнымъ глазамъ. Знакомые увѣряли ихъ, что французы входятъ уже въ городъ. „Какіе это французы. отвѣчали они съ усмѣшкою. — это англичане пришли къ намъ на помощь“ **).

Такихъ чудаковъ было, однако-же, по всей вѣроятности, немного. Говоря вообще, масса населенія спѣшила спастись бѣгствомъ. Были и такіе, которые заботились въ эти страшныя минуты о спасеніи своего имущества; они зарывали въ землю или прятали въ потайныхъ мѣстахъ лучшую часть своего достоянія. Всѣ такіе предусмотрительные люди не успѣли однакожъ уйти изъ города и по большей части попали въ плѣнъ къ непріятелю. Громадное большинство думало лишь о спасеніи жизни, многія духовныя лица подавали примѣръ спокойнаго мужества и твердаго упованія на помощь Всевышняго. Священники передъ церквами въ полномъ облаченіи благословляли святымъ крестомъ и крошили святою водою проходившихъ мимо солдатъ, освѣжая тѣмъ упавшій духъ ***). Многіе, твердые въ вѣрѣ, спѣшили подкрѣпить себя молитвою. „Въ рѣдкой изъ церквей, замѣчаетъ Ермоловъ, не было молящихся жертвъ, которыя оставались на произволъ враговъ безчеловѣчныхъ“ ****). Но было и много такихъ, которые не помышляли о молитвѣ и предавались дикому отчаянію. На каждомъ шагу представлялись страшныя сцены: женщины, старики, дѣти плакали и выли, не зная куда дѣваться. Иные выбѣгали изъ домовъ, блѣдныя, отчаянныя и суетились, не зная, не понимая о чемъ. Все въ глазахъ ихъ разрушалось, казалось приближеніемъ антихриста, свѣтопреставленіемъ. Мужественнѣйшіе воины содрогались, взирая на такія явленія въ погибающей столицѣ своего отечества. Общее движеніе, шумъ

*) Записки генерала Н. П. Кональскаго. „Русскій Вѣстникъ“ 1871 г. Т. 91, стр. 94.

***) См. П. Г. Кичеевъ, „Изъ недавней старины“. Москва 1870 г. стр. 6—13.

****) Записки аргиллериста, часть I, стр. 170.

*****) Записки Ермолова. Т. I, стр. 214.

проходящихъ, мракъ осенняго дня и страшная мысль о приближеніи непріятеля были предзнаменованіемъ всѣхъ ужасовъ разрушенія Москвы. Солдаты шли уныло въ рядахъ, генералы и офицеры по своимъ мѣстамъ. „Мы прошли за Кремль внутрь города и всюду видѣли горе, плачь, отчаяніе. Офицеры стали сходиться вмѣстѣ для бесѣды о предстоящемъ, которое для всѣхъ было чрезвычайно непонятно; тутъ и рядовые, подъ предлогомъ выпить водицы, ускользали въ ближайшія лавочки, дома и погреба, открытые какъ будто для угощенія проходящихъ; тамъ-то прощались они съ матушкою Москвою. Передъ заставою мы вышли на большую широкую улицу, заставленную въ нѣсколько рядовъ обозами; коляски, брички, телѣги ѣхали вмѣстѣ съ артиллеріею по обѣимъ сторонамъ. Тутъ представлялась странная смѣсь всякаго званія людей и экипажей; повозки были наполнены сундуками, узлами и перинами, на которыхъ сидѣли служанки, а лакеи сзади повозокъ вели лошадей и борзыхъ собакъ. Казалось, всякій въ торопяхъ забиралъ только одни любимые предметы для спасенія изъ города. Иныя повозки вытѣсняли одна другую изъ рядовъ. Фигнеръ позволилъ многимъ изъ нихъ пристать къ своей артиллеріи, до самаго выѣзда“ *).

Среди такого-то хаоса, среди дикой суеты цѣлаго населенія, снѣшившаго спасать свою жизнь и имущество, среди потрясающихъ сцень отчаянія, подъ страшнымъ гнетомъ невыразимо тяжелаго собственнаго чувства, совершался проходъ нашей арміи чрезъ покидаемую столицу русской имперіи. Какъ же страдалась вся эта печальная обстановка на настроеніи и духѣ арміи? не должна ли она была повлечь за собою совершенный упадокъ дисциплины, деморализацію и разложене? Быть можетъ, это и случилось бы со всякою другою арміею, быть можетъ, такая участь постигла бы и русскую армію при иныхъ обстоятельствахъ. Но въ данную минуту, когда судьба отечества наполняла всецѣло душу каждого солдата, когда потеря Москвы наполняла сердце каждого изъ нихъ

*) Записки артиллериста, часть I, стр. 170—171. Изъ этого разсказа очевидно видно, между прочимъ, что въ Москвѣ оставались до самаго 2-го сентября не одни рабочіе и пролетаріи, какъ утверждаетъ г. Растончинъ.

чувствомъ горести и жаждою мести, не было мѣста для трусливаго эгоизма и паники, для необузданнаго и гибельнаго инстинкта самосохраненія. Были, правда, и печальныя исключенія. Солдаты, спѣшившіе послѣдовать призыву купцовъ гостиннаго двора, или исчезавшіе въ лавочкахъ и погребахъ подъ предлогомъ напиться водицы, исчезали перѣдко вовсе изъ виду и не возвращались въ свои ряды. Одни изъ нихъ просто отставали отъ своихъ частей и заблуждались въ лабиринтѣ улицъ и переулковъ неизвѣстнаго имъ колоссальнаго города; другіе, нагружившись добычею, не рѣшались возвратиться къ своимъ частямъ и предпочли вольную жизнь мародеровъ; третьи, напившись до потери сознанія, падали на порогахъ винныхъ погребовъ и лавочекъ и проснувшись съ ужасомъ замѣчали, что они находятся уже въ рукахъ непріятеля, занявшаго весь городъ. Число такихъ отсталыхъ и намѣренныхъ бѣглецовъ доходило, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, до шести тысячъ человѣкъ *), но что значитъ эта цифра тамъ, гдѣ дѣло идетъ о сто тысячной массѣ? Въ общемъ, поведеніе и настроеніе этой массы было не только безупречное, но и полное сознанія всего величія и трагизма минуты. „Я наблюдалъ, какое дѣйствіе произведетъ надъ войсками оставленіе Москвы и замѣчалъ съ радостью, что солдатъ не терялъ духа, не допускалъ ропота“,—говоритъ Ермоловъ **). „Глубокое молчаніе,—разсказываетъ Кроссаръ ***),—господствовало во все время прохода арміи черезъ Москву, но то не было молчаніе трусости, а молчаніе глубокаго горя. Ни на одномъ лицѣ я не замѣтилъ слѣдовъ отчаянія, считающаго все потеряннымъ, но я наблюдалъ мрачное и сосредоточенное выраженіе чувства мести. Князь Голицынъ, съ которымъ я шелъ рука объ руку, не сказалъ все время ни слова. Только за городомъ прервалъ опъ это мрачное молчаніе. „О зачѣмъ не убить я вчера?“—вырвалось у него, и мнѣ показалось, что слезы блеснули у него на глазахъ. „Тогда бы прахъ мой поконился на ряду съ

*) См. Bernhardt, Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 147.

**) Ермоловъ, Записки. Т. I. стр. 214.

***) Кроссаръ, Memoires militaires et historiques. Т. 4, стр. 368.

останками моихъ предковъ въ обители, основанной ихъ благочестіемъ“.

Глубокое молчаніе, царствовавшее, по словамъ Кроссара, въ рядахъ нашей арміи, прерывалось, однакоже, по временамъ, порывами отчаяннаго горя, если вѣрнѣе разскажемъ другихъ очевидцевъ. „Проходя по улицамъ этой древней столицы, говоритъ одинъ изъ нихъ,—солдаты и офицеры плакали. Кутузовъ отдавалъ ее на произволъ непріятелю, и, сдѣлай это Барклай,—въ войскахъ несомнѣнно произошло бы возмущеніе“ *). Войска во время отступленія, повѣствуетъ другой очевидецъ,—казались смущенными и убитыми. Но къ этому примѣшивалась и досада, подозрѣвали даже измѣну, смотрѣли съ недоувѣріемъ на всѣхъ не русскихъ по происхожденію, и этого упрека не избѣжалъ даже Барклай-де-Толли, столько разъ доказавшій на дѣлѣ преданность свою отечеству. Многіе явно называли его измѣнникомъ. Между знатными офицерами были и другія причины грусти: одни жалѣли о своихъ оставленныхъ въ Москвѣ палатахъ, другіе объ участи родныхъ и друзей; большинство же и, можно даже сказать, почти всѣ испытывали чувство униженія: богатую столицу, древній городъ, матушку Москву оставлять въ добычу непріятелю! Гнѣвъ мѣшался съ чувствомъ мести, и тогда уже нѣкоторые восклицали, что этотъ позоръ можетъ быть изглаженъ только вступленіемъ въ Парижъ. Это были голоса въ пустынѣ. Какимъ образомъ непобѣдимаго, передъ которымъ пала вся Европа и теперь Москва, можно было надѣяться прогнать во Францію, въ Парижъ? **). Да, такія надежды были въ то время далеко не всеобщія. Въ общемъ преобладало смутное чувство глубокаго горя и непобѣдимая жажда мести.

*) Это слова Ковальскаго, свидѣтеля впрочемъ не вполне достовѣрнаго и довольно легкомысленнаго. Это тотъ самый Ковальскій, который, говоря о Бородинскомъ боѣ, повѣствуетъ между прочимъ слѣдующее: „Передъ Бородинскимъ дѣломъ для поднятія духа въ арміи адъютанты кн. Кутузова развѣзжали по полкамъ съ вымышленнымъ извѣстіемъ, что король Неаполитанскій Мюратъ взятъ въ плѣнъ. Затѣмъ пѣз заранѣе приготовленнаго мѣшка вынужденъ былъ орелъ, который поднялся въ виду арміи и это обстоятельство ободрило многихъ малодушныхъ людей“. „Русскій Вѣстникъ“ 1871 г. Т. 91, стр. 94.

***) Левенштернъ, Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 241—242.

Въ то время, когда корпуса нашей арміи, а вслѣдъ за ними и десятки тысячъ бѣглецовъ выходили постепенно изъ Москвы, на большой дорогѣ за Коломенскою заставою у Старообрядческаго кладбища, спѣлъ на своей походной скамейкѣ старый фельдмаршалъ. Его истомленное лице не было въ этотъ разъ такъ спокойно, какъ всегда. Какая-то внутренняя тревога, напряженное ожиданіе важныхъ вѣстей не давали покоя старому вождю. Да и было отъ чего тревожиться! Кутузовъ зналъ очень хорошо, что непріятель идетъ по пятамъ нашей арміи, онъ опасался, чтобы французы не смяли нашего арьергарда и не ворвались-бы на плечахъ его въ городъ. Чтобы предупредить эту фатальную возможность, Кутузовъ спѣшилъ заглазить опущеніе, сдѣланное нѣсколько часовъ тому назадъ его главною квартирою. Вечеромъ 1-го сентября начальникъ нашего арьергарда, генералъ Милорадовичъ, получилъ письмо отъ Ермолова, съ извѣщеніемъ, что главнокомандующій оставляетъ Москву, что наша армія отступаетъ на Рязанскую дорогу и что онъ долженъ слѣдовать за нею. Въ письмѣ не было ни одного слова о какомъ-бы то ни было договорѣ съ непріятелемъ, но оно оканчивалось такою фразою: „Вамъ предосаждается почтѣ видомъ сраженія древнія стѣны Москвы“ *). Прочитавъ это письмо и въ особенности его заключительную фразу, Милорадовичъ вышелъ изъ себя отъ гнѣва. Онъ жаловался своимъ приближеннымъ офицерамъ на эту макіавеллевскую штуку и приписывалъ ее всецѣло интригану Ермолову. „Если я отважусь теперь вступить въ серьезный бой съ превосходными силами непріятеля и буду разбитъ, что не подлежить сомнѣнію, тогда меня обвинять, что мнѣ предписано было только маневрировать, а не сражаться, говорилъ

*) Здѣсь между общерипятою традиціею и показаніями нѣкоторыхъ очевидцевъ, сохранившихся у Беригарди, обнаруживается значительное противорѣчіе. Такъ о письмѣ Ермолова, посланномъ Милорадовичу еще 1-го сентября, говорится только у Беригарди; отъ него-же узнаемъ мы о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ посланіемъ на Милорадовича. Беригарди пользовался здѣсь сообщеніями одного изъ офицеровъ генеральнаго штаба, прикомандированнаго къ Милорадовичу. Мы слѣдуемъ въ большей части случаевъ этимъ указаніямъ, такъ какъ они кажутся намъ гораздо проще и ближе къ истинѣ, нежели обычная традиція. См. Беригарди, *Toll's Denkwürdigkeiten*. Т. II, стр. 148—153.

онъ съ досадою своимъ приближеннымъ. Если-же я не попытаюсь оказать серьезнаго отпора и тѣмъ подпуну слишкомъ близко непріятеля къ отступающей арміи и ея обозамъ, тогда скажутъ: почему не рѣшился я на серьезный бой, вѣдь это было предписано вамъ“.

Досада Милорадовича усиливалась съ каждою минутою. Уже поздно ночью, лежа на соломѣ въ крестьянской избѣ, онъ объявилъ своему адъютанту и другому бывшему тутъ офицеру, что онъ отправится рано утромъ въ главную квартиру и сложитъ съ себя начальство надъ аріергардомъ. Настало утро, непріятель показался въ виду нашего аріергарда, расположившагося въ 12 верстахъ отъ столицы у фарфоровыхъ заводовъ, и Милорадовичъ понялъ, что теперь уже не время исполнять свою угрозу. Изъ главной квартиры пришло новое письмо, на этотъ разъ отъ полковника Кайсарова. Письмо было написано по французски и адресовано маршалу Бертье. Кутузовъ поручалъ въ немъ покровительству непріятеля девять тысячъ нашихъ раненныхъ и больныхъ, которые не могли быть вывезены изъ города. Для самого Милорадовича не было прислано никакихъ точныхъ инструкцій. Вина въ этомъ странномъ опущеніи падала, впрочемъ, не на самого главнокомандующаго, а на Ермолова. Ермоловъ самъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ *), что фельдмаршалъ, выѣхавши за Коломенскую заставу, послалъ его къ генералу Милорадовичу съ приказаніемъ, чтобы онъ удерживалъ, сколько возможно, непріятеля, или-бы условился съ нимъ, дабы имѣть время вывезти изъ города тяжести. Какъ-же исполнилъ Ермоловъ возложенное на него порученіе? У Драгомиловскаго моста онъ встрѣтилъ генерала Раевского, которому и сообщилъ данное ему приказаніе для передачи генералу Милорадовичу. Ермоловъ не говорить ни слова, дошло-ли, наконецъ, приказаніе Кутузова къ Милорадовичу, да онъ, очевидно, и не заботился особенно объ этомъ. Его занимали въ это время совсѣмъ другіе вопросы. „Сойдя съ лошадей, говоритъ онъ,—мы поговорили нѣкоторое время съ генераломъ Раевскимъ; смотря на Москву, погрустили объ ней. Впереди не представлялось намъ ничего утѣ-

*) Ермоловъ, записки. Т. I, стр. 213.

пительнаго, и большой перемѣны въ положеніи нашемъ предвидѣть было невозможно. Отъ князя Кутузова чего-то ожидали, но не съ полною предавались довѣренностью *)).

Генераль Раевскій и Ермоловъ бесѣдовали на Драгомиловскомъ мосту и критиковали Кутузова, нисколько не заботясь о томъ, что Милорадовичъ, отъ котораго зависѣло спасеніе всей арміи, оставленъ былъ, по ихъ собственной винѣ, безъ всякихъ указаній изъ главной квартиры. Къ счастью, Милорадовичъ и не нуждался въ подобныхъ указаніяхъ. Онъ самъ попалъ на счастливую мысль вступить въ сдѣлку съ непріателемъ и задержать тѣмъ на нѣсколько часовъ его наступленіе. Уже массы непріятельской кѣвницы надвигались со всѣхъ сторонъ, уже аріергардъ нашъ началъ быстро отодвигаться къ Москвѣ, когда Милорадовичъ, молча выслушивавшій до тѣхъ поръ совѣты своихъ приближенныхъ **), обратился внезапно къ стоявшему вблизи лейбъ-гусарскому полку и потребовалъ офицера, который говорилъ-бы хорошо по-французски. Изъ рядовъ выѣхалъ штабъ-ротмистръ Акинфовъ. Милорадовичъ вручилъ ему письмо Кайсарова и приказалъ отправиться немедленно-же въ качествѣ парламентаря къ начальнику непріятельскаго авангарда, королю неополитанскому, Мюрату и объявить ему нижеслѣдующее: „если французы хотятъ занять Москву въ цѣлости, то пусть дадутъ намъ время пройти спокойно черезъ городъ; въ противномъ случаѣ будемъ драться до послѣдняго человѣка и оставимъ непріателю однѣ развалины“ ***). Рѣшительное порученіе Милорадовича перепугало даже одного изъ его адъютантовъ. „Нельзя бравировать такъ французскую армію!“ — замѣтилъ онъ робко. „Мое дѣло брави-

*) См. Записки Ермолова. Т. I, стр. 214.

***) Особенно много совѣтовали Милорадовичу въ эту критическую минуту полковники Потемкинъ и Спьягинъ, изъ которыхъ послѣдній пользовался нѣкоторымъ вліяніемъ въ нашей главной квартирѣ. См. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 149.

***) О возложенномъ на него порученіи рассказываетъ самъ Акинфовъ въ своихъ запискахъ. По Бернгарди, Милорадовичъ приказалъ передать Мюрату слѣдующее: „Передайте ему, что я сдамъ Москву съ ея жителями, если онъ не будетъ тѣснить меня и дастъ мнѣ время отступать спокойно; въ противномъ случаѣ онъ войдетъ въ разрушенный городъ только по моему трупу“. Бернгарди. Т. II, стр. 149.

ровать, а ваше дѣло умирать!“ — прервалъ его рѣзко Милорадовичъ *).

Акинфовъ пробѣжалъ съ трубачомъ черезъ непріятельскіе аванпосты и былъ допущенъ къ Мюрату **). Онъ вручилъ ему письмо къ Бертье и передалъ затѣмъ слово въ слово порученіе Милорадовича. Мюратъ пробѣжалъ письмо и отвѣчалъ парламентеру: „напрасно поручать больныхъ и раненныхъ великодушію французскихъ войскъ, мы въ плѣнныхъ не видимъ враговъ. Что касается до другаго вашего требованія, то желая сохранить Москву, я соглашаюсь на предложеніе Милорадовича и пойду такъ тихо, какъ вамъ угодно, съ однимъ лишь условіемъ, чтобы Москва сегодня-же была занята французскими войсками“. Отдавъ вслѣдъ затѣмъ приказъ аванпостамъ прекратить перестрѣлку, Мюратъ вступилъ въ продолжительную бесѣду съ Акинфовымъ. Онъ старался вывѣдать отъ него что-нибудь о положеніи Москвы, о мѣстопробываніи графа Раstopчина, Императора и великаго князя Цесаревича, но русскій парламентеръ отвѣчалъ уклончиво на всѣ эти вопросы ***). Между тѣмъ время уходило, между обѣими сторонами установилось фактическое перемиріе. Пользуясь имъ, генералъ Себастьяни, отправивъ обратно, по приказанію Мюрата, Акинфова, выѣхалъ въ передовую цѣпь и встрѣтился здѣсь съ генераломъ Милорадовичемъ. Оба генерала были старые знакомые еще со временъ русско-турецкой войны, когда имъ пришлось видѣться въ Букарештѣ. Долгое время бесѣдовали они другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ свита держалась вдали. Вслѣдъ затѣмъ оба они медленно поѣхали по направленію къ

*) „On ne brave pas ainsi l'armée française“. Милорадовичъ: „C'est à moi à la braver, et à vous—à mourir“. Богдановичъ. Т. II, стр. 277.

**) Акинфовъ встрѣтился прежде всего съ генераломъ Себастьяни. По его приказанію онъ былъ пропущенъ черезъ аванпосты и приведенъ къ Мюрату. См. Записки Акинфова.

***) Мюратъ сказалъ между прочимъ Акинфову: „я уважаю вашего Императора и друженъ съ великимъ княземъ; жалѣю, что долженъ воевать съ вами. Скажите, много-ли потерялъ вашъ полкъ?“ — Находась почти ежедневно въ дѣлѣ, нельзя обойтись безъ потерь, отвѣчалъ Акинфовъ. „Тяжелая война“, замѣтилъ король. — Мы деремся за отечество и не замѣчаемъ трудностей похода. — „Почему не миритесь!“ — Вашему Величеству это болѣе извѣстно, нежели мнѣ. — „Пора мириться“, повторилъ съ улыбкою Мюратъ“. Записки Акинфова.

Москвѣ, продолжая свой разговоръ. Клаузевицъ, находившійся въ это время вблизи и слышавшій отчасти ихъ бесѣду, пришелъ къ убѣжденію, что французы хлопчуть гораздо болѣе русскихъ о сохраненіи Москвы. „Императоръ, повторялъ между прочимъ нѣсколько разъ съ жаромъ Себастьяни,—поставить во главѣ своей арміи гвардію, чтобы предупредить всякую возможность какихъ-бы то ни было беспорядковъ“ *). Наконецъ, разговоръ окончился. Милорадовичъ, крайне довольный тѣмъ, что ему удалось задержать непріятеля, распрощался съ Себастьяни и посѣшилъ къ своимъ войскамъ. Аріергардъ нашъ между тѣмъ уже вступалъ въ городъ. Тамъ продолжало господствовать все то-же смятеніе и беспорядокъ. Бѣгство несчастныхъ жителей далеко еще не окончилось. Улицы, по которымъ должны были проходить войска аріергарда, загромождены были экипажами всякаго рода; между ними тѣснились безчисленные пѣшеходы съ котомками и узлами, съ дѣтьми на рукахъ. Милорадовичъ выслалъ особня конныя команды для очищенія пути, но не смотря на всѣхъ ихъ усилія, войска могли двигаться впередъ лишь съ величайшими трудностями и крайне медленно. Только къ тремъ часамъ пополудни Милорадовичъ успѣлъ, наконецъ, добраться до Кремля. Тутъ поразило его странное зрѣлище. Изъ открытыхъ воротъ старой крѣпости выступали два баталіона московскаго гарнизоннаго полка, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Брозина, впереди ихъ гремѣла музыка. Милорадовичъ внѣ себя отъ гнѣва подскакалъ къ Брозину и обратился къ нему со словами: „какая каналья приказала вамъ выступать съ музыкою?“ Недалекій Брозинъ спѣшилъ отвѣтить совершенно наивно: „если гарнизонъ сдаетъ крѣпость подъ условіемъ свободнаго выхода, то онъ выступаетъ съ музыкою“.—„Но развѣ въ регламентѣ Петра Великаго говорится что-нибудь о сдачѣ Москвы?—закричалъ на него Милорадовичъ. Прикажете тотчасъ-же замолчать вашей музыкѣ!“ **).

За Кремлемъ тѣснота на улицахъ становилась еще больше. Экипажи, телѣги всевозможныхъ видовъ, набитые и нагру-

*) Клаузевицъ, Der Feldzug von 1812, стр. 173.

***) Bernhadi, Toll's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 150—151.

женные доверху, ѣхали въ нѣсколько рядовъ, поминутно останавливаясь и сбивая другъ друга съ пути. Людей зажиточныхъ почти уже не было видно, дома казались пустыми и вымершими, но бѣдняковъ и рабочихъ попадалось еще не мало на встрѣчу войскамъ. Сотни двѣ такихъ несчастныхъ окружили Милорадовича и со слезами молили его о помощи и спасеніи. Милорадовичъ старался утѣшить ихъ, какъ могъ. Ничего не зная объ общемъ положеніи дѣлъ, о всеобщемъ бѣгствѣ изъ Москвы, онъ убѣждалъ ихъ спокойно оставаться въ городѣ, такъ какъ онъ сдалъ Москву подъ условіемъ, чтобы жителямъ не было причинено никакого зла *). Что должны были чувствовать при этихъ словахъ простаки, не имѣвшіе другаго представленія о непріятелѣ, какъ о воплощеніи всякаго зла,—легко себѣ представить. Но несравненно тяжелѣе и ужаснѣе былъ видъ несчастныхъ раненныхъ, оставляемыхъ на попеченіе непріятеля. „Цѣлыми рядами лежали они вдоль домовъ, разсчитывая до послѣдней минуты, что войска заберутъ ихъ съ собою“ **).

Одна ужасная и трогательная сцена слѣдовала за другою. Когда войска аріергарда вступили на Николо-ямскую улицу, къ нимъ на встрѣчу вышелъ священникъ мѣстной церкви. Доблестный пастырь шелъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ, въ сопровожденіи причта, несшаго святую воду, чудотворную икону св. Николая и зажженные свѣчи. Остановясь на краю улицы, вѣрный слуга своего отечества и Церкви спѣшили напутствовать русскихъ воиновъ и укрѣпить ихъ на новыя браны и подвиги. Онъ кропилъ св. водою проходившіе мимо него баталіоны, солдаты ловили капли воды. „Не мы, а врагъ вашъ погибъ“,—говорили они громко, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Офицеры сходили съ лошадей и съ благоговѣніемъ прикладывались къ иконѣ. Причетники раздавали при этомъ солдатамъ печеный хлѣбъ. Подкрѣпленные, ободренные, направились войска аріергарда къ Коломенской заставѣ ***).

*) Bernhardi, Toll's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 151.

**) Клаузевицъ. Der Feldzug von 1812, стр. 174, бывшій очевидецъ этихъ сценъ.

***) См. записка, составленная въ Московской духовной консисторіи, въ 1836 г. о происшествіяхъ 1812 г. и о подвигахъ духовенства.

Между тѣмъ Акинфовъ догналъ Милорадовича и сообщилъ ему, что Мюратъ согласился на пріостановку военныхъ дѣйствій, но подь условіемъ, чтобы Москва очищена была сегодня-же. Милорадовичъ тотчасъ-же сообразилъ, что французамъ желательно во чтобы-то ни стало занять Москву безъ боя; съ другой стороны онъ справедливо полагалъ, что до семи часовъ вечера ему врядъ-ли удастся вывести все изъ города и отвести свой отрядъ въ безопасное мѣсто. „Поѣзжайте назадъ къ Мюрату, сказалъ онъ Акинфову, и скажите ему, что онъ долженъ пріостановить военныя дѣйствія до семи часовъ утра, иначе я буду защищаться въ самой Москвѣ“. Акинфовъ немедленно-же поспѣшилъ назадъ къ Мюрату и безъ труда получилъ его согласіе на новое требованіе Милорадовича. Король требовалъ лишь одного, чтобы всѣ обозы, не принадлежащіе къ русской арміи, были задержаны и оставлены въ городѣ *).

Давая подобное обѣщаніе, Мюратъ не въ состояніи былъ, однакоже, исполнить его. Едва только выступилъ нашъ аріергардъ за Коломенскую заставу и выстроился на разстояніи тысячи шаговъ отъ нея, какъ въ правой сторонѣ отъ него появился внезапно авангардъ Себастіани, состоявшій изъ прусскаго уланскаго полка. Милорадовичъ не потерялся ни на минуту въ виду этой неожиданности. Пришпоривъ своего коня, онъ подскочилъ къ непріятельскимъ войскамъ и потребовалъ свиданія съ командиромъ. Себастіани немедленно-же выѣхалъ къ нему. Завязался горячій разговоръ. Милорадовичъ жаловался на нарушеніе военнаго права и объявилъ, что король Неаполитанскій согласился на промедленіе перемирія до семи часовъ слѣдующаго утра. Себастіани отвѣчалъ, что король не увѣдомилъ его объ этомъ, но что онъ самъ, лично зная Милорадовича, готовъ вѣрить ему на слово. Разговоръ между обоими генералами принялъ послѣ этого болѣе дружескій оборотъ. Наши и непріятельскія войска стояли при этомъ неподвижно другъ противъ друга. Изъ всѣхъ окрестныхъ московскихъ заставъ продолжали выѣзжать безконечные ряды повозокъ. „Не правда-ли, мы добрые люди, замѣтилъ смѣясь Себастіани, ука-

*) Изъ записокъ Акинфова. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. II.

зывая на эти обозы и на войска нашего арьергарда: вѣдь все это мы могли-бы легко забрать“. — „Ошибаетесь“ — возразилъ ему всегда находчивый Милорадовичъ: „тамъ“, — и онъ указалъ рукою на сосѣднюю возвышенность на востокѣ. — „стоятъ сто тысячъ человѣкъ и они отомстили-бы за насъ!“ Себастьяни и не помышлялъ впрочемъ о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Милорадовичъ, не торопясь, собралъ и привелъ въ порядокъ всѣ войска арьергарда. Съ наступленіемъ темноты онъ отошелъ къ Вязовѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Москвы. Его образъ дѣйствій во всѣхъ этихъ пелыхално затруднительныхъ обстоятельствахъ громко говоритъ за себя и не нуждается ни въ какихъ похвалахъ *).

Въ то время, когда войска наши, а за ними и массы жителей уходили изъ Москвы, непріятельская армія, начиная отъ своего вождя и кончая послѣднимъ солдатомъ, сторала отъ терпѣнія вступить, какъ можно скорѣе, въ древнюю нашу столицу. Да оно и понятно! Въ Москвѣ, въ этомъ сказочномъ для нихъ городѣ, въ этомъ цевтрѣ азіятскихъ богатствъ, роскоши и наслажденій, усматривали войны Наполеона давно желанный предѣлъ своему безконечному походу по малолюдной, лѣсной и непривѣтливой странѣ. Въ Москвѣ обѣщаны были имъ самымъ ихъ вождемъ: отдыхъ, теплыя зимнія квартиры, изобиліе всякаго рода. Но этого мало! Завоеваніе Москвы должно было положить конецъ войнѣ и притомъ самый побѣдоносный. Кто могъ сомнѣваться въ этомъ неизбѣжномъ послѣдствіи взятія древней столицы русскаго царства? Развѣ опытъ всѣхъ предшествовавшихъ войнъ не доказалъ ясно, что съ взятіемъ столицы прекращалось и всякое сопротивленіе побѣжденнаго? А миръ сдѣлался вдругъ такимъ страстно желаннымъ, такимъ неопѣненнымъ благомъ для этихъ воинственныхъ полчищъ, для этихъ побѣдителей цѣлаго міра! Въ лѣсныхъ пустыняхъ Россіи, среди городвъ и селъ ея, разрушенныхъ, сожженныхъ самими жителями, война впервые представала предъ ними со всѣми своими ужасами, со всѣми грозными принадлежностями безпощаднаго и безграницаго истребленія.

*) Клаузевицъ, Der Feldzug von 1812, стр. 174—175; Бернгарти, Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 153.

Въ два часа по-полудни, между тѣмъ какъ войска Мюрата подходили къ Драгомиловской заставѣ, Наполеонъ въѣхалъ на Поклонную гору, и необъятная, величественная Москва внезапно раскинулась у его ногъ. Чувство радости, гордое сознаніе, что нѣтъ ничего на свѣтѣ недоступнаго для него, преисполнили душу завоевателя. „Вотъ онъ, наконецъ, этотъ прославленный городъ!“—невольпо вырвалось изъ устъ его *). Но и другая мысль, мысль далеко не столь отраднаго свойства, мелькнула вслѣдъ за тѣмъ въ его головѣ. А какихъ неслыханныхъ жертвъ, какихъ трудовъ и страданій, какихъ сверхъ-человѣческихъ усилій стоило ему созерцаніе этого города? Какую странную, небывалую войну приходилось вести ему на этотъ разъ! Въ какую страшную даль завлекъ его отступающій непріятель, сколько разъ, впервые въ своей жизни, останавливался онъ въ сомнѣніи, собирался прервать этотъ безпримѣрный походъ! А эти города, покинутые жителями, эти мертвыя пустыни и дымящіяся развалины, а эта страшная Бородинская бойня, это неслыханное отсутствіе трофеевъ и плѣнныхъ! И хорошо еще, если все окончится взятіемъ Москвы, если онъ не ошибся на этотъ разъ въ характеръ своего противника. Но нѣтъ! это послѣднее опасеніе странно и целѣпо. Онъ такъ хорошо изучилъ характеръ Александра, онъ проникъ въ самую глубину этой мягкой, женственной природы. Но вѣдь Александръ такой великій актеръ, онъ самъ когда-то назвалъ его сѣвернымъ Тальмою? Да, но развѣ актеръ способенъ переносить тяжелые удары всеокрушающей судьбы? Немыслимо, чтобы потеря Москвы не потрясла, не сломила нравственно Александра!—Наполеонъ сошелъ съ лошади, съ напряженнымъ вниманіемъ разсматривалъ онъ въ зрительную трубу столицу и ея окрестности. Онъ приказалъ разостлать на землѣ планъ Москвы и разспрашивалъ у секретаря своего Делорія, хорошо знавшаго русскую столицу, о положеніи главнѣйшихъ ея пунктовъ. Отъ Москвы взоръ императора

*) „Le voilà donc enfin cette fameuse ville!“—сказалъ Наполеонъ и, помолчавъ немного, прибавилъ: „il était temps!“ См. Корбелецкій, „Краткое повѣствованіе о вторженіи французовъ въ Москву и о пребываніи ихъ въ оной по 27 сентября 1812“, стр. 24 и слѣд. Chambray, Expediton en Russie. T. II, стр. 117 и слѣд.

обратился самодовольно къ войскамъ его, облежавшимъ подобно грозовымъ тучамъ весь западный горизонтъ. Нѣтъ, нечего медлить долѣе, нечего стѣсняться условіями, заключенными съ непріятелемъ легкомысленнымъ Мюратомъ; давно пора уже доставить всѣмъ этимъ храбрымъ минуту высшаго триумфа. И Наполеонъ приказалъ подать сигналъ къ вступленію въ Москву двумя пушечными выстрѣлами. Подобно морю, охваченному внезапнымъ порывомъ вѣтра, всколыхнулись и тронулись стоявшія до тѣхъ поръ неподвижно непріятельскія массы. Мюратъ съ авангардомъ и молодою гвардіею двинулся къ Драгомиловской заставѣ, Понятовскій—къ Калужской, вице-король—къ Тверской. Восторженные клики сотни тысячъ головъ: „да здравствуетъ императоръ!“ потрясали воздухъ. Громадныя полчища ринулись къ Москвѣ. Кавалерія пеклась во весь духъ, артиллерія силилась не отставать отъ нея; пѣхота шла бѣглымъ шагомъ. Топотъ лошадей, стукъ колесъ, бряцаніе оружія, громкіе крики солдатъ,—все смѣшалось въ одинъ потрясающій гулъ. Громадныя столбы пыли затмили и безъ того уже слабый свѣтъ сумрачнаго осенняго дня. Въ нѣсколько минутъ достигъ Наполеонъ Драгомиловской заставы и сошелъ здѣсь вновь съ коня въ ожиданіи депутаціи, долженствовавшей поднести ему ключи покоренной столицы русскаго царства. Наполеонъ, этотъ баловень счастія, давно уже привыкъ къ подобнымъ церемоніямъ; онѣ казались ему нецѣлѣбнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ его побѣдъ. Время, однако-же, проходило, а ожидаемая депутація не являлась. Недоумѣніе начало вдругъ закрадываться въ душу императора. Нестерпѣливо ходилъ онъ взадъ и впередъ, досада и гнѣвъ искажали все болѣе и болѣе его лицо *). Наконецъ явился офицеръ, присланный изъ авангарда съ извѣстіемъ, что Москва пуста, что она оставлена жителями. Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить этой чудовищной вѣсти. „Москва пуста! Какое невѣроятное событіе! Надо войти въ нее! Пойдите, приведите ко мнѣ бояръ“ **). Графъ

*) Корбелецкій, стр. 24—27.

**) Segur. Histoire de Napoleon et de la grande armée. T. II, стр. 38. „Moscou déserte! Quel événement invraisemblable! Il faut y penetrer! Allez et amenez moi les boyards!“ „Такая печальная вѣсть (т. е. объ оставленіи Москвы жите-

Дарю, одинъ изъ приближенныхъ Наполеона, спѣшилъ исполнить приказаніе своего повелителя. Усиленные поиски его и его агентовъ остались, однако-же, тщетными. По улицамъ города бродили тамъ и сямъ оборванные и подозрительныя личности, но нигдѣ не встрѣчалось ни одного порядочно одѣтаго чело-вѣка, а въ богатыхъ барскихъ домахъ не было никого кромѣ прислуги и дворниковъ. Но воля Наполеона должна была быть исполнена. За неимѣніемъ бояръ собрали нѣсколько иностранцевъ, по большей части мелкихъ торгашей и ремесленниковъ, нѣсколько русскихъ простолюдиновъ и привели эту странную компанію къ Наполеону. Негодование гордаго завоевателя не знало предѣловъ. Онъ не удостоилъ даже взглядомъ пародію на депутацію, приведенную къ нему. Смущенный, глубоко опечаленный, сѣлъ онъ молча на лошадь, въѣхалъ въ Драгомиловское предмѣстье и расположился съ своею свитою въ нѣсколькихъ обывательскихъ домахъ. О торжественномъ вступленіи, о триумфальномъ шествіи побѣдителя не было рѣчи. Гробовое молчаніе, царившее въ городѣ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ улицахъ, по которымъ проходилъ непріятель, вызывали съ его стороны величайшую предосторожность. Наполеонъ, опасаясь грабежа и беспорядка, запретилъ большей части своихъ войскъ входить въ Москву. У всѣхъ городскихъ заставъ поставлены были сильные шкеты легкой гвардейской кавалеріи съ строгимъ приказомъ не впускать никого. Старая гвардія, корпуса Даву и Нея расположились бивуакомъ на Смоленской дорогѣ. Вице-король расположился

лями), говоритъ Корбелецкій, поразила Наполеона какъ громовымъ ударомъ. Онъ приведенъ былъ ею въ чрезвычайное изумленіе, мгновенно произведшее въ немъ нѣкоторый родъ изступленія или забвенія самого себя. Ровные и спокойные шаги его въ ту-же минуту перемѣнились въ скорые и беспорядочные. Онъ оглядывается въ разныя стороны, останавливается, трясется, цѣплетъ, шипитъ себя за носъ, сжимаетъ съ руки перчатку и опять надѣваетъ, выдергиваетъ изъ кармана платокъ, жметъ его въ рукахъ и какъ-бы ошибкою кладетъ въ другой карманъ, потомъ снова вынимаетъ и снова кладетъ; далѣе, сдернувъ опять съ руки перчатку, надѣваетъ оную торопливо и повторяетъ то-же нѣсколько разъ. Коротче сказать: онъ представляетъ тогда чело-вѣка, бѣснующагося или мучимаго жестокими конвульсіями, что продолжалось битой часъ; и во все то время окружавшіе его генералы стояли предъ нимъ неподвижно какъ бездушныя истуканы, и ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ пошевелиться“. Корбелецкій, стр. 27.

у Петровскаго дворца, Понятовскій сталъ передъ Калужскою заставою. Въ городъ вошелъ только одинъ Мюратъ съ кавалерійскими корпусами Себастиани и Латуръ-Мобура; за ними двигалась молодая гвардія (дивизіи Клапареда и Дюфура), при которой находился и маршалъ Мортъе, назначенный московскимъ генераль-губернаторомъ. Непріятельскія войска подвигались впередъ съ большою осторожностью. Впереди колоннъ ѣхали въ качествѣ развѣдчиковъ польскіе уланы, передъ нѣкоторыми полками гремѣла музыка.

Москва не была, однакоже, такъ пуста и оставлена всѣми жителями, какъ показалось это на первый взглядъ непріятелю. Далекое не всѣ, хотѣвшіе бѣжать изъ города, успѣли выполнить свое намѣреніе, а многіе, которымъ терять было нечего, оставались добровольно. Какъ велика была численность всѣхъ оставшихся—невозможно опредѣлить съ точностью, но во всякомъ случаѣ она была настолько велика, что передъ самымъ вступленіемъ непріятеля въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собрались большія толпы народа *). Настроеніе въ этихъ толпахъ было самое различное: одни пришли, увлекаемые любопытствомъ; другіе, самые отчаянные, собирались оказать во чтобы-то ни стало отпоръ непріятелю. Въ числѣ этихъ послѣднихъ первое мѣсто занимали наши отсталые солдаты. Вокругъ нихъ собралось нѣсколько сотъ удалцевъ, вѣроятно изъ числа тѣхъ, которые собирались идти съ графомъ Раstopчиннымъ на Три Горы. Всѣ они запаслись оружіемъ изъ московскаго арсенала и засѣли за забитыми кремлевскими воротами, намѣреваясь встрѣтить оттуда непріятеля ружейнымъ огнемъ.

Было уже около полудня, когда ассесоръ вотчиннаго департамента А. Д. Бестужевъ-Рюминъ**), не рѣшившійся послѣдовать примѣру высшихъ чиновниковъ и бѣжать изъ Москвы, оставляя на произволъ судьбы архивъ департамента,

*) См. Бестужевъ-Рюминъ, Читенія Об. ист. и древ. 1859 г. смѣсь, стр. 81.

**) „Я разсуждалъ, разсказываетъ Бестужевъ, что трусость, которую обнаружу подлымъ бѣгствомъ отъ непріятеля, кинувъ сокровища отечественныя, которыя заключаютъ въ себѣ архивы вотчиннаго департамента, на произволъ судьбы, будетъ со стороны моей подлымъ нарушеніемъ присяги“. Стр. 84.

вышелъ изъ зданія архива, находившагося въ Кремлѣ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается въ городѣ. На лобномъ мѣстѣ у кремлевскихъ Спасскихъ воротъ собралась громадная толпа народа. Была страшная тѣснота и давка, а въ воздухѣ стоялъ нестерпимый, удушливый смрадъ. Въ толпѣ говорили, что смрадъ идетъ отъ лавокъ москательнаго ряда. „Они уже гонятъ“, — говорилъ кто-то въ толпѣ: „а зажегъ ихъ самъ частный приставъ городской части, какой-то князь“. Въ толпѣ попадались изрѣдка и военные. Одинъ изъ нихъ верхомъ на конѣ оказался старымъ знакомымъ Бестужева, графомъ Дмитриевымъ-Мамоновымъ. „Что ты тутъ дѣлаешь, Бестужевъ? — закричалъ онъ съ удивленіемъ: непріятель уже входитъ въ городъ“. Бестужевъ отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ нарушать присяги и безъ приказанія, по одной трусости, бѣжать изъ города, что онъ остается на своемъ мѣстѣ, пусть будетъ, что будетъ. — „Ну прощай“ — сказалъ ему графъ: „да сохранить тебя Господь Богъ“ *). Распроставшись съ графомъ, Бестужевъ возвратился въ департаментъ, подписалъ паспорта всѣмъ чиновникамъ и служителямъ, желавшимъ выѣхать изъ Москвы, распустилъ всѣхъ остальныхъ по квартирамъ и, оставивъ только однихъ дежурныхъ и сторожей, во второй разъ отправился въ городъ, въ сопровожденіи одного чиновника. Уже при первыхъ шагахъ онъ услышалъ, что непріятель входитъ въ городъ во всѣ заставы, расположенныя на западной сторонѣ. Въ этотъ моментъ на Иванѣ Великому ударилъ колоколъ къ вечерней молитвѣ. Лишь только Бестужевъ и его спутникъ вышли изъ Кремля, какъ имъ попался на встрѣчу какой-то господскій человѣкъ. Въ одной рукѣ у него было солдатское ружье со штыкомъ, въ другой карабинъ, онъ былъ страшно пьянъ, шатался изъ стороны въ сторону и бормоталъ что-то про себя. Бестужевъ имѣлъ неосторожность громко замѣтить своему спутнику: „вотъ видишь, что значитъ безначалье“, — какъ вдругъ пьяный тотчасъ-же бросилъ въ него ружье, а за нимъ и карабинъ. Получивъ тяжелый ушибъ въ ногу, Бестужевъ успѣшилъ возвратиться въ департаментъ. Между тѣмъ около четырехъ часовъ по-полудни раздался одинъ за другимъ 18'

*) См. Бестужевъ-Рюминъ, стр. 86—87.

пушечныхъ выстрѣловъ; звонъ на Ивановской колокольнѣ внезапно прекратился, и Бестужевъ понялъ, что непріятель ворвался въ Кремль. Онъ видѣлъ своими глазами, какъ выломаны были Троицкія ворота, заколоченныя на-глухо, и какъ вслѣдъ затѣмъ нѣсколько польскихъ улановъ вѣхали въ Кремль. Они направились прямо къ арсеналу, и замѣтивъ подлѣ него нѣсколько человѣкъ съ оружіемъ въ рукахъ, тотчасъ-же начали рубить ихъ саблями. Человѣкъ десять повалились окровавленные на землю; остальные, пораженные ужасомъ, бросили свое оружіе, пали на колѣни и просили помилованія. Уланы сошли съ коней, отбили приклады у брошенныхъ ружей, взяли съ собою людей, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, и повели ихъ въ оружейную палату *).

Вступленіе французовъ въ Кремль не обошлось, однако-же, безъ сопротивленія. Пушечные выстрѣлы, слышанные Бестужевымъ, далеко не всѣ были холостые, какъ предполагалъ это онъ. Едва только приблизился Мюратъ къ воротамъ Кремля, какъ голова его колонны была встрѣчена беспорядочнымъ, но сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Два картечныхъ выстрѣла изъ орудій немедленно-же разсѣяли добровольныхъ защитниковъ Кремля. Почти всѣ, оставшіеся въ живыхъ, спѣшили спастись бѣгствомъ, но нѣсколько отчаянныхъ бросились какъ безумные на Мюрата и его свиту. Одинъ изъ этихъ храбрецовъ (Мюратъ называлъ его дьяволомъ) стащилъ съ лошади инженернаго полковника, ѣхавшаго рядомъ съ королемъ, повалилъ его на землю, возилъ ему въ спину ножъ, душилъ его за горло, грызъ зубами. Прошло нѣсколько секундъ, пока французскіе кавалеристы, ошеломленные этою страшною сценою, пришли въ себя. Они бросились на помощь полковнику, пытались стащить съ него убійцу, но не успѣвъ въ этомъ, прикладами разбили ему голову**). Проученный этимъ внезапнымъ нападеніемъ, Мюратъ подвигался впередъ съ величайшими предосторожностями. Только при наступленіи сумерекъ достигъ онъ, наконецъ, Коломенской заставы и расположилъ свои войска бивуакомъ на полѣ. Движеніе непріятельской ка-

*) Бестужевъ-Рюминъ, стр. 87—88.

***) Подробноста этого происшествія Мюратъ рассказывалъ впоследствии лорду

валерии черезъ Кремль продолжалось до самой ночи. Неприятель вступалъ въ Троицкія и Боровицкія ворота, проходилъ мимо сенатскаго зданія и направлялся вслѣдъ затѣмъ черезъ Спасскія ворота въ Китай-городъ *).

Наступила ночь, ночь въ полномъ смыслѣ слова, ужасная для несчастныхъ оставшихся москвичей. Глубокій мракъ осенней ночи озарялся яркимъ заревомъ пожара. Москатильные ряды съ громаднымъ количествомъ лавокъ охвачены были яркимъ пламенемъ, почти одновременно съ ними загорѣлся гостиный рядъ въ Китай-городѣ. Въ Кремлѣ сдѣлалось такъ свѣтло, что не было никакой надобности въ свѣчахъ. Французы не придавали этимъ пожарамъ особаго значенія; они считали ихъ простою случайностью. Самъ Наполеонъ озабоченъ былъ въ эту ночь совершенно иными вопросами; онъ опасал-

Вилліаму Бентинку и генералу Вильсону. См. Wilson. Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland. Стр. 145. Перовскій, захваченный французами въ плѣнъ подлѣ Москвою, случайно встрѣтился въ приемной у Мюрата съ полковникомъ, отдѣлвшимся незначительными ранами. „Болѣе всѣхъ прочихъ,—повѣствуетъ онъ,—говорилъ про насъ съ злобою и даже ожесточеніемъ одинъ офицеръ, сидѣвшій подлѣ меня на окнѣ. Сколько могъ замѣтить я, собою онъ былъ очень хорошъ, часть лица и головы его была перевязана чернымъ платкомъ, правая нога выше колѣна была также перевязана. Я дождался, чтобъ онъ немного успокоился, чтобы начать съ нимъ разговоръ.—Въ какомъ дѣлѣ были вы ранены? спросилъ я его.—„Я раненъ былъ не въ сраженіи, а въ Москвѣ“.—Какъ въ Москвѣ? Тутъ опять вышелъ онъ изъ себя, и я съ трудомъ изъ разговоровъ его могъ, наконецъ, повѣсть, что въ день взятія Москвы, онъ находился при королѣ Неаполитанскомъ изъ числа сопровождавшихъ его и вошедшихъ съ нимъ въ Кремль, торжественно и съ музыкою. При входѣ были они встрѣчены ружейными выстрѣлами. Это была толпа вооруженныхъ жителей; выстрѣлы ранили нѣсколько челоуѣкъ изъ свиты короля. Не успѣли еще опомниться, какъ отчаянные съ крикомъ ура! бросились на французовъ,—тогда-то и пострадалъ новый мой знакомый. Одинъ большой, спялый мужикъ бросился на него, ударилъ штыкомъ въ ногу, потомъ за ногу стащилъ съ лошади, легъ на него и началъ кусать лѣ лицо; старались его стащить съ офицера, но это было невозможно, на немъ его и изрубили. Искусанный французъ съ негодованіемъ увѣрялъ меня, что отъ мужика нахло водкою. Быть можетъ, это была правда, но не думаю, чтобы въ ту минуту сохранилъ онъ довольно хладнокровія, чтобы сдѣлать такое замѣчаніе. Въ злобѣ рассказывало что-то смѣшное даже для товарищей его. Французы принуждены были выдвинуть два орудія и выстрѣлить по толпѣ нѣсколько разъ картечью. Последние сіи защитники Кремля были всѣ побиты“. Изъ записокъ Перовскаго, „Русскій Архивъ“, 1865 г. стр. 262—263.

*) Вѣстужель-Рюминъ, стр. 88.

ся, что его голодная и истомленная войска пріймется грабить городъ, не смотря на всѣ принятія имъ мѣры предосторожности, и его опасеніе не замедлило оправдаться: едва только наступила темнота, какъ во всѣхъ улицахъ столпцы появились грабители. Они врывались какъ въ пустыя, такъ и въ жилища дома, требовали себѣ прежде всего пиши и водки, затѣмъ обыскивали всѣ комнаты и хватали все, что попадалось имъ подъ руки: вещи, платье, бѣлье. Одни изъ грабителей держали себя при этомъ вѣжливо, приглашали даже хозяевъ ѣсть съ собою; но другіе вынуждали силою указать спрятанныя деньги или сокровища. „Въ теченіи этой ночи, — рассказываетъ одинъ москвичъ, — я часто выходилъ на дворъ и слышалъ стоны въ сосѣднихъ домахъ, — стоны, означающіе разбойническій грабежъ“ *). Но все это было только начало. Москва только стояла на порогѣ ужасовъ, ожидавшихъ ее, — ужасовъ безпримѣрныхъ въ исторіи.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

*) Рассказъ москвича о Москвѣ во время пребыванія въ ней французовъ въ первые три недѣли сентября 1812 года. Чтенія Общества истор. и древ. Смѣсь, стр. 98.

НАШИ НОВЫЕ „ФИЛОСОФЫ И БОГОСЛОВЫ“.

(Продолженіе *).

Основное философское положеніе г. Соловьева.—Связь этого положенія съ ученіемъ Шеллинга о тождествѣ идеальнаго и реальнаго.—Ученіе г. Соловьева о теософическомъ „всеединствѣ“.—Три потенціи въ этомъ „всеединствѣ“.—Тождество этихъ потенцій съ потенціями Шеллинга.—Наше сужденіе о нихъ.—Теософическое понятіе г. Соловьева о „богочеловѣчности“.—Основанное на „богочеловѣчности“ единеніе церквей и „христіанская политика“ г. Соловьева.—Опасности на пути осуществленія этого единенія.—Г. Соловьевъ требуетъ церковнаго союза только съ латинянами.—Его программа этого союза.—Наша сужденія объ этой программѣ.—Ея противорѣчія существующимъ программамъ главныхъ христіанскихъ церквей.—Національныя церкви и ихъ значеніе въ дѣлѣ церковнаго единенія.—Главнѣйшія цѣли „христіанской политики“ г. Соловьева.—Основные задачи жизни восточной и въ частности русской Церкви.

Г. Соловьевъ философъ, довольно близкій послѣдователь Шеллинга, и потому усвоилъ себѣ его теософическую точку зрѣнія. Въ этомъ состоитъ характеристическая особенность философіи г. Соловьева. Какое же основное понятіе его теософіи? Во имя какого, главнымъ образомъ, начала онъ такъ настойчиво требуетъ церковнаго единенія съ западными христіанами? Этимъ основнымъ началомъ надобно признать его метафизическое ученіе о „всеединствѣ“. Въ чемъ же состоитъ оно? Мы должны извиниться предъ читателями, если для выясненія ученія г. Соловьева объ этомъ предметѣ, коснемся нѣкоторыхъ основныхъ философскихъ положеній нашего теософа. Мы считаемъ необходимымъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, 1885 г. № 1.

сдѣлать это въ видахъ болѣе яснаго и болѣе связнаго пониманія занимающаго насъ вопроса. Мы сказали, что г. Соловьевъ теософъ; но онъ не всегда остается вѣрнымъ теософической точкѣ зрѣнія, и въ своемъ изложеніи ученія о церковномъ союзѣ съ Римомъ очень часто оставляетъ теософическую точку зрѣнія и переходитъ къ теологической. Поэтому, слѣдя за ходомъ мыслей г. Соловьева, надобно имѣть въ виду обѣ эти точки зрѣнія въ ихъ связи, единствѣ и внутреннемъ соотношеніи. Итакъ, въ чемъ же состоитъ метафизическое или теософическое ученіе г. Соловьева о „всеединствѣ“? Шеллингъ сказалъ, что отрѣшаясь отъ всѣхъ нашихъ мыслей, чувствъ и желаній, мы въ глубинѣ своего духа можемъ созерцать безусловное тождество идеальнаго и реальнаго. Г. Соловьевъ тоже говоритъ, что „отрѣшаясь отъ всѣхъ опредѣленныхъ образовъ бытія, отъ всѣхъ ощущеній и мыслей, мы въ глубинѣ своего духа можемъ находить безусловно сущее какъ такое, т. е. не какъ проявляющееся въ бытіи, а какъ свободное или отрѣшенное отъ всякаго бытія“. Г. Соловьевъ доказываетъ дѣйствительное *бытіе* этого безусловнаго—сущаго, отрѣшеннаго отъ всякаго *бытія*, тѣмъ на его взглядъ несомнѣннымъ фактомъ, что „во всѣхъ человѣческихъ существахъ глубже всякаго опредѣленнаго чувства, представленія и воли лежитъ непосредственное воспріятіе *абсолютной дѣйствительности*, въ которомъ сущее отрывается какъ безусловно единое и свободное отъ всѣхъ опредѣленій“. Чѣмъ же познается или воспринимается нами эта безусловная дѣйствительность? Непосредственнымъ воспріятіемъ или непосредственнымъ чувствомъ, отвѣчаетъ г. Соловьевъ. „Это внутреннее воспріятіе безусловной дѣйствительности, говоритъ онъ, не связанное ни съ какимъ опредѣленнымъ содержаніемъ, само по себѣ одинаково у всѣхъ, какія бы различныя названія ему ни давались, ибо здѣсь нѣтъ образа, нѣтъ отношенія, а слѣдовательно нѣтъ и множественности, все сливается въ одно непосредственное и безразличное чувство“. Г. Соловьевъ, взволнованный этимъ чувствомъ, возвышается даже до поэтическаго восторга и говоритъ:

„И если въ чувствѣ ты блаженъ всецѣло,
Зови его какъ хочешь—я названья
Ему не знаю. Чувство все, а или
Лишь звукъ одинъ или дымъ, что застилаеть
Безсмертный пылъ небеснаго огня“.

Очевидно, предъ нашимъ уметвеннымъ взоромъ предносится безусловное тождество идеальнаго и реальнаго, говоря словами Шеллинга, или безусловное „всеединство“, пользуясь терминологіею г. Соловьева. Но это всеединство на первый разъ представляется еще какимъ-то безжизненнымъ, неподвижнымъ и совершенно неопредѣленнымъ. Г. Соловьевъ, подобно Шеллингу, силою своей логики оживотворяетъ его, олицетворяетъ, даетъ ему полноту, движеніе и жизнь. Мы не имѣемъ надобности слѣдить за всѣмъ логическимъ процессомъ этого оживотворенія и олицетворенія. Но мы должны сказать нѣсколько словъ объ отношеніи дѣйствительнаго бытія, дѣйствительныхъ предметовъ къ этому безусловному „всеединству“. Когда мы созерцаемъ только безусловное единство всего, разсуждаетъ г. Соловьевъ, то мы созерцаемъ нѣчто совершенно неопредѣленное, „ото всего отрѣшенное и потому ко всему безразличное, и если мы остановимся на одной этой сторонѣ, какъ это дѣлаетъ отвлеченный мистицизмъ, то вступимъ въ противорѣчіе съ самымъ понятіемъ истинно сущаго; ибо какъ безусловное начало всякаго бытія, оно не можетъ быть только какъ отрѣшенное ото всего, а по необходимости должно быть и *какъ сущее во всемія*. Только въ этой полнотѣ можетъ оно быть обозначено какъ *абсолютное* *). Что же такое оно само въ себѣ? Оно есть субъектъ, субстанція, начало всякаго бытія, но само оно не есть бытіе, не можетъ истощиться въ предикатѣ бытія. „Сущее, говоритъ г. Соловьевъ, не есть бытіе, но ему принадлежитъ всякое бытіе въ томъ же смыслѣ, какъ мы должны сказать напримѣръ, что чело-вѣкъ (мыслящій) не есть мышленіе, но ему принадлежитъ мышленіе. Какъ мыслящій не тождественъ съ мышленіемъ, но имѣетъ мышленіе, такъ и сущее не тождественно съ бытіемъ, но имѣетъ

*) „Русскій Вѣстникъ“, т. 145. 1880 г. стр. 352.

бытіе или *обладаетъ* бытіемъ *). Отсюда отърывается, что безусловно сущее, или абсолютное первоначально есть то, что *имѣетъ въ себѣ положительную силу всякаго бытія*, положительную возможность, положительную *потенцію* бытія, но само въ себѣ должно быть названо „*сверхсущимъ* или даже *сверхмоущимъ*“. Если это воззрѣніе на абсолютное начало всего нѣсколько несогласно съ обычнымъ богословскимъ, или какъ выражается г. Соловьевъ, отвлеченно - мистическимъ представленіемъ Божества: *Я есмь Сый*, какъ открылъ Самъ Богъ Моисею, т. е. „Я есмь полнота бытія, Я есмь бытіе по преимуществу“: то это для его цѣли не имѣетъ никакой важности. Ошибки философіи или теософіи, конечно, можетъ полагать онъ, какъ и всего человѣческаго, всегда возможны и даже извинительны, если только онѣ проистекаютъ изъ добрыхъ побужденій. Но только такимъ образомъ г. Соловьевъ устанавливаетъ переходъ отъ первой потенціи ко второй, отъ перваго абсолютнаго ко второму абсолютному. Когда г. Соловьевъ опредѣляетъ абсолютное первоначально какъ то, что обладаетъ положительною силой бытія, то въ этомъ опредѣленіи *implicite* утверждаетъ, во-первыхъ, что абсолютное первоначало само по себѣ свободно отъ всякаго бытія, и во-вторыхъ, что оно заключаетъ въ себѣ всякое бытіе въ своей положительной силѣ или производящемъ началѣ. „Эта сила, говоритъ г. Соловьевъ, которою абсолютное обладаетъ, и есть *второе начало*, т. е. непосредственная, ближайшая или *вторая потенція* бытія, тогда какъ само абсолютное или первое начало, какъ обладающее ею, или сильное надъ нею, есть отдаленная или первоначальная потенція бытія“. Такимъ образомъ, „вторая потенція, принадлежащая абсолютному первоначалу по самому опредѣленію его, есть его собственная сущность“ **). Эту вторую потенцію г. Соловьевъ называетъ не только силою или сущностію Божества, но и любовью (Богъ есть любовь), проявленіемъ и образомъ Божества, идею и

*) Тамъ-же. стр. 349.

**) Тамъ-же. стр. 356.

даже первичною психическою матеріею (*materia prima* древнихъ философовъ). Впрочемъ употребляя это послѣднее выраженіе (*materia*, ἕλη), г. Соловьевъ считаетъ необходимымъ оговориться. „Я слѣдую, говоритъ онъ, словоупотребленію философіи, а не химіи или механики, которымъ нѣтъ никакого дѣла до первыхъ началъ или производящихъ силъ бытія, чѣмъ исключительно занимается философія. Очевидно, что матерія физики и химіи, имѣющая различныя качества и количественныя отношенія, представляющая, слѣдовательно, уже нѣкоторое опредѣленное или образовательное бытіе, имѣетъ характеръ предметный, или феноменальный, слѣдовательно никакъ не есть собственно матерія или чистая потенція бытія, и вообще не можетъ принадлежать къ первымъ началамъ или образующимъ элементамъ сущаго“. Онъ усваиваетъ своей метафизической матеріи психическій характеръ и въ доказательство правильности своего взгляда ссылается на современныхъ ученыхъ, „пѣзъ коихъ болѣе глубокомысленныя сводятъ матерію къ динамическимъ атомамъ, то-есть центрамъ силъ; понятіе же силы принадлежитъ совершенно къ субъективной или психической области“ *). Итакъ мы имѣемъ предъ собою двѣ потенціи въ абсолютномъ. Точно такимъ же образомъ, т. е. при посредствѣ логическаго процесса, можно найти въ этомъ абсолютномъ и третью потенцію, и мы сильно сомнѣваемся, чтобы процессъ численнаго нахожденія потенцій могъ имѣть какой-либо предѣлъ, т. е. чтобы надобно было остановиться только на трехъ потенціяхъ въ абсолютномъ. Стоитъ только разсѣять понятія, вдумываться въ ихъ существенныя признаки и затѣмъ иностазировать (олицетворять) ихъ, какъ выражается г. Соловьевъ, и мы будемъ имѣть столько потенцій, сколько намъ угодно. Можно напр. противопоставлять сверхсущее и сверхмогущее, какъ первую потенцію, не возможности или силѣ бытія, какъ второй потенціи, что дѣлаетъ г. Соловьевъ; но можно противопоставить эту первую потенцію другому или новому сверхсущему,

*) Тамъ-же, стр. 357—58.

другому или новому сверхмогущему, т. е. можно находить еще болѣе *высшее* сверхсущее, еще болѣе *высшее* сверхмогущее и затѣмъ можно олицетворить все это, и мы будемъ имѣть уже не три потенціи, а четыре. Кто можетъ запретить намъ найти ихъ больше? Но г. Соловьевъ останавливается на трехъ потенціяхъ, и въ этомъ отношеніи остается вполнѣ вѣрнымъ ученикомъ Шеллинга, который тоже говоритъ лишь о трехъ потенціяхъ. Пусть будетъ такъ. Мы спросимъ только читателя, ужели это теософическое ученіе представляется ему болѣе яснымъ, болѣе реальнымъ, чѣмъ богословское ученіе о трехъ лицахъ Божества? Имѣлъ-ли поэтому право г. Соловьевъ вмѣстѣ съ Шеллингомъ упрекать теологію въ отвлеченности, неабсолютности, т. е. неполнотѣ ея ученія, и напротивъ видѣть въ теософіи кабую-то реальность, абсолютность и полную истину? Мы этого не думаемъ. Даже на самомъ западѣ, гдѣ впервые явилось Шеллингово ученіе о трехъ потенціяхъ, оно подверглось разнообразнымъ сужденіямъ. Если Неандеръ, извѣстный церковный историкъ, не находилъ словъ для прославленія его, то другой историкъ и глава новотюбингенцевъ, Бауръ, по-просту назвалъ его галimatъею *). На нашъ взглядъ во всемъ этомъ теософическомъ ученіи о потенціяхъ можно видѣть только, выражаясь словами Преосвященнаго Амвросія, „неопредѣленность и туманность идей, смѣшеніе идей христіанскихъ съ философскими, и въ добавокъ еще стремленіе тайны христіанскаго ученія облекать въ философскія понятія и формулы“. Впрочемъ, спорять только о довазательствахъ, а не о вкусахъ. Когда пойдетъ дѣло на то, что кому нравится, тутъ нѣтъ спора. Для насъ же важно это ученіе въ томъ отношеніи, что оно служитъ, какъ выражается г. Соловьевъ, основой „богочеловѣчности“, т. е. отраженія или выраженія теософическаго „всеединства“ въ человѣческомъ родѣ, или частице въ христіанской Церкви. „Чистая *potentia* (возможность), справедливо говоритъ г. Соловьевъ,—есть ничто“. Какъ же превращаетъ онъ

*) Dr. Ferdinand Christian Baur's Kirchengeschichte des neunzehnten Jahrhunderts. Tubingen 1862. стр. 384.

ее въ *ничто*? „Для того, говоритъ онъ, чтобы потенція была больше чѣмъ ничто, необходимо, чтобы она была какъ нибудь и гдѣ-нибудь осуществлена, т. е. то, что есть только *potentia* въ одномъ, было актомъ (дѣйствительностію) въ другомъ. И если многое какъ не все, т. е. частное, не можетъ быть актомъ въ абсолютномъ, то слѣдовательно оно должно имѣть дѣйствительность внѣ его“ *). „Оно должно быть въ абсолютномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы содержать *acti* (въ дѣйствительности) частное, неистинное, оно должно быть внѣ абсолютнаго. Итакъ рядомъ съ абсолютнымъ какъ такимъ, то-есть которое *acti* есть всеединсе, мы должны допустить другое существо, которое также абсолютно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не тождественно съ абсолютнымъ какъ такимъ. Если первое отъ вѣчности *есть* всеединное, то второе *становится* всеединнымъ во времени; если первое вѣчно *обладаетъ* всеединнымъ, то второе прогрессивно *пмъ овладѣваетъ*, и то по мѣрѣ своего соединенія съ первымъ. Это второе всеединное, этотъ „второй Богъ“, говоря языкомъ Платона, *Ur-mensch*, говоря языкомъ Шеллинга, природа, міровая душа, человѣчество, вселенская Церковь, говоря языкомъ г. Соловьева, есть истинное „Богочеловѣчество“, „пбо только въ человѣкѣ второе абсолютно—міровая душа и пр. находятъ свое дѣйствительное осуществленіе въ обоихъ своихъ началахъ, какъ абсолютно *сущее* (Богъ) и абсолютно становящееся (человѣкъ)“ **). Все это до непостижимости мудро. Все это таинственно и загадочно, по суду даже самого г. Соловьева ***). И если онъ ищетъ разрѣшенія или объясненія этого таинственнаго и загадочнаго двойственнаго существа въ насъ самихъ, въ нашей безусловной субъективности съ одной стороны, и въ нашемъ природномъ или эмпирическомъ состояніи, съ другой: то на нашъ взглядъ загадка все же остается загадкой, и тайна насколько этимъ не разъясняется. На нашъ взглядъ это удивительное двойственное существо только запутываетъ и затемняетъ

*) Тамъ же, стр. 351.

***) Тамъ-же, стр. 367.

***) Тамъ-же, стр. 369.

ясное теологическое ученіе о Церкви. Какъ-бы то, впрочемъ, ни было, но только такимъ образомъ г. Соловьевъ излагаетъ свое теософическое ученіе о „всеединномъ“, которое отъ вѣчности существуетъ въ абсолютномъ, и которое во времени осуществляется или реализуется въ „Богочеловѣчности“. Только такимъ образомъ мы должны представлять себѣ то метафизическое или теософическое „всеединство“, которымъ г. Соловьевъ пользуется, какъ логическимъ основаніемъ для доказательства необходимости единенія церквей дѣйствительнаго, немедленнаго, живаго, не смотря ни на какія затрудненія, ни на какія преграды. Въ самомъ дѣлѣ, если мы усвоимъ себѣ теософическую точку зрѣнія г. Соловьева; если убѣдимся (скажемъ по-яснѣе, чѣмъ онъ самъ говоритъ), что всѣ мы отъ вѣчности соединены въ Богѣ и въ Немъ соединены другъ съ другомъ; если это вѣчное соединеніе мы призваны осуществить въ своей „Богочеловѣчности“, т. е. въ томъ союзѣ, въ которомъ божественное реализуется въ человѣческомъ, или въ Церкви христіанской: то какой смыслъ, какое значеніе будутъ имѣть всѣ тѣ препятствія, которыя люди полагаютъ на пути къ осуществленію этой цѣли? Ихъ препятствія, преграды, запрещенія не божественнаго характера, лишь задерживаютъ осуществленіе „Богочеловѣчности“,—этой главной задачи жизни всего человѣчества или, по крайней мѣрѣ, христіанскаго человѣчества, и должны быть отвергнуты самымъ рѣшительнымъ образомъ, даже съ пожертвованіемъ всѣхъ низшихъ задачъ, всѣхъ чисто человѣческихъ цѣлей. Наше метафизическое „всеединство“ непременно и по необходимости должно быть отобразено въ свободномъ (?) союзѣ. „Свободное единеніе человѣчества въ Церкви Христовой, говоритъ г. Соловьевъ, есть цѣль христіанской политикѣ. Эта цѣль не можетъ быть доступна, пока самый первообразъ вселенскаго единенія на землѣ—видимая Церковь—пребываетъ раздѣленною. Поэтому первая задача христіанской политикѣ есть возстановленіе церковнаго единства. Но, чтобы это дѣло—соединеніе церковныхъ обществъ—было дѣломъ христіанской политикѣ, оно должно происходить прямо изъ религі-

озно-правственныхъ побужденій и ими руководствоваться. *Цѣлью* здѣсь во всякомъ случаѣ должно быть духовное единеніе церковныхъ обществъ, а все остальное должно служить лишь средствомъ для этой цѣли“ *). Читатель видитъ, что съ этой точки зрѣнія г. Соловьевъ равно можетъ требовать союза со всѣми христіанскими церквами, со всѣми христіанскими обществами, съ римско-католиками столько-же, какъ и съ протестантами; но г. Соловьевъ не идетъ такъ далеко. Онъ требуетъ союза только съ латинскою церковію, и если не исключаетъ совершенно изъ этого союза протестантовъ: то говоритъ въ отношеніи къ нимъ только о *присоединеніи*, а не о соединеніи. Сужденіе, какъ это само собою очевидно, нѣсколько суровое въ отношеніи къ протестантамъ, и намъ кажется, едвали самъ Шеллингъ могъ-бы одобрить кого-либо за подобное примѣненіе имъ измышленныхъ теософическихъ началъ къ его еднновѣрцамъ. Но г. Соловьевъ имѣетъ своего рода основанія для этого, и мы ихъ сейчасъ увидимъ.

Когда говорятъ о религіозномъ союзѣ, то непременно разумѣютъ нѣчто *общее*, нѣчто *общепринимаемое* лицами, вступающими въ этотъ союзъ. Гдѣ нѣтъ этого общаго, тамъ невозможенъ никакой союзъ. Но на этомъ пути ищущему религіознаго союза могутъ встрѣтиться двѣ опасности: или впасть въ такъ называемый *латитудинаризмъ* **) (религіозную безсодержательность) или — въ *партикуляризмъ* (религіозную исключительность). Именно этой опасности подвергались протестанты, когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія задумали устроить унію между различными своими обществами. Г. Соловьевъ хочетъ избѣжать обѣихъ крайностей; онъ столько-же отвергаетъ религіозную безсодержательность, какъ и религіозную исключительность. Для этой цѣли онъ останавливается своимъ вниманіемъ на томъ вѣроученіи, которое было общепринятымъ въ вселенской Церкви до начала отдѣленія Запада отъ Востока, и въ духѣ своей философіи формулируетъ

*) „Русь“ 1863, № 23, стр. 25.

**) Отъ латинскаго слова *latitudo* — широта, пустота.

это ученіе въ такомъ общемъ видѣ, что при этомъ у него исчезаютъ всѣ различія, всѣ отличія въ вѣроученіи Церкви Восточной и Церкви Западной. Онъ ищетъ собственно возстановленія прежде бывшаго союза, не обращая вниманія на тѣ вѣроисповѣдныя различія, которыя существуютъ въ христіанскомъ обществѣ въ настоящее время, и которыя какъ сначала расторгли этотъ союзъ, такъ образовались уже и послѣ раздѣленія церквей. Съ этой точки зрѣнія для него „ясно, что говорить о соединеніи церквей“ можно только разумѣя православныхъ съ католиками, ибо такое соединеніе будетъ выраженіемъ *истины*, т. е. выраженіемъ того единства, которое въ существѣ дѣла уже есть (было?). Въ примѣненіи же къ протестантамъ терминъ „соединеніе церквей“ не можетъ имѣть никакого смысла, такъ какъ протестантская церковь вовсе и не существуетъ и слѣдовательно можно говорить только о воссоединеніи протестантовъ съ Церковью“. Здѣсь вѣрно то, что у протестантовъ нѣтъ ученія о Церкви въ нашемъ смыслѣ, а тѣмъ болѣе въ римско-католическомъ; но у нихъ существуетъ *свое* ученіе о Церкви, равно какъ и *своя* Церковь по ихъ убѣжденію. 7-й и 8-й членъ „Аугсбургскаго исповѣданія“ напр. излагаетъ протестантское ученіе о Церкви, которое и принимается большинствомъ протестантовъ. Что же касается *истины*, выраженіемъ или осуществленіемъ которой долженъ быть церковный союзъ: то рѣшительно нельзя сказать того, чтобы у насъ и у протестантовъ не было общепризнаваемыхъ истинъ. Не говоря уже о положительныхъ истиннахъ, какова напр. истина Божественности Лица Іисуса Христа, у насъ и у нихъ есть много отрицательныхъ истинъ, равно принимаемыхъ и нами и протестантами,—таково напр. общепринимаемое нами отрицаніе всѣхъ новозмысленныхъ католическихъ догматовъ. А если эти истины для насъ и для нихъ несомнѣнныя и общепризнаваемыя, то почему онѣ не должны приводить насъ къ церковному союзу съ протестантами, когда мы будемъ держаться теософической точки зрѣнія г. Соловьева? Если вѣрно то, что каждая общепризнаваемая истина должна выра-

жаться или осуществляться во взаимномъ союзѣ признающихъ ее, то почему этотъ союзъ, на основахъ общепризнаваемыхъ истинъ, не возможенъ съ протестантами? Нельзя-же серьезно смотрѣть на протестантское ученіе, какъ на абсолютную ложь, какъ на абсолютное заблужденіе. Только католическіе богословы могутъ утверждать подобную нелѣпость *). Въ чемъ-же дѣло? Дѣло въ томъ, что *политика* г. Соловьева, требуя восстановленія союза съ одними латинянами, уже измѣняетъ теософической точкѣ зрѣнія и возвращается къ теологической. Остается-ли она, по крайней мѣрѣ, вѣрна этой послѣдней точкѣ зрѣнія? Нѣтъ, христіанская политика г. Соловьева и ею пользуется совершенно произвольно, въ духѣ протестантскихъ уніонистовъ, которые признали однѣ изъ христіанскихъ истинъ существенными, а другія—несущественными (*fundamentale und nicht fundamentale*). Это именно надобно сказать, разсматривая самую программу или условія союза г. Соловьева для церквей Восточной и Западной. Какія-же это условія? „Эти условія, говоритъ онъ, суть именно: во-первыхъ, признаніе богочеловѣческой власти въ церковной іерархіи, чрезъ апостольское преемство отъ Христа преемствующей (путь Христовъ); во-вторыхъ, исповѣданіе богочеловѣческой вѣры, т. е. православнаго догмата объ истинномъ и совершенномъ Божествѣ и истинномъ и совершенномъ челоуѣчествѣ Христа, согласно опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ (истина Христова); въ третьихъ, участіе въ богочеловѣческой жизни чрезъ приобщеніе св. таинствамъ, какъ начаткамъ новой духовной тѣлесности и благодатной жизни (Христосъ какъ жизнь въ насъ) **). Г. Соловьевъ говоритъ даже, что всѣ тѣ, которые принимаютъ эту программу или эти условія союза, несомнѣнно принадлежать къ Церкви Христовой—на землѣ; они въ Церкви и Церковь въ нихъ, будутъ-ли они принадлежать къ Церкви Восточной, или Западной, будутъ-ли или не будутъ они единомысленны въ по-

*) См. Kirchengeschichte des neunzehnt. Jahrhunderts, Baur. Tubingen. 1862. S. 309 и слѣд.

***) „Русь“ 1883, № 23, стр. 27.

вниманіи подробностей ученія о власти церковной, о вѣрѣ и таинствахъ и прочее. Конечно, г. Соловьевъ, пользуясь свободою своей философіи вообще, или логики въ частности, могъ собирать или расширять свою программу, какъ ему угодно; а потому могъ включать въ свой церковный союзъ, или исключать изъ него кого ему угодно; но намъ всегда будетъ представляться подобное произвольное дѣйствіе измѣною не только теософической, но даже и принятой имъ теологической точки зрѣнія, всегда будетъ представляться несправедливостію въ отношеніи къ протестантамъ. Повторяемъ, уже-ли г. Соловьевъ не видитъ у протестантовъ никакого пути Христова, никакой истины Христовой и никакой жизни Христовой? Не могъ-ли онъ поэтому, держась теософической точки зрѣнія, еще болѣе расширить свою программу, чтобы не исключать изъ союза и протестантовъ? Если-же г. Соловьевъ держится теологической точки зрѣнія, то къ какой теологіи должна быть отнесена его программа союза? Очевидно, она противорѣчитъ теологіи протестантской. Примутъ-ли ее, по крайней мѣрѣ, латиняне? Мы въ этомъ сильно сомнѣваемся. Латинская программа союза намъ достаточно извѣстна; она вся состоитъ въ исключительномъ признаніи римскихъ догматовъ. Скажемъ прямо, программа г. Соловьева не только произвольна, неопредѣленна и темна, но и рѣшительно противорѣчитъ ученію Восточной Церкви, которой онъ не отказываетъ въ своемъ уваженіи. Для того, чтобы находиться въ союзѣ съ этою Церковію, недостаточно только признавать богочеловѣческую власть въ церковной іерархіи, происходящую чрезъ апостольское преемство отъ Христа, но надобно признавать ее въ томъ видѣ, въ тѣхъ-же границахъ и такъ, какъ она учреждена Самимъ Іисусомъ Христомъ и его апостолами; недостаточно только исповѣданіе догмата объ истинномъ богочеловѣчествѣ Іисуса Христа, но надобно исповѣдывать и всѣ другіе догматы, напримѣръ догматъ объ исхожденіи Духа Святаго отъ одного Бога Отца, т. е. надобно исповѣдывать боготкровенную истину въ полномъ объемѣ, безъ всякихъ сокращеній и прибавленій, и при томъ такъ, какъ эта истина возвѣщена

намъ Самимъ Господомъ и Его апостолами; недостаточно пако-нець участвовать въ святыхъ таинствахъ, какъ благодатныхъ источникахъ духовной жизни, какъ-бы и кѣмъ-бы они ни совершались, но надобно принимать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ предлагаетъ ихъ наша святая Церковь, и не должно видѣть въ нихъ какія-то орудія іерархическаго самовластія и іерархическихъ притязаній. Словомъ, надобно хранить божественную истину и церковный институтъ неизмѣнно, именно такъ, какъ все это получено нами отъ божественнаго Учителя. Программа союза Восточной Церкви ясна для всѣхъ; эта программа одна и таже во все время, она и въ наши дни не измѣнилась ни на іоту. Именно эту программу союза Восточная Церковь предлагаетъ всѣмъ и въ наши дни. Когда Пій IX-й обратился къ Константинопольскому патриарху Анепму съ приглашеніемъ на свой Ватиканскій соборъ, то вотъ что отвѣчалъ ему патриархъ: „Назадъ тому десять вѣковъ существовала единая Церковь, исповѣдующая одни и тѣже догматы, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, какъ въ новомъ, такъ и въ древнемъ Римѣ. Перенесемъ въ эту эпоху и посмотримъ—кто прибавилъ и кто убавилъ. Уничтожимъ нововведенія, если они обаяются,—и тогда мы все прійдемъ къ одному и тому-же каноническому православію, отъ котораго мало-по-малу удалился Римъ послѣднихъ вѣковъ“. Но когда въ замѣнъ этой программы предлагаютъ свою, пзмышленную на основаніи протестантскаго дѣленія догматовъ на существенные и несущественные, центральные и периферическіе, хотя и не высказываютъ этого дѣленія ясно, тогда предлагаютъ церковный союзъ на условіяхъ рѣшительно невозможныхъ для Восточной Церкви. Нѣтъ, церковнаго союза нельзя добиться на основаніи программъ не опредѣленныхъ, такъ сказать, двуличневыхъ и туманныхъ; для церковнаго союза требуется полное единеніе въ вѣрѣ и любви. Но возвращаемся къ мистическому „всеединству“ или христіанскому единенію г. Соловьева.

Конечно, церковное единеніе возможно и нужно только тамъ, гдѣ существуетъ разнообразіе; тамъ-же, гдѣ нѣтъ этого разнооб-

разія, тамъ возможно только тождество церквей, а не единеніе, какъ восстановленный свободный или сердечный союзъ. Съ этимъ положеніемъ, думаемъ, легко можетъ согласиться всякій православный богословъ, съ этимъ-же положеніемъ можетъ согласиться и всякій теософъ. Само собою разумѣется только, что это церковное разнообразіе, требующее единенія, должно и достигать его и затѣмъ не должно нарушать единства церквей, не должно вызывать среди нихъ розни или противрѣчія. Но согласятся-ли съ указаннымъ нами положеніемъ современная намъ латинская теология? Мы этого не думаемъ. Въ первые вѣка христіанства всѣ помѣстные церкви, сохраняя единство, различались между собою только во внѣшнемъ отношеніи и въ основаніи этого различія лежала *національность*. Даже въ западной римской имперіи долго сохранялось національное различіе церквей; на Западѣ напримѣръ существовала церковь италіанская, африканская, галльская, испанская, британская, германская, какъ на Востокѣ существовало много другихъ національных церквей. Національность, какъ различающій признакъ церквей, выражалась въ національномъ языкѣ, употреблявшемся при богослуженіи, въ національныхъ литургіяхъ, во крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ церквей, въ національномъ духовенствѣ, въ національныхъ центрахъ церковнаго союза, или въ національной митрополичьей власти, и даже въ нѣкоторомъ особенномъ національномъ устройствѣ церквей. Все это однако не должно было нарушать единства вѣры и единства общихъ церковныхъ постановленій. Даже въ 861 году, когда уже началась великая рознь между Церковію восточною и западною, патріархъ Фотій, послѣ двукратнаго Константинопольскаго собора, писалъ папѣ Николаю I: „есть много канонѣвъ, которые у однихъ въ употребленіи, а другіе не имѣютъ о нихъ никакаго понятія... нѣкого нельзя *обязывать* исполнять законъ, котораго онъ не получилъ, лишь не нарушалась-бы вѣра и общія постановленія“ *). Такъ-ли смотритъ нынѣшняя римско-католическая

*) См. „Христ. Чтеніе“. 1884 г. №№ 11—12, стр. 729.

ская церковь на національное разнообразіе церквей, какъ всегда смотрѣла, да и теперь смотритъ на это дѣло Церковь восточная? Совершенно нѣтъ. Понявши церковное единеніе, какъ совершенное тождество церквей, западная церковь вооружилась противъ національнаго церковнаго разнообразія всею силою своей власти, и она достигла своей цѣли. Она изгнала изъ богослужебнаго употребленія языкъ національный и отвела ему мѣсто только въ такъ называемомъ у ней богослуженіи добавочномъ; она отмѣнила употребленіе національныхъ литургій и сдѣлала общеобязательною одну лишь литургію римскую; она уничтожила національное духовенство, превративши его въ духовенство римское, или ультрамонтанское; она вооружилась противъ митрополичьей власти и уронила всякое національное значеніе этой власти; она потребовала однообразнаго и тождественнаго устройства національныхъ церквей и потребовала всего этого во имя папскихъ буллъ и папскихъ декреталій, а не во имя соборныхъ опредѣленій вселенской Церкви и даже вопреки соборнымъ опредѣленіямъ. Словомъ римская церковь отвергаетъ національное разнообразіе въ Церкви и стремится къ безусловному тождеству всѣхъ національныхъ церквей. И такъ какъ національная Церковь служитъ главнѣйшею и часто даже единственною основою національной жизни народовъ, то вооружаясь противъ національныхъ церквей, римская церковь этимъ самымъ идетъ противъ національной жизни вообще. Всѣ націи должны служить лишь римскому престолу св. Петра. Таковъ ея господствующій духъ, такова ея главная идея и главный характеръ. Такъ поняла она слова великаго Апостола: *въ Церкви Христовой нѣтъ ни эллина, ни іудея, ни раба, ни свободнаго: но все едино во Христа Иисуса*. Осуществила ли уже римская церковь свой идеалъ, т. е. можетъ-ли она остановиться на этомъ пути разрушенія всего національнаго? Кто можетъ это сказать? Но если идеалъ всегда мыслится выше дѣйствительности, если въ идеалѣ всегда остается нѣчто не осуществленное на опытѣ: то въ римской церкви мы должны видѣть силу, задерживающую національное развитіе и враждебную ему.

Въ этомъ отношеніи не обманывались и не обманываются христіанскіе политики какъ прежнихъ временъ, такъ и современные намъ, какъ протестантскіе, такъ и католическіе! Довольно вспомнить при этомъ имена такихъ политиковъ, какъ Бисмаркъ и Гладстонъ, короли: Викторъ Эммануэль, Гумбертъ и президентъ современной намъ французской республики—Греви. Прекрасно характеризуетъ современный католицизмъ г. Тернеръ, когда говоритъ: „въ католицизмѣ вѣрующій слой общества все болѣе и болѣе склоняется къ ультрамонтанизму и это явленіе совершенно естественное и необходимое. Противопоставленіе католической вѣры всякой свободной мысли и всякой независимой наукѣ, получившее свое окончательное выраженіе въ Силлабусѣ, торжество ученія о необходимости *жертвы интеллекта*, требованіе неискренности убѣжденія, а только слѣплаго повиновенія,—все это создаетъ совокупность условій, при существованіи которыхъ чело-вѣку остается только выборъ между окончательнымъ подавленіемъ въ себѣ всякой самостоятельности и всякой личной отвѣтственности съ предоставленіемъ всей жизни непосредственному руководству духовнаго начальства (отсюда названіе *directeur de conscience*) и политѣйшимъ невѣріемъ, которое, параллельно съ развитіемъ ультрамонтанизма, и охватываетъ дѣйствительно все болѣе и болѣе католическое общество, доходя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до положительной ненависти къ христіанской религіи“ *).

Таковы папскіе идеалы и таковы ихъ конецъ: или ультрамонтанство, или ненависть къ христіанству; другой выходъ невозможенъ.

Но г. Соловьевъ не даетъ особенно важнаго значенія національности. Онъ требуетъ отъ каждаго народа, по крайней мѣрѣ отъ русскаго народа, прежде всего исполненія международныхъ *обязанностей*, а не своихъ ближайшихъ, національныхъ задачъ. Онъ говоритъ: „если матеріальные интересы отдѣльныхъ людей поражаютъ общій народный интересъ, то и нравственные интересы отдѣльныхъ людей порождаютъ общій нравственный пи-

*) „Правосл. Обзоръ.“ 1884 г. № 10. См. статью „Церковь“, стр. 356—7.

тересъ народа, относящійся уже не къ отдѣльнымъ членамъ другихъ народовъ, а къ цѣлости,—у народа является нравственная обязанность къ другимъ народамъ и ко всему человѣчеству“ *).

Г. Соловьевъ признаетъ, конечно, что для каждаго народа существуютъ дѣла, какъ выражается онъ, текущей минуты, злоба историческаго дня, не стоящая въ прямой связи съ высшими нравственными интересами. Но объ этой злобѣ дня, объ этихъ ближайшихъ національныхъ задачахъ онъ не хочетъ разсуждать. Его христіанская политика имѣетъ въ виду лишь тѣ „великіе жизненные вопросы, въ разрѣшеніи которыхъ народъ долженъ руководствоваться прежде всего голосомъ совѣсти (забывая даже и истину), отодвигая на второй планъ всѣ другія соображенія“.

Когда народъ исполняетъ эти высшія задачи своей совѣсти, когда прилагаетъ высшія велѣнія христіанской нравственности къ вопросамъ и дѣламъ политическимъ,—словомъ, когда стремится къ религіозному союзу именно съ римско-католиками: тогда онъ „избѣгаетъ узкаго націонализма, возведенія исключительнаго интереса въ высшій принципъ жизни и усвоенія себѣ преимущественнаго значенія въ кругу другихъ народовъ, тогда онъ достигаетъ истинной національности, истиннаго патриотизма, состоящаго въ возведеніи народа къ высшему образцу правды и любви; потому что народъ, желающій во чтобы ни стало сохранить душу свою въ замкнутомъ и исключительномъ націонализмѣ, потеряетъ ее; напротивъ же, полагая свою душу всю въ сверхнародное (которое впрочемъ не есть безнародное) вселенское дѣло Христова, призывая всѣхъ одинаково къ дѣлу всемірнаго спасенія, такой народъ спасаетъ свою душу“ и достигаетъ истиннаго патриотизма *).

Итакъ исполненіе своихъ христіанскихъ обязанностей въ отношеніи къ другимъ народамъ, призываніе всѣхъ къ дѣлу всемірнаго спасенія, возстановленіе религіознаго союза съ римско-католиками,—вотъ въ чемъ должна состоять истинная національ-

*) „Русь“ 1883 г. № 1, стр. 22.

*) Тамъ-же стр. 23—25

ность, истинный патриотизмъ, по крайней мѣрѣ, русскаго народа; вотъ высшія задачи русскаго національной политики. Мы будемъ имѣть возможность говорить подробно о нашихъ христіанскихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ другимъ народамъ, когда будемъ разсматривать *этическія* основанія г. Соловьева, приводимыя имъ въ доказательство необходимости нашего церковнаго единенія съ римскою церковію. Теперь же посмотримъ, насколько правъ г. Соловьевъ, когда призваніе всѣхъ людей къ дѣлу всемірнаго спасенія, и, ближайшимъ образомъ, когда возстановленіе церковнаго союза съ римскою церковію онъ считаетъ *главною* задачею нашей русскаго политики, отличительнымъ признакомъ истиннаго русскаго патриотизма, и пророчитъ намъ великія блага отъ подобной національной политики нашей. Очевидно, христіанская политика г. Соловьева, столь заботливая о всемірномъ спасеніи и столь расположенная къ союзу съ римскою церковію, хочетъ стоять опять не на философской, а на теологической точкѣ зрѣнія. Мы опять должны спросить, къ какой же теологіи она должна быть приурочена? Очевидно, къ латинской, потому что восточная Церковь и, въ частности—русская не вмѣшиваются въ политику, имъ достаточно много дѣла и безъ политическихъ заботъ. Если бы напр. русская Церковь успѣла вполне исполнить свои ближайшія задачи внутри Россіи, если-бы напр. успѣла просвѣтить всѣхъ своихъ инородцевъ и инородцевъ свѣтомъ истинной вѣры и истинной жизни: то, по нашему мнѣнію, она исполнила бы болѣе высокое и болѣе святое дѣло, чѣмъ если бы приняла на себя заботу о какомъ-то всемірномъ спасеніи и искала-бы свободнаго союза съ римскою Церковію, какъ какого-то незыблемаго основанія этого всеобщаго спасенія. Вся политика восточной Церкви, (если только слово политика можетъ быть применено къ ея жизни), состоитъ въ томъ, что она предлагаетъ свою свѣтлую истину, данную ей Богомъ, предлагаетъ свои освященные таинства и свое святое руководство всѣмъ, которые желаютъ найдтись съ нею въ союзѣ и нравственно созрѣли уже на столько, что ищутъ жизни разумной, святой и богоугодной, и

этимъ путемъ она ведетъ человѣчество въ осуществленію высочайшихъ всемірныхъ задачъ. Прекрасно сказалъ профессоръ Олесницкій въ своей прошлогодней академической рѣчи (28 сент. 1884 г.), что послѣдній и самый глубокій факторъ высшаго или вообще нравственнаго усовершенствованія человѣка есть самъ индивидуальный человѣкъ. А между тѣмъ именно эту-то индивидуальную сторону человѣческой жизни въ наше время заслоняютъ стороною общественною, или политико-гражданскою, и оставляютъ ее въ нравственномъ небреженіи. Онъ говоритъ: „какую ни возьмемъ слабую нравственную сторону нашего времени, всегда найдемъ, что она имѣетъ причину свою въ недостаткѣ нравственнаго дисциплированія и нравственнаго укрѣпленія индивидуальной жизни“. Онъ указываетъ затѣмъ многіе господствующіе пороки, коренящіеся въ индивидуальной недостаточности развитія, и между прочимъ говоритъ: „точно также ослабленіе въ наше время чувства авторитета по отношенію къ начальствующимъ имѣетъ корень свой въ ослабленіи авторитета божескаго, а послѣдній не можетъ быть вызванъ въ человѣкѣ по призыванію. А такъ какъ каждое общество слагается изъ индивидуумовъ, характеръ и направленіе жизни индивидуума отражаются на теченіи общественной жизни, то естественно, что нравственно испорченная личность, такъ или иначе, будетъ вносить порчу въ общество, какъ-бы оно ни было крѣпко организовано и предохранено своими мѣрами отъ вредныхъ случайностей“. И вотъ почему святая Церковь наша предлагаетъ свои воспитательныя благодѣянія прежде всего индивидуумамъ, но она не навязываетъ этихъ благодѣяній никому, ни посредствомъ грубаго насилія, ни посредствомъ тонкаго нравственнаго давленія, ни посредствомъ матеріальныхъ выгодъ, ни посредствомъ мистическаго панскаго авторитета. Она шадитъ свободу человѣка и обращается только съ одной его совѣсти. Она остается вѣрна своему божественному Учителю, который отклонялъ отъ себя всякія политическіе и политико-экономическіе интересы и все вниманіе обращалъ на индивидуальную нравственную сторону человѣка, на его индивидуальное улучшеніе въ связи съ

глубокою покорностію Провидѣнію. Этому-то примѣру должны подражать и всѣ истинныя церкви и всѣ истинные преобразователи человѣчества. Пусть въ этомъ видятъ нѣкоторые, какъ это видятъ г. Соловьевъ, неподвижность нашей Церкви, ея пассивность и даже окаменѣлость; пусть укоряютъ ее въ недостаткѣ энергіи, въ недостаткѣ вліянія особенно при сравненіи съ суетливою и запальчивою дѣятельностію римской церкви; она величественная и спокойная, отвергаетъ всю эту политическую суету, весь этотъ гамъ и шумъ пзъ-за преобладанія, пзъ-за преимущественнаго вліянія, видя во всемъ этомъ или недостатокъ сознательной благодаренной силы, или даже явное выраженіе своекорыстныхъ расчетовъ и, предоставляя своимъ народамъ полную свободу національнаго развитія, ведетъ ихъ путемъ индивидуальнаго развитія къ своимъ высокимъ цѣлямъ. Именно потому, что она не вдается въ политику, но въ тоже время вліяетъ въ высшей степени благотворно на индивидуальное развитіе, на національное самосознаніе народовъ, она даетъ этимъ народамъ энергическую жизненность, изумительную крѣпость силъ и указываетъ высокія національныя и международныя задачи, исполнѣ благотѣльныя для всего человѣчества. Она сохраняла жизнь дряхлой Византійской имперіи въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, когда Римская имперія давно уже лежала въ развалинахъ; она пробудила и вызвала къ бытію славянское самосознаніе; она создала Россію могущественную, православную, святую. Прекрасно говоритъ г. К. А. по поводу статей г. Соловьева: „Упрекая восточную Церковь въ „мертвенности“, „неподвижности“, „косности“, въ „исключительно созерцательной жизни“, г. Соловьевъ не вспомнилъ, что эта бездѣятельная Церковь создала великій духъ стомилионнаго народа, единственнаго народа, у котораго національное чувство поглощено чувствомъ религіознымъ, или, по крайней мѣрѣ, отождествлено съ нимъ. Что въ параллель этому дѣлу восточной Церкви можетъ выставить дѣятельная западная церковь? Да, наконецъ, гдѣ-же сама она? гдѣ западная церковь? Не въ Ватиканѣ-ли? Но тамъ „мизмъ“. Не во Франціи-ли? Можетъ быть въ Испаніи, въ Венгріи,

въ Польшѣ? Восточная-же Церковь несомнѣнно жива въ Россіи. За дѣлами ея любви намъ идти не далеко. Ея сыны замерзали на Шипкѣ, надалеку подъ Плевной; она явила непонятный въ XIX вѣкѣ примѣръ *національно-христіанской политики* *)).

М. Стояновъ.

(Продолженіе будетъ).

*) „Русь“ 1883 г. № 18. стр. 33.

Лѣтопись важнѣйшихъ событій и явленій церковной жизни за прошедшій годъ.

(Продолженіе *).

Въ собесѣдованіи, происходившемъ 5 февраля въ семинарской церкви (въ Москвѣ), имѣлось въ виду разъяснить старообрядцамъ, что безъ законно-поставленной іерархіи служеніе ихъ Богу не есть истинное служеніе, при чемъ раскольники, отторгаясь отъ православной Церкви, какъ заблуждающейся, и въ то-же время принимая ея уставы, впадаютъ въ безысходное противорѣчіе сами съ собою. Господь Иисусъ Христосъ сказалъ своимъ послѣдователямъ: „не всякъ глаголай Ми: Господи, Господи! увидеть въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего“ (Мѡ. 7, 21). Святая воля искупившаго Своєю крестною смертію человѣческой родъ Господа Иисуса Христа была та, чтобы Церковь, Имъ основанная, была подъ водительство пастырей, законно поставленныхъ по преемству отъ Апостоловъ, которые были первыми пастырями Церкви. Когда-же раскольники составляютъ свои молитвенныя собранія и мнятся въ нихъ службу совершати Богу, не имѣя ни законнаго епископа, ни даже законныхъ пресвитеровъ, то ихъ богослуженіе не можетъ быть названо согласнымъ съ волею Божіею. Превозношеніе совершенствомъ своихъ службъ, строгость исполненія уставовъ Церкви до мельчайшихъ подробностей, не можетъ ихъ оправдать передъ Богомъ, коль скоро они находятся въ отдѣленіи отъ Церкви, и сами не могутъ составить Церкви, ибо не имѣ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 1.

ють законной іерархіи. Самыя эти церковныя пѣснопѣнія и чтенія, неупустительнымъ исполненіемъ коихъ при богослуженіи раскольники думаютъ восполнить свою пагубную ошибку, свое отдѣленіе отъ Церкви, служатъ только къ обличенію ихъ неправды и посрамленію. Напр. какой смыслъ можетъ имѣть для безпоповца 9-я пѣснь пасхальнаго канона: „о, пасха велия и священнѣйшая, Христе!“ Умирая совсѣмъ безъ напутствія въ вѣчную жизнь св. таинствомъ тѣла и крови Христовой, какъ осмѣливаются возглашать эту пѣснь раскольники-безпоповцы, которымъ она не только не внушаетъ сладостныхъ обѣтованій, но и ставитъ ихъ лицомъ къ лицу со своей неправдой? Или, напр., у раскольниковъ, какъ и у православныхъ, читается въ 1-й день Пасхи извѣстное слово св. Златоуста, въ которомъ говорится, что „трапеза уготована, тѣлець упитанъ, предложенъ, вси насладимся мира“. Какой упитанный тѣлець предложенъ для трапезы старообрядцевъ-безпоповцевъ, когда они отвергаютъ евхаристію, а потому и части во спасеніи не имѣютъ? Наравнѣ съ православными и старообрядцы поютъ въ своихъ молельняхъ пѣснь церковную: „удивися о семъ небо“, гдѣ говорится, что Богоматерь величаютъ „ангеловъ и человекъ чиновачалія“. Подъ именемъ чиновачалія въ Церкви разумѣется ея іерархія, которой или совсѣмъ нѣтъ у старообрядцевъ (какъ у безпоповцевъ), или нѣтъ законной (какъ у поповцевъ). Въ канонѣ на день Срѣтенія Господня одна изъ пѣсней, возглашаемыхъ какъ православными, такъ и старообрядцами, читается такъ: „Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжалъ еси чествою Твоею кровію“. Какъ могутъ возглашать и это пѣснопѣніе старообрядцы (безпоповцы), не становясь въ противорѣчіе сами съ собой, когда у нихъ нѣтъ таинства евхаристіи, ибо нѣтъ іерархіи, установленной Господомъ? Отторгшись отъ Церкви, отдавши себя въ руководство самозванному священству (какъ поповцы), или совсѣмъ не имѣя іерархіи (какъ безпоповцы), раскольники противоборствуютъ обѣтованію Спасителя, который поставилъ въ Церкви „пастырей и учителей“ для созиданія духовнаго блага вѣрующихъ, и нарушаютъ вмѣстѣ заповѣдь Апостоловъ, самовидцевъ Господа, которые изрекли:

„епископу поручени суть людїе Господни и безъ епископа пресвитеры ни чтоже да творять“ (39 пр. св. Апостоль) *).

Не липена и интереса бесѣда православныхъ миссіонеровъ со старообрядцами, происходившая 22-го января въ г. Боровскѣ, Калужской епархіи. Вожакъ и начетчикъ здѣшнихъ старообрядцевъ, Тѣвняевъ, дабы довазатъ свою мысль, что единовѣрцы отвергають православное троеперстіе, вычиталъ изъ Филаретова Потребника (л. 71 на обор.) въ чинѣ о принятїи отъ ереси слова: „иже не крестится двѣма перстома, яко Христось, да будетъ проклятъ“, тогда какъ въ этомъ чинѣ говорится: „иже не крестить“, т. е. говорится не о крестномъ знаменїи, а о священническомъ благословенїи. Когда миссіонеры, въ доказательство древности употребленїя именовсловаго сложенїя перстовъ, именно для благословенїя, показали въ Евангелїи, изданномъ при патріархѣ Гермогенѣ, изображенїе св. Апостола Іоанна Богослова, благословляющаго именовсловнымъ сложенїемъ перстовъ ученика своего Прохора, то Тѣвняевъ, не зная еще года изданїя Евангелїя, призналъ, по внимательномъ осмотрѣ, сложенїе перстовъ у евангелиста именовсловнымъ, и даже своею рукою показалъ такое сложенїе всему народу; но лишь только ему сказали, что разсмотрѣнное имъ Евангелїе издано при второмъ нашемъ патріархѣ Гермогенѣ, и когда онъ убѣдился въ этомъ изъ выходнаго листа, то сталъ упорно утверждать, что у св. Іоанна благословенїе изображало старообрядческое двуперстіе. Старообрядцы-же, присутствовавшїе при собесѣдованїи, не хотѣли и слушать разъяспенїй миссіонеровъ, обличавшихъ явную недобросовѣстность ихъ главнаго начетчика. Въ этотъ-же день сторожъ, стоявшїй у дверей храма и наблюдавшїй за входящими на собесѣдованїе, замѣтилъ, что одинъ раскольникъ входитъ въ церковь въ шапкѣ. На требованїе сторожа снять шапку раскольникъ отвѣтилъ: „по вашему не грѣхъ и въ шапкахъ; у васъ барыни ходять-же въ церковь въ шапкахъ“ („Прав. Обзор“ . февраль 1884 года).

Бесѣды со старообрядцами въ Москвѣ не остались безплодны. Такъ 4-го марта, въ Чудовомъ монастырѣ, преосвященнымъ Мисаиломъ было совершенно присоединенїе къ право-

*1) „Москов. Церк. Вѣд.“, 1884 г. № 7.

славной Церкви трехъ старообрядческихъ начетчиковъ („Южн. Кр.“ 1884 года, № 1108). Подъ влияніемъ тѣхъ-же бесѣдъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ зависимости и отъ личныхъ сношеній съ преосвященнымъ Мисаиломъ воссоединенъ былъ съ православною Церковію въ г. Калугѣ и старообрядческій діаконъ М. К. Чичкинъ. Нѣсколько ранѣе обращенія Чичкина, въ декабрь 1883 года, возвратились въ лоно православной Церкви нѣсколько старообрядцевъ въ с. Флоровѣ Калужскаго уѣзда, благодаря собесѣдованіямъ со старообрядцами членовъ Калужскаго противораскольническаго братства, а затѣмъ собесѣдованіямъ мѣстнаго священника о. Никольскаго *).

Не меньше, чѣмъ расколъ, доставляетъ заботы для православной Церкви злополучное православное населеніе въ западныхъ губерніяхъ, помѣщенное, какъ въ тискахъ, среди католическаго полонизма, этого естественнаго врага православія и русской народности, и пришлаго нѣмецкаго населенія (въ Царствѣ Польскомъ, напр., въ 1873 году проживало 108,902 иностранца, съ земельной собственностью въ 1,883,376 морговъ; изъ этихъ иностранцевъ болѣе 30-ти тысячъ человѣкъ не были подданными русскаго государства). Если польскіе вожаки и не совсѣмъ вѣрятъ въ возможность возстановленія Польши „отъ моря до моря“, то они не прочь воспользоваться услугами католицизма, въ лицѣ его духовенства, для исправленія того ущерба, который принесъ польской народности союзъ съ Римомъ. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ: католицизмъ столь много оставилъ пагубныхъ слѣдовъ своего влияния въ исторіи Польши, и столь далеко вошелъ въ плоть и кровь польской народности, что „католичество“ составляетъ чуть-ли не самую характерную черту въ опредѣленіи, потерявшей славянскій обликъ, польской народности. Не имѣя точекъ опоры внѣ католицизма своимъ отжившимъ стремленіямъ, полонизмъ всю надежду возлагаетъ на католичество въ лицѣ его духовенства. И духовенство это, живущее преданіями ста-

*) Въ с. Бековѣ Саратов. губ., замѣчательное движеніе между старообрядцами вызвано собесѣдованіями миссіонера К. А. Попова. 50 старообрядцевъ присоединились къ православной Церкви на правахъ единовѣрія. («Ц. В». 1884 г. № 17)

раго Рима о міровомъ владычествѣ, подаетъ охотно руку полякамъ для поддержанія ихъ мечтательныхъ политическихъ притязаній. При помощи духовенства поляки дѣлаютъ все возможное, дабы помѣшпать полному слитію западныхъ губерній съ имперіею,—поставить преграду поддержанію и распространенію православія и русскаго языка учрежденіемъ тайныхъ польскихъ школъ и различными церковно-политическими мѣрами. Такъ, напр., по сообщеніямъ газетъ, съ 1—23 марта. обнаружено въ Западномъ краѣ существованіе 17-ти тайныхъ польскихъ школъ со 164 учащихся („Церков. Вѣстн.“ 1884 г. № 18). Какъ подготовительная мѣра, ополяченіе Западнаго края, упроченіе въ населеніи польскаго языка въ ущербъ русскому несомнѣнно находится въ тайныхъ замыслахъ поляковъ. Едва ли кто можетъ сомнѣваться, что вышеупомянутыя обнаруженныя польскія школы составляютъ лишь самую малую часть дѣйствительно существующихъ тайныхъ польскихъ школъ (по сообщенію „Руси“, такихъ школъ закрыто уже не менѣе ста). Кромѣ распространенія въ народѣ католическо-польскихъ воззрѣній посредствомъ школъ, въ Западномъ краѣ организована тайная разносная книжная торговля польскими молитвенниками, букварями, различными польскими книжками заграничнаго изданія, и другими „безцензурными“ изданіями. Главное мѣсто этой торговли находится въ Вильнѣ, главныя орудія ея—евреи. Въ типографіи еврея Рота печатались бланки на право производства разносной торговли книгами лицамъ, не имѣвшимъ на то дозволенія отъ пачальства, и такихъ бланковъ найдено на лицо 1710. Вся эта дѣятельность направлена во вредъ православной Церкви и русской народности. Въ недавно произнесенномъ и напечатанномъ ученіи Супрасльскаго (въ Гродн. губ.) архимандрита Николая утверждается, что не только русскіе крестьяне католическаго исповѣданія, но и многіе изъ православныхъ крестьянъ, хотя и знаютъ нѣкоторыя молитвы, но лишь на языкѣ польскомъ, и ни одной на русскомъ, и учатъ не русской, а польской грамотѣ дѣтей своихъ. Особенно распространена среди католическаго крестьянскаго населенія западныхъ губ. польская книжка: „Злотый Олтаржыкъ“ (Молитвословъ). Изъ отношенія

высокопреосвященнаго архіепископа Литовскаго и попечителя Виленскаго учебнаго округа отъ 14 декабря 1883 года мы узнаемъ, что распространеніе польскихъ книгъ оказывается особенно вреднымъ въ крестьянскихъ семействахъ отъ браковъ лицъ православныхъ съ лицами католическаго исповѣданія. („Русь“ 1884 г., № 10). Бесѣда, произшедшая нѣ Виленской дорожѣ у одной бѣлорусски съ сельскимъ учителемъ — литвиномъ, показываетъ, какъ ведется полонизація въ западныхъ губерніяхъ. „Что-жъ дѣти читаютъ во вторую зиму?“ спрашиваетъ бѣлорусска литвина. — У насъ есть свои книги. „Напримѣръ?“ — Олтаржики, молитвы, катехизмъ. „Такъ ты по польскимъ книжкамъ и учишь?“ — Да, а то еще, кто попроситъ, и по-русски наламываю. „Вотъ что, милый, мнѣ странно. Кажется вы не поляки?“ — Известно, нѣтъ. Мы литовцы. „Ну такъ отчего-бы вамъ не учиться лучше по литовски, чѣмъ по-польски, уже если батъки не хотятъ учить по-русски?“ — Эхъ, барынька. Да вѣдь Богу-жъ мы молимся по польски. „Зачѣмъ?“ — Какъ зачѣмъ? священники велятъ. „Да вѣдь дома вы говорите не по польски, а или по литовски, или по русски?“ — Мало-ли что! Однажды ксендзъ нашелъ у ученика молитвенникъ на русскомъ языкѣ. Такъ что-жъ онъ? Порвалъ — порвалъ его на кусочки, бросилъ на полъ и затопталъ ногами. Да еще ругалъ какъ. Говорилъ, что причастія не дастъ. Ну и боятся. „Ну, а скажи пожалуйста: какъ-же становой, урядники? Вѣдь знаютъ-же они про твою школу?“ — Повѣрьте, что никогда у меня школы не найдутъ. Десятники — наши-жъ мужики. Чуть что — сейчасъ на коня, да и вонъ изъ деревни, пускай ищутъ учителя („Русь“ 1884 г., № 10). Дѣйствія поляковъ вообще отличаются строгою послѣдовательностію. Воспріавъ новую бодрость со времени соглашенія русскаго правительства съ Римомъ, католическо-польскіе епископы стали безбоязненно раздавать награды и наказанія подчиненному ему духовенству, отличая тѣхъ патеровъ, которые потерпѣли наказаніе за преступныя дѣянія предъ Россіей, и уничижая патеровъ, оказывавшихъ повинновеніе русской власти. Такъ Сандомірскій еп. Соткевичъ выразилъ ксендзу Урбанскому желаніе, чтобы онъ оставилъ свое мѣсто (Урбанскій пользуется такою-же славою,

какою пользовался извѣстный Жилинскій). Епископъ Люблинскій Вноровскій возвратилъ санъ священника лишенному священства и присужденному нѣкогда къ смертной казни, а затѣмъ помилованному Сдегенному, и назначилъ его настоятелемъ церкви въ Люблинѣ. Епископъ Виленскій Гриневецкій, не имѣя возможности, при защитѣ русскихъ властей, лишить мѣста ни въ чемъ неповиннаго патера Копцюевича, отлучилъ его *a divinis*, т. е. воспретилъ богослуженіе (Р. В. Мартъ, 1884). Затѣмъ, когда учреждено было Почаевское братство, поставившее своей задачей матеріальную поддержку и заботы о богомольцахъ, посѣщающихъ Почаевскую Лавру, польская печать и іезуитскія власти встревожились. Появился указъ уніатскаго митрополита, въ которомъ внушается уніатскимъ священникамъ не допускать уніатовъ, усердно посѣщающихъ Почаевскій монастырь, въ Почаевъ, а совѣтовать имъ ходить на богомолье въ мѣста уніатскихъ святыхъ, напр. Подкаменье, Заварвицу и проч. (Стран. Мартъ, 1884 г.).

15 февраля прошлаго года скончался на покоѣ, въ Пожайскомъ монастырѣ (близъ Ковно) преосв. Антоній (Зубко), ближайшій сотрудникъ литовскаго митрополита Іосифа (Сѣмашко) въ дѣлѣ обращенія къ православной Церкви отторгнутыхъ отъ нея сыновъ.

Настоящее отношеніе полонизма и католицизма къ Россіи невольно обращаетъ мысль православнаго къ исторіи отношеній православія и католицизма въ 16 столѣтіи. Тогда, какъ и теперь, полонизмъ, посредствомъ подчиненія себѣ въ религіозной области жителей Западной Россіи, старался возвысить свое политическое господство надъ ними, прибрать ихъ къ рукамъ. Послѣ союза Литовской Руси съ Польшою во второй половинѣ 16 столѣтія, поляки рѣшились навсегда и неразрывно сплотить съ польской державой присоединенный край. Такъ какъ прямой путь—проповѣдь латинства—оказался непригоднымъ, ибо встрѣчалъ отпоръ въ православныхъ, то избрѣтательные іезуиты выдумали для православныхъ ловушку въ видѣ церковной уніи, которая имѣла служить подготовленіемъ православныхъ къ постепенному и неизбѣжному подчиненію папскому игу. У той и другой стороны, у православ-

ныхъ и у латинянъ, подъ унией разумѣлось лишь соединеніе съ римскою церковію, подчиненіе главѣ ея въ іерархическомъ отношеніи, безъ нарушенія законовъ и обычаевъ греческой Церкви и славянскаго языка при богослуженіи; но такъ какъ сами виновники униіи считали ее неизбѣжнымъ зломъ на пути подчиненія православныхъ Риму, то всѣ эти правила объ униіи латиняне и не считали себя обязанными исполнять, и смотрѣли на нихъ лишь какъ на средство для первоначальнаго успокоенія православныхъ, которыхъ они предполагали, устроивши себѣ точку опоры во лживой униіи, исподволь приучить къ порядкамъ Римской церкви. Дѣятельность латинянъ, направленная къ превращенію униатовъ въ католиковъ, въ теченіи 17 и 18 вѣковъ, до раздѣла Польши, имѣла такой успѣхъ, что къ концу 18 вѣка въ Литвѣ православные считались въ небольшомъ числѣ. Подготовленіе русскихъ къ переходу въ латинство совершалось двумя путями: безжалостнымъ гоненіемъ греко-униатскаго блага духовенства и переустройствомъ униатскихъ монастырей. Гоненіе противъ униатскаго духовенства выказалось въ томъ, что іезуиты озаботились его повергнуть въ положеніе крайней бѣдности и невѣжества, въ которомъ оно не могло осуществлять своего просвѣтительнаго призванія. Съ этою цѣлію духовныя школы, бывшія при монастыряхъ и находившіяся на попеченіи православныхъ братствъ, были упразднены, какъ только монастыри перешли къ униатамъ, а богатыми фундаментами школъ стали пользоваться монахи. Походъ іезуитовъ противъ православныхъ школъ кончился тѣмъ, что у униатовъ не осталось ни одной школы для приготовленія правоспособныхъ лицъ для пастырскаго служенія. Къ матеріальному гнету былъ присоединенъ и нравственный. Іезуиты разглашали, что дѣти униатскихъ священниковъ — дѣти незаконно-рожденные (по каноническому римскому праву священники должны быть безбрачными). Дѣло-же переустройства униатскихъ монастырей состояло въ томъ, что въ униатскіе монастыри открытъ былъ широкій доступъ тайнымъ католикамъ, которые при постриженіи въ монашество представлялись униатами, дабы, вступивъ на поприще воспитанія юношества, столь любезное латинскимъ монахамъ, внушить воспитанникамъ недовѣріе къ

православію и вѣру въ правду Римской церкви. И дѣйстви-тельно послушники въ уніатскихъ монастыряхъ воспитывались въ духѣ латинумудрія, и готовились впоследствии стать бор-цами за дѣло, которое не было ихъ собственнымъ.

При отсутствіи школъ, ряды уніатскаго духовенства напол-нялись священническими дѣтьми, выучившимися у родителей только русской и польской грамотѣ, или не кончившими курсъ въ свѣтскихъ училищахъ. Угнетеніе духовенства, матеріаль-ное и духовное, принесло свой плодъ: латинскіе порядки поне-многу стали входить въ уніатскую церковь. Въ церквахъ уніат-скихъ стали исчезать православныя иконостасы; мнимо уніат-скіе монахи, получившіе названіе базилианъ, усвоили одежду іезуитовъ, а бѣлое духовенство—одежду католическихъ ксенд-зовъ и ихъ обычай брить бороду.

Не смотря на всѣ происки іезуитовъ, полное обращеніе въ католичество русскаго народа не удалось, по той простой при-чинѣ, что гордые ксендзы держали греко-уніатское духовен-ство въ черномъ тѣлѣ, презирали ихъ и не считали ихъ сво-ими близкими.

По возвращеніи западныхъ губерній къ Россіи, для уніатовъ миновала пора преслѣдованій. При Александрѣ I въ Полоцкѣ была учреждена для уніатовъ семинарія, въ которой, вмѣстѣ съ другими дѣтьми священниковъ (числомъ около 50 человѣкъ), обучался и будущій епископъ Антоній Зубко, продолжившій затѣмъ свое образованіе въ главной семинаріи при Вилен-скомъ университетѣ, вмѣстѣ съ будущимъ Литовскимъ архі-епископомъ Іосифомъ Сѣмашко.

Эти два доблестные мужа и были главными дѣятелями въ воссоединеніи уніатовъ съ православною Церковію, при могу-щественномъ покровительствѣ блаженной памяти Государя Ни-колая Павловича, который началъ питать полное довѣріе къ Іосифу Сѣмашко, послѣ того какъ послѣдній, въ званіи ассе-сора греко-уніатскаго департамента римско-католической кол-легіи, составилъ о положеніи уніатовъ записку, доведенную до свѣдѣнія Государя. Побужденные обстоятельства жизни къ сравнительному изученію православія и латинства, и вынес-шіе изъ историческаго ихъ изученія убѣжденіе въ правдѣ пра-

вославія, Іосифъ Сѣмашко и Антоній Зубко съ этого времени всѣ силы употребляютъ для приготовленія униатовъ къ соединенію съ православіемъ. Благодаря запискѣ Іосифа Сѣмашко, двѣ униатскія епархіи, Луцкая и Виленская, упразднены; изъ четырехъ униатскихъ епархій образованы двѣ: Литовская, съ епархіальнымъ управленіемъ въ мѣстечкѣ Жировицахъ (Гродненской губерніи) и Бѣлорусская, съ мѣстопробываніемъ епархіальной власти въ Полоцкѣ; большая часть базилянскихъ монастырей была упразднена, а на счетъ монастырскихъ фундушей учреждена вторая униатская Литовская семинарія, въ Жировицахъ (основателемъ которой и первымъ ректоромъ въ теченіи 12 лѣтъ былъ Антоній Зубко) и уѣздныя духовныя училища.

Послѣ усмиренія польскаго мятежа, когда ксендзы и дворяне на время отказались отъ своихъ замысловъ ополячить русскую народность въ Западномъ краѣ, настало благопріятное время для направленія движенія униатовъ къ православію. Руководители были теперь въ силѣ. Іосифъ Сѣмашко былъ въ то время архіепископомъ Литовскимъ, а Антоній Зубко съ 1834 года былъ викаріемъ литовской епархіи. Еще прежде въ званіи ректора Жировицкой семинаріи, Антоній Зубко въ личныхъ бесѣдахъ съ духовными лицами изъ униатовъ, не упускалъ случая указывать на то, что церковная унія, при допущенномъ униатами искаженіи греческихъ обрядовъ и введеніи новыхъ латинскихъ, теряетъ свой смыслъ; не умнравшее никогда въ униатскомъ духовенствѣ сознаніе своей отчужденности въ средѣ католицизма онъ поддерживалъ въ немъ разъясненіемъ гнусной лжи и поддѣлокъ, предъ которыми не останавливается католицизмъ для подтвержденія своей доктрины. Теперь, въ званіи Литовскаго викарія, онъ совершилъ не одну поѣздку по Литовской епархіи—съ тою-же цѣлію указать духовенству на незаконность допущенныхъ въ богослуженіи измѣненій. Послѣ этого, когда греко-униатская коллегія прислала въ униатскія церкви богослужебныя книги московской печати, униатское духовенство уже оказалось расположеннымъ принять ихъ за немногими исключеніями. Видя въ этомъ обстоятельстве благопріятный знакъ, Антоній, съ разрѣшенія

митрополита Іосифа, началъ собирать заявленія отъ благочинныхъ, а послѣдніе отъ священниковъ, относительно ихъ желанія участвовать въ общемъ присоединеніи къ православію; надежды Литовскаго викарія на униатское духовенство оправдались: изъ 700 священниковъ только четверо отказались отъ присоединенія („Странникъ“, 1884 г. февраль).

Недавно праздновавшійся 50 лѣтній юбилей епископскаго служенія высокопреосвященнаго Исидора митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго заставляеть насъ благодарно вспомнить, что этотъ маститый первосвятитель русской Церкви, во время епископскаго служенія въ двухъ западныхъ епархіяхъ, своею христіанскою мудростію и попеченіями направилъ униатское движеніе на надлежащій путь, ко благу Церкви и государства. Такъ въ адресѣ московскаго духовенства юбиляру говорится: „въ Бѣлой Россіи открылось церковное движеніе: униаты, отторгнутые лубавствомъ отъ своей матери—православной Церкви, вспомнили о ней и пожелали возвратиться въ ея лоно. Нужна была мудрая опытность, чтобы дать правильное направленіе этому движенію. Не затруднилась высшая правительственная власть въ выборѣ способнаго по требованію времени. По указанію нашего руководителя на васъ палъ жребіи водворить въ матернее лоно православной Церкви уклонившихся сыновъ ея. Тихо и мирно совершали вы этотъ великій подвигъ, сперва въ Полоцкѣ, потомъ въ Могилевѣ“. („Странникъ“, декабрь, 1884 г.).

Между тѣмъ какъ въ западныхъ губерніяхъ со стороны польскихъ католиковъ предпринять былъ походъ противъ православія,—въ другой русской окраинѣ, Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ, открылось движеніе къ православію. Начавшись въ 1883 году, движеніе это продолжалось и въ прошедшемъ. Съ разрѣшенія Св. Синода учреждены уже два новые прихода для новообращенныхъ: одинъ въ Леалѣ, другой въ Новомъ Вердерѣ, и предполагается основаніе третьяго прихода недалеко отъ первыхъ. Получаются извѣстія о переходѣ въ православіе эстонцевъ въ Мехшигалѣ, Гольденбекѣ, Фикелѣ („Церк. Вѣстн.“ № 10-й, 1884 года). Проживающіе въ Кронштадтѣ 1,500 эстонцевъ выразили желаніе принять правосла-

віе, и для наставленія ихъ въ православной вѣрѣ и богослуженіи вызванъ туда священникъ Тизикъ. Руководящіе люди въ Остзейскомъ краѣ по своему обычаю теперь, какъ и прежде, стараются представить это религіозное движеніе въ ложномъ свѣтѣ,—надѣются убѣдить властныхъ лицъ въ томъ, что къ этому движенію примѣшиваются стремленія не религіознаго свойства, могущія внести нежелательную струю въ спокойное русло государственной жизни. Но вѣдь всѣ знаютъ, что въ 40-хъ годахъ 150 тысячъ туземцевъ въ Остзейскихъ губерніяхъ приняли православіе, и однако никакихъ замѣшательствъ отъ этого перехода не произошло. Нѣмецкіе заправители въ краѣ распространяютъ также слухъ, будто-бы эстонскіе крестьяне переходятъ въ православіе изъ корыстныхъ цѣлей, надѣясь на уменьшеніе церковныхъ налоговъ и на полученіе за перемѣну вѣры матеріальной награды. Эти измышленія остзейскихъ нѣмцевъ звучатъ злой насмѣшкой въ ихъ устахъ, когда мы вспомнимъ, что и до сихъ еще поръ крестьяне-собственники, по принятіи православія, несутъ поземельную повинность въ пользу лютеранской церкви и ея служителей *). Напротивъ, переходъ въ православіе сопряженъ съ лишеніями для новообращенныхъ: вмѣстѣ съ переходомъ крестьяне-арендаторы часто лишаются своихъ усадебъ, сельскіе рабочіе съ трудомъ находятъ занятія у лютеранъ-помѣщиковъ, учителя немедленно теряютъ свои мѣста. Наконецъ, примѣръ ранѣе перешедшихъ въ православіе не даетъ повода ожидать какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ отъ перехода. Какъ хорошо живетъ православнымъ на помѣщичьей землѣ, подъ гнетомъ лютеранскихъ помѣщиковъ, можно видѣть изъ того, что изъ 150 тысячъ эстовъ, обратившихся въ православіе въ 40-хъ годахъ, въ 1861—1864 гг. около половины перешло снова въ лютеранство, не выдержавъ матеріальнаго угнетенія. Эсты и латыши, стремясь въ лоно православной Церкви, слѣдуютъ только движенію своей души, не находящей успокоенія въ лютеранствѣ и отеческаго расположенія въ лютеранскомъ духовенствѣ. Извѣстно, что лютеранское духовенство представляетъ любопытный классъ духовныхъ лицъ, умудряющихся совокуплять, только не въ гар-

*) По слухамъ, эту подать предположено отменить.

моническомъ единствѣ, двѣ совершенно противоположныя миссіи: пастырей Христова стада и нѣмецкихъ культуръ-трегеровъ. Въ пользу предположенія, что не ожиданія матеріальныхъ выгодъ располагаютъ эстонцевъ и латышей къ православію, а именно неспособность лютеранства къ удовлетворенію стремленій человѣческой души, ищущей умиротворенія и оживотворенія—свидѣтельствуется то обстоятельство, что эстонцы массами переходятъ въ сектантство („секта пробужденныхъ“), а латыши въ баптизмъ. Лютеранство—не есть вѣроисповѣданіе массы: масса вообще не способна довольствоваться религіозными утѣшеніями, доступными только уму; она нуждается въ осязательномъ, реальномъ утѣшеніи, котораго лютеранство доставить не въ состояніи. Потерявши довѣріе къ лютеранству, латыши и эсты стремятся къ православію еще и потому, что православное духовенство знаетъ одно дѣло—свое призваніе, любитъ миръ, чуждо всякихъ интригъ и не протягиваетъ руки къ тому, что находится внѣ сферы его вѣдѣнія. Между тѣмъ лютеранское духовенство въ Остзейскихъ губернскихъ, потерявъ довѣріе своихъ прихожанъ, насиліемъ старается завладѣть ихъ умами, добиваясь пазначенія годичнаго искуса для желающихъ перейти въ православіе. („Церков. Вѣстн.“ 1884 г. №№ 10 и 14). „Лифляндскіе крестьяне, говоритъ преосвященный Филаретъ, давно уже были недовольны лютеранствомъ и расположены къ православію. Въ 1841 году на собраніи лифляндскихъ пасторовъ въ Венденѣ былъ поставленъ вопросъ: какія слѣдуетъ принять мѣры къ тому, чтобы остановить замѣчаемую склонность крестьянъ къ православію? Лифляндскіе крестьяне Венденскаго уѣзда съ давняго времени имѣли обыкновеніе по три раза въ годъ отправляться въ Якобштадскую православную церковь для молитвъ, какъ это видно изъ церковныхъ книгъ Якобштадской церкви. Кроме того латыши и эсты каждый годъ хаживали по благочестивому усердію въ Печерскій монастырь, стоящій на границѣ Псковской и Лифляндской губерній. Изъ единогласныхъ показаній крестьянъ, оправданныхъ справками, видно, что лютеранскіе пасторы были слишкомъ невнимательны къ своимъ обязанностямъ; они сами не совершали ни крещенія младенцевъ, ни погребенія умер-

шихъ; очень далеки были отъ безкорыстія при совершеніи браковъ; обращались съ крестьянами гордо и не выказывали никакого участія въ скорбяхъ и сомнѣніяхъ паствы. Пользуясь богатыми доходами съ земель пасторатскихъ, сборомъ денегъ и разныхъ сѣстныхъ припасовъ съ крестьянъ, они выказывали себя передъ крестьянами не духовными пастырями, а зажиточными и, что еще непріятнѣе, спѣсивыми помѣщиками, которымъ нѣтъ другаго дѣла до крестьянъ, кромѣ сбора податей. При такомъ расположеніи пасторовъ, послужило имъ во вредъ даже ихъ университетское образованіе: на него они смотрѣли точно также, какъ и на свое богатство — они его считали границей, раздѣляющей пастора отъ непросвѣщеннаго бѣдняка. Всего-же болѣе возбудилъ противъ себя охлажденіе и даже горькое неудовольствіе помѣщичій бытъ пасторовъ, такъ какъ остзейскіе крестьяне чувствовали себя угнетенными чуждымъ для нихъ по крови поколѣніемъ землевладѣльцевъ.

Простой народъ Остзейскаго края, если и держится еще лютеранства, то не по желанію, а по обстоятельствамъ. Лютеранство — религія ума, а не цѣлаго человѣка. Религіозныя упражненія ограничиваются въ немъ поученіемъ слова Божія: проповѣдь составляетъ почти единственное средство для образованія. Между тѣмъ простой народъ живетъ преимущественно внутреннимъ чувствомъ, воображеніемъ, внѣшними впечатлѣніями; умъ его не развитъ и едва понимаетъ самыя простыя, начальныя истины христіанства. Въ виду всего этого нужно признать, что лютеранство не есть религія простаго народа. Православная Церковь, соблюдающая и вѣру и уставы первенствующей Церкви, совсѣмъ не такова: для простыхъ сердцемъ достаточно выслушать нѣсколько разъ богослуженіе ея, чтобы убѣдиться, что въ ней все говоритъ и уму, и сердцу, и воображенію, и чувствамъ“. (Пресвященный Филаретъ. Прав. дѣло въ приб. краѣ въ 40-хъ годахъ. Стр. янв. 1884 года). Послѣ такой характеристики православія и лютеранства становится вполне понятнымъ религіозное движеніе остзейскаго населенія, лишеннаго не только матеріальныхъ, но и духовныхъ благъ.

(Окончаніе будетъ).

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛАХЪ ФИЛОСОФСКАГО ПОЗНАНІЯ.

(Продолженіе *).

Философскій принципъ общаго смысла исходитъ изъ того предположенія, что въ нашемъ разумѣ есть непосредственно данныя, не на умозаключеніяхъ разсудка основанныя и потому не нуждающіяся въ раціональномъ обоснованіи ихъ, истины, которыя и должны лежать въ основѣ всякаго философскаго познанія. Характеристическимъ признакомъ этихъ истинъ и вмѣстѣ свидѣтельствомъ ихъ достовѣрности служатъ ихъ всеобщность, согласное признаніе ихъ всеми людьми. Но мы видѣли шаткость и неудовлетворительность этого критерія истины. Поэтому другіе философы, исходящіе въ сущности изъ того-же предположенія, ищутъ завѣренія основныхъ и потому недоказуемыхъ раціонально философскихъ истинъ не во внѣшнемъ удостовѣреніи ихъ авторитетомъ всеобщаго согласія, но во внутренней самодостовѣрности, въ непосредственномъ субъективномъ чувствѣ ихъ истины, или вѣрѣ. Отсюда возникаетъ новый принципъ философіи, который мы можемъ назвать принципомъ *чувства* или *вѣры*, какъ основанія знанія.

Самое ясное и отчетливое выраженіе принципъ чувства нашелъ себѣ въ философіи Якоби **). Якоби исходитъ изъ того

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, 1885 г. № 1.

***) Незадолго до Якоби, на чувство, какъ на источникъ всехъ высшихъ истинъ нашего познанія, въ противоположность разсудку, указывалъ Ж. Ж. Руссо: „Le sentiment est plus, que la raison“. Въ чувствѣ, а не въ разсудкѣ заключается высшее и единственное удостовѣреніе истинъ бытія Божія, реальности міра, духовности и безсмертія души. Послѣ Якоби его ученіе о чувствѣ или вѣрѣ, какъ

положенія, что разумокъ, служащій органомъ философіи, не въ силахъ твердо обосновать первоначальныя и коренныя истины знанія. Доказательство тому опъ паходитъ въ совершенной бесплодности попытокъ философіи доказать демонстративнымъ путемъ такія, напримѣръ, основныя истины, какъ бытіе міра вѣщнаго, Бога, души и др., что по его мнѣнію окончатель-но и рѣшительно выяснилъ Кантъ въ своей критикѣ чистаго разума, въ чемъ и состоитъ его величайшая и неоспоримая заслуга. Причина этого явленія заключается въ томъ, что всякій процессъ доказательства въ концѣ концовъ долженъ утверждаться на какихъ-либо первоначальныхъ и безусловно достоверныхъ истинахъ, но доказательство этихъ самыхъ истинъ очевидно невозможно. Доказать что нибудь значитъ показать, какъ это что-нибудь возможно, т. е. изъ какихъ причинъ или условій оно происходитъ. Но очевидно, такой процессъ возможенъ только въ примѣненіи къ вещамъ условнымъ и производнымъ; мы можемъ доказывать только то, что можемъ объяснить изъ чего-либо другаго, высшаго, что его обуславливаетъ и изъ чего оно происходитъ. Но первоначальное и безусловное, уже по самому понятію своему, не можетъ происходить изъ чего-либо, вытекать изъ какихъ-либо условій. Поэтому пытаться доказывать основное и безусловное значитъ впадать въ логическое противорѣчіе; это значитъ, для первоначальнаго искать его начала, для безусловнаго — его условій. Вотъ почему, напримѣръ, нашъ разумъ никогда не въ силахъ доказать бытіе Божіе; это значило-бы выводить это бытіе изъ какого-либо другаго высшаго бытія или высшей его основы.

Поэтому удостовѣренія въ основныхъ истинахъ нашего знанія мы должны искать не въ доказательствахъ, не въ разсудкѣ, какъ способности демонстраціи, но въ непосредственномъ убѣжденіи или въ *открытіи* въ эти истины *). На этой вѣрѣ въ началѣ философскаго познанія, съ некоторыми видоизмѣненіями было раздѣляемо Гаманомъ, Кеншеномъ, Авиллономъ, Фризомъ и другими. По ученію болѣе замѣчательнаго изъ этихъ философовъ — Фриза, чувственное есть предметъ знанія, сверхчувственное — предметъ разумной вѣры, а откровеніе или обнаруженіе сверхчувственнаго въ чувственномъ — предметъ предчувствія (Ahnung). Это предчувствіе служитъ общимъ источникомъ какъ религіознаго, такъ и эстетическаго міросозерцанія.

*) Впрочемъ у Якоби нѣтъ строго установленнаго термина для обозначенія

сущности основывается всякое дальнѣйшее познаніе предметовъ какъ эмпирическихъ, такъ и сверхчувственныхъ. „Только посредствомъ вѣры мы знаемъ, что имѣемъ тѣло, что внѣ насъ существуютъ тѣла и другія мыслящія существа“; поэтому всѣ попытки научно доказать дѣйствительность и истину нашихъ представлений о внѣшнемъ мірѣ напрасны и ведутъ только къ идеализму. Точно также только посредствомъ вѣры мы удостоверяемся въ существованіи объектовъ міра сверхчувственного и въ истинахъ сюда относящихся. Въ Бога, въ Промыслъ, въ духовность и безсмертіе души, въ истину, добродѣтель, свободу, можно только вѣрить. Всякая попытка обосновать эти и другія основныя истинныя знанія инымъ какимъ-либо путемъ кромѣ вѣры, напримѣръ путемъ демонстраціи, не только кончится неудачею, но и угрожаетъ опасностію привести къ отрицанію этихъ истинъ. Разсудокъ, вращаясь въ сферѣ условнаго, можетъ и приходитъ только къ началамъ условнымъ, и если-бы мы захотѣли довѣриться только разсудочному познанію, то послѣдовательно пришли-бы къ отрицанію безконечнаго и сверхчувственного, потому что изъ соединенія условнаго съ условнымъ, по законамъ разсудка, можетъ быть выведено только условное; съ нашимъ демонстративнымъ мышленіемъ мы никогда не можемъ выйти изъ области бытія посредствованнаго, т. е. изъ связи естественныхъ и механическихъ причинъ. Вотъ почему путь разсудочной демовстраціи, проведенной послѣдовательно, необходимо приводитъ къ фатализму и матеріализму въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. къ ограниченію существующаго одною природою и ея механическими законами; въ этомъ смыслѣ можно назвать матеріализмомъ и философію Спинозы *).

Недостаточность существующихъ въ философіи доказательствъ основныхъ истинъ нашего знанія всегда была любимаго

своего философскаго принципа; вмѣсто выраженія *вера* онъ иногда употребляетъ названія: внутреннее чувство, духовное чувство, сила вѣры, разумъ (Vernunft)— въ противоположность способности эмпирическаго познанія и рефлектирующему надъ данными опыта разсудку (Verstand).

*) Подробнѣе ученіе Якоби о вѣрѣ, какъ началѣ нашего знанія о сверхчувственномъ и объ отношеніи ея къ знанію разсудочному, см. въ нашемъ соч. „Религія, ея сущность и происхожденіе“. 1871, стр. 121—143.

мымъ оружіемъ въ рукахъ философовъ, отрицавшихъ нужду рациональнаго обоснованія принциповъ философіи, въ защиту той мысли, что такого обоснованія мы должны искать не въ самомъ философскомъ знаніи, а внѣ его, въ области чувства или вѣры. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ: дѣйствительно ли недостаточны эти доказательства и не можетъ-ли критика ихъ (например у Канта) въ свою очередь подвергнуться критикѣ, значительно ослабляющей, даже уничтожающей ея силу? Замѣтимъ лишь то, что ссылаться на недостаточность существующихъ доказательствъ основныхъ истинъ философіи, какъ на доказательство ихъ невозможности, значитъ дѣлать слишкомъ поспѣшное заключеніе о несостоятельности разума вообще. Ничто не говоритъ, чтобы недостаточныя доказательства, по устраненіи ихъ недостатковъ и болѣе правильной постановкѣ ихъ, не могли сдѣлаться достаточными и чтобы разумъ человѣка въ дѣлѣ философіи истощилъ всѣ свои силы и долженъ оковчательно отказаться отъ своихъ правъ въ пользу чувства.

Если-же намъ говорятъ, что не только фактически, но и по самому существу дѣла, попытки философіи обосновать свои главныя истины должны остаться тщетными, въ силу того, что каждый процессъ доказыванія состоитъ въ выведеніи условнаго изъ его условій и потому не можетъ быть примѣненъ къ доказательству или выведенію безусловнаго и первоначальнаго, такъ какъ для него нѣтъ уже дальнѣйшихъ условій или началъ, — то эта мысль основывается на странномъ недоразумѣніи и смѣшеніи реальнаго происхожденія *вещей* съ происхожденіемъ *понятій* о нихъ въ нашемъ сознаніи. Совершенно вѣрно, что въ дѣйствительности безусловное и первоначальное не можетъ происходить изъ какихъ-либо условій или началъ; но въ нашемъ познаніи *понятіе* о безусловномъ не есть первоначально очевидное; до него мы доходимъ путемъ продолжительнаго умственнаго развитія и правильность его *условливается* правильностію этого развитія. Думать иначе значитъ вопреки очевидному психологическому опыту предполагать, что понятіе въ нашемъ умѣ предшествуетъ представленію, общее и отвлеченное — частному и конкретному. То, что мы сказали о понятіи безусловнаго, должно сказать и о другихъ высшихъ

понятіяхъ нашего ума: происхожденіе ихъ въ нашемъ умѣ вовсе не одно и тоже, что реальное происхожденіе вещей, обозначаемыхъ этими понятіями, въ нашего познающаго ума. И если этотъ генезисъ понятій, — выведеніе ихъ одного изъ другаго и обоснованіе одного другимъ, называть доказательствомъ, то очевидно это доказательство (генезисъ субъективный) будетъ совершенно не то, что реальный генезисъ вещей и происхожденіе ихъ одной изъ другой. Доказывать — значитъ очевидность одной истины выводить изъ дознанной или признанной очевидности другой; въ этомъ смыслѣ, конечно, одна мысль условливаетъ другую, но обуславливать мысль мыслию, вовсе не тоже, что обуславливать вещь вещью. Такъ напримѣръ, когда мы доказываемъ бытіе Божіе, то это не значитъ, что мы выводимъ существо безусловное изъ какого-либо высшаго условія бытія, ограничиваемъ абсолютное и производимъ его, какъ думаетъ Якоби, въ рядъ конечныхъ и условныхъ вещей; но мы выводимъ лишь истину *понятія* о Богѣ изъ какихъ-либо другихъ понятій, которыя представляются болѣе ясными и очевидными *для насъ*. Вообще Якоби, говоря о невозможности доказательства основныхъ истинъ знанія, несправедливо смѣшиваетъ условливаемость нашихъ понятій съ условностію вещей, такъ называемое основаніе познанія (*ratio cognoscendi*) съ основаніемъ бытія (*ratio fiendi*). Иной конечно вопросъ: существуютъ ли въ *самомъ* нашемъ *познаніи* такія болѣе ясныя и достовѣрныя истины, которыя могли-бы служить основаніемъ для доказательства, напримѣръ, бытія Божія и нѣкоторыхъ другихъ первоначальныхъ истинъ, въ указанномъ нами смыслѣ? Но этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ внимательнымъ анализомъ нашего познанія, а никакъ не простымъ указаніемъ невозможности происхожденія безусловнаго изъ условнаго, какъ то дѣлаетъ Якоби; а такого рода анализъ и будетъ искомымъ нами философскимъ обоснованіемъ первоначальныхъ истинъ нашего знанія.

Но положимъ, этотъ анализъ приведетъ насъ къ заключенію, что въ нашемъ умѣ есть нѣкоторыя основныя истины (какія — надѣемся указать въ заключеніи нашего изслѣдованія), для которыхъ нельзя искать какихъ-либо высшихъ, болѣе оче-

видныхъ достовѣрныхъ истинъ, изъ которыхъ онѣ могли-бы быть выведены, что онѣ слѣдовательно должны быть признаны недоказуемыми, если подъ именемъ доказательства понимать процессъ выведенія какой-либо истины изъ другой болѣе достовѣрной. Слѣдуетъ-ли отсюда, что онѣ въ силу такого своего характера не нуждаются ни въ какомъ рациональномъ обоснованіи и что такое обоснованіе для нихъ невозможно? На этотъ вопросъ мы должны-бы отвѣчать утвердительно въ томъ лишь случаѣ, если-бы для насъ былъ возможенъ одинъ только видъ доказательства—прямое выведеніе одной истины изъ другой. Но кромѣ доказательствъ *прямыхъ*, логика знаетъ и другого рода доказательства—*косвенныя*, имѣющія цѣлю показать, что отрицаніе той или другой истины, признаніе за истину мнѣнія, противоположнаго ей, приводитъ къ завѣдомо ложнымъ или противорѣчающимъ разуму послѣдствіямъ. Примѣненіе такого рода доказательствъ къ утвержденію основныхъ истинъ нашего знанія вполне возможно и достаточно для требуемаго идею философскаго знанія рациональнаго обоснованія этихъ истинъ. Такъ напримѣръ, положимъ, мы не можемъ доказать бытія Божія путемъ доказательства прямого, чрезъ выведеніе этой истины изъ какой-либо другой болѣе коренной и несомнѣнной; но мы можемъ показать, что отрицая высочайшую, всесовершенную причину міра, почитая такую причиною случай или неразумную и бессознательную матерію, мы нарушаемъ законъ достаточнаго основанія, приписывая случаю или матеріи произведеніе такихъ явленій, которыхъ они никакъ произвести не могутъ.

Если такимъ образомъ рациональное обоснованіе коренныхъ истинъ нашего знанія, отчасти путемъ анализа этого знанія, отчасти путемъ косвеннаго доказательства возможно, то необходимость его предполагается сама собою характеромъ философскаго познанія, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ родовъ познанія, требующаго, чтобы самые принципы его не были принимаемы по простому предположенію, но были рационально исследованы и удостовѣрены въ ихъ истинѣ. Такого удостовѣренія, очевидно, не можетъ дать намъ чувство или та непосредственная вѣра, о которой говоритъ Якоби. Прежде всего, какъ

чувство субъективное, она можетъ имѣть значеніе для насъ лично, но не можетъ быть необходимымъ и всеобще-обязательнымъ критеріемъ истины. Исторія мышленія показываетъ, что самыя, повидимому, коренныя убѣжденія непосредственной вѣры подвергались оспариванію, сомнѣнію, отрицанію. Въ виду этихъ сомнѣвій и отрицаній, чтобы наши убѣжденія имѣли достовѣрность не только субъективную, но и объективную, мы должны не только показать несостоятельность отрицанія ихъ, но и представить положительныя основанія въ ихъ пользу. Въ томъ и другомъ случаѣ, мы, очевидно, должны идти тѣмъ же самымъ путемъ и методомъ, какимъ идутъ и отрицающіе эти убѣжденія,—путемъ раціональной демонстраціи. Ложь и неосновательность умозаключеній должны быть исправлены доводами правильными и основательными. Здѣсь недостаточно ссылаться на личную вѣру, какъ-бы она непоколебима ни была, потому что считая за *ultima ratio* непосредственное убѣжденіе, другой точно съ такимъ-же правомъ будетъ ссылаться на свое личное невѣріе; наша вѣра, какъ субъективное убѣжденіе, не будетъ имѣть никакого преимущества предъ невѣріемъ, если не будетъ оправдана въ своей истинѣ разумомъ.

Если мы даже оставимъ въ сторонѣ философскія мнѣнія, противорѣчащія основнымъ истинамъ нашего сознанія, и необходимость устранивъ ихъ, то и независимо отъ нихъ мы едва-ли найдемъ въ непосредственной вѣрѣ то удостовѣреніе ихъ истины, котораго нищемъ въ ней, вълѣдствіе кажущейся несостоятельности знанія. На самомъ дѣлѣ вѣра, какъ-бы всеобща и необходима ни была, въ сущности удостовѣряетъ только субъективную необходимость извѣстныхъ истинъ, но ничего не говоритъ еще объ ихъ дѣйствительной, объективной истинѣ и не ручается за нее. Пусть извѣстная истина признается всеми, пусть даже дѣйствуетъ на всѣхъ съ неотразимою силою убѣжденія: это еще не предотвращаетъ сомнѣвія, не есть-ли такое необходимое признаніе ея необходимое выраженіе какого-либо чисто субъективнаго требованія нашей природы, не имѣющаго ничего общаго съ дѣйствительностію. Въ сферѣ низшей органической дѣятельности нашихъ чувствъ и въ основанномъ на ней чувственномъ познаніи есть такого ро-

да субъективно необходимы истины и непосредственныя убѣжденія, которыя не имѣютъ однакоже реальной истины и суть не болѣе, какъ необходимыя, естественныя иллюзіи. Такъ напримѣръ, солнце необходимо представляется намъ движущимся по горизонту, а земля неподвижно стоящею, сводъ неба необходимо кажется куполообразнымъ, луна на краю горизонта большихъ размѣровъ, чѣмъ когда стоитъ высоко на небѣ и пр. Можетъ быть и въ сферѣ высшей, психической дѣятельности въ области умственной есть подобнаго-же рода иллюзіи и къ нимъ принадлежатъ тѣ истины, въ которыхъ мы непосредственно убѣждены; можетъ быть эта непосредственная увѣренность и очевидность также мало ручается за ихъ объективную истину, какъ очевидность неподвижности земли и движенія солнца за реальную истину. Что подобнаго рода недоумѣнія не суть праздыя вымыслы боязливаго скептицизма, свидѣлствуютъ различныя философскія ученія, гдѣ коренныя убѣжденія нашего сознанія или прямо объявляются иллюзіями (напримѣръ сознаніе себя свободными) или болѣе прикровенно, — необходимыми субъективными убѣжденіями ума, что вислолько не служитъ доказательствомъ ихъ объективной истины. Въ этомъ смыслѣ призывалъ субъективную необходимость идеи Бога, міра и души Кантъ. При такомъ положеніи дѣла, въ философіи мы не можемъ ссылаться на одну вѣру, какъ на закрѣпленіе коренныхъ истинъ нашего ума; мы должны доказать, что наша вѣра не есть субъективно только необходимое убѣжденіе, но имѣетъ объективное значеніе, а это опять указываетъ на необходимость рациональнаго обосновапія основныхъ истинъ нашего знанія.

Нѣтъ нужды говорить о томъ, что послѣдовательное проведеніе ученія о чувствѣ или вѣрѣ, какъ началѣ знанія, должно привести къ уничтоженію самой философіи, выключая изъ нея вѣдѣнія всѣ самыя важныя и существенныя ея вопросы. Этотъ выводъ въ теоріи, повидимому, вполне принимаетъ Якоби, когда свою философію, по отношенію къ высшимъ истинамъ, называетъ „философіею незнанія“. Но на самомъ дѣлѣ онъ далеко не проводитъ своего ученія до его послѣднихъ результатовъ и благодаря именно этой непослѣдовательности и самъ

онъ занимаетъ мѣсто въ числѣ замѣчательныхъ философовъ и его ученіе принадлежитъ къ числу философскихъ системъ. Онъ не голословно, не на вѣру принимаетъ свой принципъ, но старается обосновать его, прежде всего отрицательно путемъ демонстраціи, что разумъ не можетъ доказать истинъ вѣры. Но этимъ онъ не ограничивается. Не смотря на то, что свою философію, по отношенію къ высшимъ истинамъ, онъ называетъ „философіею незнанія“, онъ даетъ намъ однако-же опредѣленные *понятія* о Богѣ, о свободѣ, безсмертіи и пр.; онъ опровергаетъ напр. пантеизмъ, фатализмъ, матеріализмъ, пользуясь раціональнымъ методомъ раскрытія истины; не довольствуясь отрицаніемъ ложныхъ мнѣній, онъ говоритъ не только о томъ, какъ не должно мыслить объ извѣстныхъ основныхъ истинахъ, но и о томъ, какъ правильно должно мыслить о нихъ. Все это показываетъ, что, вопреки своему принципу, онъ допускаетъ возможность раціональнаго раскрытія истины непосредственныхъ убѣжденій. Дѣйствительно, если-бы такое уклоненіе отъ послѣдовательнаго проведенія принципа вѣры или чувства не было допущено, то онъ въ философскомъ отношеніи стоялъ-бы ниже предшествовающаго принципа, — общаго смысла, потому что послѣдній, полагая въ основу философіи непосредственныя убѣжденія разума, старается однако-же доказать или оправдать ихъ истину согласіемъ всѣхъ людей; но философія, полагающая своимъ началомъ вѣру, въ смыслѣ нами указанномъ, должна довольствоваться простою ссылкой на субъективное чувство, не пытаясь оправдать его даже внѣшнимъ авторитетомъ, согласнымъ признаніемъ истины его всѣми людьми. Различіе не въ пользу послѣдней и въ сравненіи съ нею философія общаго смысла имѣетъ больше научнаго значенія, потому что старается обосновать свое начало указаніемъ на одинъ изъ характеристическихъ признаковъ его, — всеобщность.

2. Критическое разсмотрѣніе началъ общаго смысла, чувства или вѣры показало, что ни то ни другое не могутъ быть признаны строго научными принципами философскаго знанія, такъ какъ то и другое въ сущности основываются на довѣренности къ непосредственнымъ убѣжденіямъ нашего сознанія. Такого рода убѣжденія философія не можетъ признать своими осново-

положеніями не потому, чтобы они были по содержанию не истинны и не потому, чтобы въ числѣ ихъ не заключалось нѣкоторыхъ дѣйствительно коренныхъ и первоначальныхъ истинъ нашего разума; мы сами увидимъ, что въ нашемъ сознаніи дѣйствительно есть такіа коренныя и невыводимыя ни изъ какихъ другихъ высшихъ истинъ путемъ умозаключеній основоположенія знанія. Но дѣло въ томъ, что эти свойства ихъ (истина и первоначальность), какъ показываетъ исторія мышленія, вовсе не такъ очевидны и непререкаемы, чтобы ихъ можно было принимать на вѣру, какъ нѣчто неподлежащее изслѣдованію. Поэтому они должны быть разъяснены и обоснованы раціональнымъ путемъ, согласно съ идеею философіи, какъ знанія, основаннаго на раціональныхъ началахъ. Какъ-бы ни были важны для насъ непосредственныя убѣжденія и какимъ-бы внѣшнимъ авторитетомъ не подтверждались, это не даетъ философіи права принимать ихъ безъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Здравый смыслъ не освобождаетъ насъ отъ труда изслѣдовать основанія, почему онъ почитаетъ себя здравымъ въ извѣстныхъ сужденіяхъ большинства и всеобщій разумъ не обязанъ въ этомъ случаѣ мыслить за разумъ философа. Убѣжденія вѣры и чувства, не смотря на свою истину и принудительную для субъективнаго сознанія силу, должны быть превѣрены философскимъ анализомъ ихъ, потому что цѣль философіи не просто истина, но истина достоверная для разума, т. е. обоснованная раціональнымъ способомъ.

Но возможно-ли такое обоснованіе коренныхъ истинъ нашего познанія? Мы видѣли, что недовѣріе къ дѣйствительности раціональныхъ доказательствъ этихъ истинъ, подтверждаемое фактомъ постояннаго разногласія философскихъ теорій, и привело нѣкоторыхъ философовъ къ мысли, оставивъ все подобнаго рода попытки, неудача которыхъ засвидѣтельствовала опытомъ, положить въ основу философіи простыя, непосредственныя убѣжденія общаго смысла или вѣры. Но мы видѣли, что и подобный способъ установленія основныхъ истинъ философіи оказался также неудачнымъ, какъ не только несоответствующій идеѣ философскаго знанія, но и необеспечивающій даже твердости и общеобязательнаго признанія этихъ ис-

тинъ. Если-же теперь, ни самое знаніе, какъ свидѣтельствуеть о томъ противорѣчіе философскихъ ученій, не можетъ открыть намъ никакихъ безспорныхъ и всеобще признаваемыхъ истинъ; если съ другой стороны мы не можемъ довѣрять ни положеніямъ общаго смысла, ни непосредственному чувству: то не въ правѣ-ли мы усумниться въ самой возможности найти какія-либо дѣйствительно несомнѣныя истины?

Выраженіемъ такого недовѣрія къ знанію служитъ *скептицизмъ*. Скептицизмъ такимъ образомъ представляетъ противоположность предыдущимъ философскимъ направленіямъ; если слѣдовавшіе имъ философы погрѣшали излишнею довѣрчивостію къ знанію, довольствуясь непосредственными и непровѣренными разумомъ убѣжденіями, то скептики вдаются въ обратную крайность совершеннаго недовѣрія къ какому-бы то ни было знанію, будетъ-ли основапо оно на авторитетѣ вѣры и общаго смысла, или на началахъ раціональныхъ. Понятіе скептицизма довольно широкое и неопредѣленное; иногда именемъ скептиковъ назывались, или подвергались упреку въ скептицизмѣ философы, мышленіе которыхъ носило совершенно иной характеръ и у которыхъ, такъ называемый, скептицизмъ былъ только однимъ изъ моментовъ ихъ философскаго познанія. Поэтому мы должны точнѣе разграничить различные виды скептицизма и прежде всего отличить *скептицизмъ методическій* отъ положительнаго. Перваго рода скептицизмъ, какъ показываетъ самое названіе, составляетъ только методъ или извѣстный способъ познанія истины, а не заключаетъ въ себѣ положительнаго сомнѣнія въ возможности знать истину. Такого рода скептицизмъ по своему началу совпадаетъ съ началомъ самой философіи, такъ какъ и сама философія обязана своимъ происхожденіемъ сомнѣнію въ достовѣрности и истинѣ непосредственныхъ убѣжденій и вѣрованій. Прежде чѣмъ философія, въ лицѣ своихъ древнѣйшихъ представителей, обратилась къ изслѣдованіямъ о природѣ, о происхожденіи и составѣ вселенной, о первомъ Началѣ бытія, она имѣла уже передъ собою положительное рѣшеніе этихъ вопросовъ въ формѣ религіозныхъ представленій и мифовъ. Очевидно, первымъ побужденіемъ къ философскому изслѣдованію этихъ предметовъ дол

жно было быть возникшее сомнѣніе въ справедливости тѣхъ представленій, которыя заключались въ мистическихъ теогоніяхъ и космогоніяхъ. Точно также и въ дальнѣйшемъ движеніи философіи субъективнымъ мотивомъ возникновенія новыхъ философскихъ системъ было сомнѣніе въ удовлетворительности прежнихъ. Но такого рода сомнѣніе въ большей части случаевъ бывало частнымъ, т. е. относилось къ тѣмъ или другимъ сторонамъ существующихъ философскихъ ученій. Философомъ, который выставилъ на первый планъ сомнѣніе, какъ главное начало философскаго изслѣдованія, былъ Декартъ.

„Не сегодня только, говоритъ Декартъ, замѣтилъ я, что съ первыхъ лѣтъ моей жизни я принялъ значительное количество ложныхъ мнѣній за истинныя и что поэтому и все то, что я основывалъ затѣмъ на началахъ столь мало достовѣрныхъ, не могло быть инымъ, какъ только очень сомнительнымъ и не достовѣрнымъ. Отсюда я пришелъ къ убѣжденію, что мнѣ нужно рѣшиться разъ въ моей жизни отдѣлаться (*me de'faire*) отъ всѣхъ мнѣній, которыя я до сихъ поръ принималъ на вѣру и начать все съизнова, если я хочу установить что-либо твердое и постоянное въ наукѣ“. Декартъ не считаетъ нужнымъ излагать подробно поводы къ сомнѣніямъ относительно тѣхъ или другихъ частныхъ мнѣній: „это было-бы бесполезнымъ трудомъ; но такъ какъ разрушеніе фундамента необходимо влечетъ за собою паденіе всего остальнаго зданія, то онъ считаетъ достаточнымъ напасть (*m'attaquer*) на основные принципы, на которыхъ опирается все наше мышленіе“ *). Эти принципы: увѣренность въ существованіи внѣшняго міра, увѣренность въ достовѣрности нашего познанія, въ бытіи Божества и въ собственномъ нашемъ существованіи. Какъ извѣстно, изъ этого горнила абсолютнаго сомнѣнія у Декарта выходитъ чистою и несомнѣвною мыслью о собственномъ мышленіи и существованіи: *cogito, ergo sum*. Это положеніе кажется ему достаточно твердымъ для того, чтобы на немъ снова воздвигнуть разрушенное зданіе философіи.

Принципъ абсолютнаго сомнѣнія, выставленный Декартомъ, какъ извѣстно, вызвалъ ожесточенную вражду противъ его фи-

*) *Medit. 1. Oeuvres de Descartes, ed. J. Simon. 1860 p. 65, 66.*

лософіи современныхъ и ближайшихъ къ нему послѣдователей схоластической, основанной на началѣ релігіозной вѣры философіи; смягченные отзвуки этой вражды можно прослѣдить и до настоящаго времени въ опасеніяхъ за цѣлость коренныхъ истинъ нашего знанія при приложеніи къ нимъ столь сильнаго способа испытанія. Эти опасенія, конечно, не могли быть устранены тѣмъ, что самъ Декартъ своимъ примѣромъ показалъ ихъ несостоятельность и безопасность своего сомнѣнія, воздвигши изъ своего несомнѣннаго принципа все зданіе философіи въ новомъ болѣе прочномъ и лучшемъ, по его мнѣнію, видѣ, чѣмъ было прежде, потому что самая правильность вывода основныхъ истинъ знанія изъ его принципа могла оказаться несостоятельною, его собственное сомнѣніе въ дѣйствительности неустраненнымъ и его методъ въ такомъ случаѣ остался-бы методомъ не созданія, а только разрушенія.

Но на самомъ дѣлѣ подобнаго рода опасенія основаны на недоразумѣніи и на смѣшеніи методическаго сомнѣнія съ положительнымъ скептицизмомъ. Сомнѣніе перваго рода есть движущій нервъ всякаго рода познанія, не одного только философскаго. Для того, чтобы замѣнить одно мнѣніе другимъ, неправильное правильнымъ, худшее лучшимъ, очевидно нужно сначала усумниться въ правильности прежняго, замѣтивъ его недостатки; безъ этого мы всегда оставались-бы *in statu quo* въ области науки и не могли-бы двинуться впередъ. Источникъ такого рода сомнѣнія заключается въ самомъ свойствѣ человеческого познанія. Такъ какъ наше познаніе ограничено по самой природѣ, то оно не можетъ ни обнимать всего познаваемого самаго по себѣ, ни всего познаваемого для насъ постигать вдругъ, съ непосредственною очевидностію и безъ опасенія ошибки. Во многихъ случаяхъ до такой очевидности мы должны доходить путемъ продолжительнаго обдумыванія, должны взвѣшивать основанія за и противъ данной мысли. Отсюда неизбежно, пока продолжается процессъ достиженія очевидности данной мысли, она для нашего сознанія остается неочевидною, недостоверною, и мы находимся въ состояніи колебанія и нерѣшительности, такъ-ли мы должны думать объ известномъ предметѣ или иначе; это и есть сомнѣніе. Эта нерѣшитель-

ность, зависящая отъ того, что наше мышленіе не есть интуитивное, но дискурсивное, послѣдовательное постиженіе истины, еще болѣе оправдывается тѣмъ, что изслѣдуемая истина въ дѣйствительности часто бываетъ закрыта и затемнена различнаго рода заблужденіями, что обычныя мнѣнія о ней, почитаемыя истинными, по надлежащемъ размышленіи и изслѣдованіи, часто оказываются ложными и полуистинными. Закоренчѣлыя предразсудки, поверхностныя сужденія большинства, порочныя склонности и страсти часто дѣлаютъ ошибочными обычныя наши сужденія о вещахъ. Сомнѣніе въ правильности этихъ сужденій ведетъ нашъ умъ къ размышленію, очищаетъ наше познаніе, освобождая его отъ предзапятыхъ и одностороннихъ возрѣній и пролагаетъ путь къ истинѣ. Отсюда видно, что возможность и необходимость сомнѣнія (равно какъ и заблужденія) заключается въ природномъ несовершенствѣ и ограниченности нашего знанія. Если-бы предметы познанія представлялись намъ всѣ въ совокупности и съ такою очевидностію, что истина ихъ съ безусловно принудительною силою дѣйствовала-бы на наше мышленіе, то конечно состояніе сомнѣнія было-бы для насъ невозможно; но оно вполне естественно, когда большая часть предметовъ нашего знанія представляется намъ въ такой темнотѣ, которая позволяетъ нашему разуму до окончательнаго разъясненія ихъ удерживать свое сужденіе въ состояніи колебанія и нерѣшительности. Такого рода сомнѣніе составляетъ необходимый переходный моментъ всякаго научнаго познанія и не имѣетъ ничего общаго съ положительнымъ скептицизмомъ; такое названіе можетъ принадлежать ему только въ смыслѣ не собственномъ, правильнѣе можно-бы назвать принципъ методическаго сомнѣнія *скепсисомъ*, согласно съ букввальнымъ значеніемъ слова: *σκέψις*, которое значитъ первоначально: разсмотрѣніе, изслѣдованіе; еще лучше назвать его *критическимъ* изслѣдованіемъ истины (критицизмомъ), которое составляетъ дѣйствительную принадлежность правильнаго философскаго метода.

Но если такимъ образомъ права сомнѣнія въ дѣлѣ философскаго изслѣдованія должны быть призваны обезпеченными, то иное дѣло вопросъ о границахъ этого сомнѣнія. Декартъ,

какъ мы видѣли, нигдѣ и ни въ чемъ не полагаетъ ему границъ, такъ что его сомнѣніе вполне можетъ быть названо абсолютнымъ. Если онъ, повидимому, ограничиваетъ его одними общими и основными истинами знанія, то не потому, чтобы онъ признавалъ какія-либо истины неприкосновенными для своего скептицизма, но только потому, что разрушеніе ихъ было-бы долгимъ и безцѣльнымъ трудомъ, такъ какъ съ испроверженіемъ основныхъ истинъ, фундамента зданія, падаетъ и все остальное. Мы не станемъ разбирать здѣсь тѣхъ поводовъ къ сомнѣнію въ основныхъ истинахъ знанія, которые выставлены Декартомъ и оцѣнивать степень ихъ состоятельности. Мы сейчасъ увидимъ, что число несомнѣнныхъ истинъ не ограничивается знаменитымъ: *cogito, ergo sum*, и что поэтому абсолютность его сомнѣнія должна быть значительно ограничена. Здѣсь укажемъ лишь на тотъ существенный недостатокъ философіи Декарта, что онъ не опредѣляетъ точно той области знанія, гдѣ его методическій принципъ можетъ имѣть законное приложеніе, но распространяетъ его на все познаніе вообще, не различая его степеней и формъ, и возводитъ его въ принципъ не только философскаго, но универсальнаго сомнѣнія. Но понятіе знанія вообще шире, чѣмъ понятіе философскаго знанія и понятіе истины шире, чѣмъ понятіе истины рационально или философски доказанной. Мы замѣтили, что извѣстныя положенія могутъ быть истинными по содержанію и, какъ таковыя, могутъ быть принимаемы за истину нашимъ сознаніемъ, независимо отъ того, доказаны они рационально или нѣтъ. Такого рода, прежде всего, суть истины религій, усвояемыя преимущественно вѣрою. Простирать свой скептицизмъ на эти истины мы не имѣемъ права потому самому, что онѣ не суть истины философскаго знанія, не изъ разума проистекаютъ и потому не могутъ быть въ своей достовѣрности подвергнуты суду разума. Подвергая сомнѣнію истины, основанныя на божественномъ откровеніи, разумъ ставился-бы судьей въ чужой ему области. Права философіи не могутъ простираться на самыя эти истины, какъ таковыя, но только на рациональныя доказательства, которые могутъ быть приводимы въ ихъ пользу, и степень состоятельности ко-

торныхъ, конечно, можетъ подлежать философскому изслѣдованію. Точно также самостоятельную и независимую отъ философіи область знанія составляютъ знанія положительныя, эмпирическое и историческое. Конечно, и въ области положительныхъ наукъ есть стороны и вопросы, которые подлежатъ философскому изслѣдованію и въ отношеніи къ которымъ вполне законно приложеніе скептическаго метода; но что касается до чисто фактической и положительной стороны ихъ, то она не можетъ подлежать суду философіи, такъ какъ источникомъ положительнаго знанія служатъ факты, а критеріемъ истины—согласіе съ дѣйствительностію; поэтому и степень достовѣрности факта, его сомнительность или несомнѣнность не можетъ быть опредѣляема однимъ раціональнымъ способомъ. Отсюда видно, что приложеніе сомнѣнія Декарта, какъ методическаго принципа, должно быть строго ограничено областью самой-же философіи; оно должно простирается не на всѣ истины, какъ таковыя, но только въ той мѣрѣ и степени, въ какой онѣ входятъ въ область философіи и становятся предметами философскаго изслѣдованія. Истины, признаваемые религіозною вѣрою, и истины фактическія должны оставаться твердыми и несомнѣнными, не смотря на всѣ сомнѣнія, которыя могутъ возникать въ философіи относительно силы раціональнаго доказательства ихъ или приложенія выводовъ изъ нихъ къ рѣшенію философскихъ вопросовъ. Думать иначе—значитъ отвергать законныя права и самостоятельное значеніе знанія религіознаго и эмпирическаго, расширять границы философіи и приходить къ ложной и односторонней мысли, будто то только истинно существуетъ и составляетъ предметъ истиннаго и несомнѣннаго знанія, что можетъ быть философскимъ способомъ доказано или выведено изъ началъ философскихъ. Но не допуская этой мысли, признавая за религіознымъ и фактическимъ знаніемъ свои критеріи истины и свои способы удостовѣренія въ истинѣ, мы очевидно не можемъ допустить и приложенія того философскаго метода познанія истины путемъ предварительнаго сомнѣнія, какой предлагаетъ Декартъ.

Установленное нами различеніе истинъ религіозныхъ и фактическихъ и именно философскихъ важно для насъ потому, что

даетъ возможность найти твердыя точки опоры для самаго философскаго скепсиса и дѣлаетъ его возможнымъ. То безграничное, даже временное сомнѣніе во всемъ, какого требуетъ Декартъ, есть явленіе психологически невозможное и неосуществимое. Совершенно невозможно произвести искусственно такую абсолютную пустоту въ нашемъ умѣ, чтобы мы до завершения процесса нашего изслѣдованія ничего не знали, во всемъ сомнѣвались; при такомъ намѣренномъ незнаніи и сомнѣніи во всемъ, самая практическая наша дѣятельность остановилась-бы и стала невозможною. Но такой невозможной жертвы и не требуется отъ философа; въ его умѣ остаются непркосновенными ни для какого скептицизма основныя истины знанія, истины религіи и науки положительной; его сомнѣнія простираются только на философскія мнѣнія объ этихъ истинахъ и на состоятельность доказательствъ ихъ. При этихъ условіяхъ сомнѣніе становится дѣйствительнымъ изслѣдованіемъ или испытаніемъ истины и ему не угрожаетъ опасность превратиться въ положительный скептицизмъ или въ отрицаніе возможности какого-бы то ни было знанія. Но не въ однихъ религіозныхъ и фактическихъ истинахъ долженъ находить свое ограниченіе методическій скептицизмъ. Въ области самой философіи онъ долженъ пользоваться своими несомнѣнными правами съ умѣренностію и осмотрительностію, имѣя въ виду, что философскій скепсисъ, по коренному значенію этого слова, есть въ сущности разсмотрѣніе и изслѣдованіе, а не разрушеніе и отрицаніе. Философія не есть, какъ думаютъ нѣкоторые, ткань Пеллоны, въ которой сегодня разрушается то, что выткано вчера, и методъ философіи не въ томъ состоитъ, чтобы періодически разрушать все созданное философіею, чтобы затѣмъ въздвигать новыя системы, которыя неизбѣжно должны подвергнуться той-же участи подъ ударами скептицизма. Не смотря на различіе, даже противоположность философскихъ направленій, въ каждомъ изъ нихъ постепенно уяснялись и раскрывались по крайней мѣрѣ нѣкоторыя стороны истины; по такая естественная по ограниченности нашего ума односторонность не есть тоже, что ложность. Поэтому въ каждомъ, повидимому,

самомъ одностороннемъ направленіи мы должны предположить существованіе какихъ-либо твердыхъ, выработанныхъ продолжительнымъ путемъ философскаго изслѣдованія истинъ, которыя для самихъ философовъ, держащихся этого направленія, должны представлять надежныя точки опоры для его дальнѣйшаго изслѣдованія. Правда, пересмотръ этихъ основныхъ истинъ, изслѣдованіе прочности этихъ опоръ, не только оправдывается, но и требуется идеею философскаго знанія, какъ исполнѣ отчетливаго и созпательнаго. Но пересмотръ и изслѣдованіе не есть тоже, что мысленное отрицаніе и разрушеніе хотя-бы то и на время, въ надеждѣ замѣны ихъ лучшими и болѣе прочными. Поступающій такъ философъ былъ-бы похожъ на того человѣка, который для того чтобы внимательнѣе изслѣдовать, проченъ-ли домъ, въ которомъ онъ живетъ, разрушилъ-бы его до основанія, чтобы потомъ выстроить его снова изъ его-же обломковъ; но внимательный осмотръ зданія возможенъ и безъ разрушенія его. Противоположный пріемъ не только не оправдывается необходимостію, но въ рукахъ людей не довольно энергическихъ и лишенныхъ созидательной силы (какъ у Декарта) грозитъ величайшею опасностью разрушить все зданіе философіи. Разрушать несравненно легче, чѣмъ создать вповь, и мысль, достаточно сильная для разрушенія, оказывается часто безсильною не только для созданія новаго, но и для восстановленія разрушеннаго. Отсюда, какъ показываетъ исторія философіи, является положительный скептицизмъ, который отъ методическаго отличается тѣмъ, что служитъ не отрицательнымъ только средствомъ къ установленію положительнаго міросозерцанія, — средствомъ, рачищающимъ для него почву, но окончательною цѣлью и результатомъ философскаго изслѣдованія: сомнѣніе въ возможности знать истину есть послѣднее и окончательное слово его.

Въ положительномъ скептицизмѣ различаютъ иногда двѣ формы: *абсолютный* и *относительный*, судя по тому, простирается-ли онъ на всѣ наши познанія или только на вѣкоторую часть ихъ. Относительный скептицизмъ собственно не есть какое-либо опредѣленное философское направленіе, но составляетъ только степень какой-либо положительной філо-

софской теоріи, косвенное доказательство въ ея пользу; сомнительность или недостоверность одной какой-либо части человеческого познанія ведетъ къ утверженію большей достоверности другой, остающейся. Такого рода скептицизмъ можетъ быть религіозный, когда подвергается сомнѣнію достоверность человеческого разума и истина философскихъ ученій съ цѣлію утвердить ту мысль, что только въ истинной религіи человекъ находитъ успокоеніе отъ сомнѣній и твердыя начала знанія и нравственности,—таковъ напр. скептицизмъ Монтаня, Санаеза, Шаррона и др. Онъ можетъ быть эмпирической, когда подвергается сомнѣнію достоверность знанія эмпирическаго, результатомъ чего можетъ быть ученіе о субъективности нашего познанія; таковъ былъ напр.,—скептицизмъ Юма; можетъ быть скептицизмъ идеалистическій, когда подвергается критикѣ достоверность обыкновенныхъ разсудочныхъ приемовъ мышленія, чтобы доказать необходимость какого-либо высшаго метода знанія,—такова напр. критика разсудочнаго познанія въ феноменологіи Гегеля. Если нѣкоторые изъ представителей относительнаго скептицизма причисляются къ скептикамъ, напр. Монтань, Юмъ, то это потому, что центръ тяжести ихъ философіи заключается именно въ отрицаніи и критикѣ достоверности известнаго рода познаній, а положительныя выводы изъ этой критики были оставлены ими на второмъ планѣ или даже вовсе не были сдѣланы. Такъ напр. результаты эмпирическаго скептицизма Юма высказались уже въ „Критикѣ чистаго разума“ Канта.

Абсолютный скептицизмъ отъ относительнаго отличается тѣмъ, что останавливается на одномъ отрицаніи достоверности знанія вообще и не ведетъ ни къ какому положительному міросозерцанію; онъ рѣшительно отрицаетъ даже возможность подобнаго міросозерцанія. Такого рода скептицизмъ не есть субъективное начало и движущій нервъ философскаго познанія; онъ является напротивъ, какъ результатъ утомленія мысли, какъ нѣкотораго рода отчаяніе въ возможности достигнуть истины, при видѣ разногласій и противорѣчій философствующаго ума; онъ предполагаетъ за собою различныя системы и направленія мысли и ихъ взаимную борьбу. Такъ напр. первое обна-

руженіе положительнаго скептицизма въ софистикѣ было вызвано непримиримыми противорѣчіями, въ которыя разрѣшалась архаическая философія, среди взаимныхъ споровъ Елеатовъ, Юпійцевъ, Пиеагорейцевъ и атомистовъ. Софистами были ясно и опредѣленно выставлены главныя положенія абсолютнаго скептицизма, которыя въ послѣдствіи только развивались позднѣйшими скептиками: Пиррономъ, Тимономъ, а затѣмъ Аркезилаемъ, Енезидемомъ, Секстомъ Эмпирикомъ и другими, появленіе которыхъ было вызвано саморазложеніемъ древней философіи. Извѣстно положеніе софиста Горгія, которое онъ раскрывалъ діалектически въ своемъ сочиненіи: „О не сущемъ, или о природѣ“. Ничего не существуетъ: ни бытія, ни небытія; а если что-либо существуетъ, то ничего не можетъ быть познано; если же что и можетъ быть познано, то познаніе о томъ не можетъ быть сообщено другимъ. Тогда какъ Горгій ограничился однимъ отрицаніемъ знанія, Протагоръ высказалъ положительную формулу скептицизма: что кому кажется истиннымъ, то и истина для него; все поэтому есть вмѣстѣ и истинно и ложно, т. е. все человѣческое знаніе есть только субъективное мнѣніе: объективной истины нѣтъ, „человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей“. Но такъ какъ и эту формулу все-таки высказывалось нѣкоторое положительное мнѣніе о сущности такъ называемаго познанія, то послѣдующіе скептики абсолютный характеръ своего скептицизма любили выражать (Енезидемъ) слѣдующимъ положеніемъ: „я ничего не знаю; не знаю даже и того, что ничего не знаю“.

Мы не станемъ входить здѣсь въ критическій разборъ и оцѣнку возраженій скептиковъ противъ достовѣрности нашего познанія, такъ какъ они предполагаютъ подробный спеціальныи анализъ каждаго изъ тѣхъ видовъ познанія, на которые нападаютъ эти возраженія,—анализъ, мѣсто котораго въ дальнѣйшихъ метафизическихъ изслѣдованіяхъ о степени достовѣрности познанія эмпирическаго, раціональнаго и идеальнаго *).

*) Всѣ скептическія возраженія противъ положительнаго знанія соединены Енезидемомъ въ десять, такъ называемыхъ имъ, *тропозъ* (τρόποι). Невозможность объективнаго знанія доказывается имъ: 1) тѣмъ фактомъ, что тѣже самые предметы производятъ различныя впечатлѣнія на различныя живыя существа.

Здѣсь-же, при обсужденіи принциповъ философіи, для насъ важенъ только окончательный результатъ скептицизма, его положеніе объ абсолютной сомнительности или невозможности знанія истины. Но достаточно небольшого логическаго анализа этого принципа, чтобы видѣть всю его несостоятельность.

Человѣкъ не можетъ знать истины, говоритъ скептикъ. Но самое это положеніе, очевидно, можетъ быть только или досто-

2) Въ особенности-же люди повсюду различны между собою въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніи, поэтому ихъ представленія и сужденія о вещахъ не могутъ выражать никакой всеобще-обязательной истины. 3) Различныя чувства даютъ намъ различныя, даже противоположныя показанія о вещахъ; одно и то-же чувство (напр. зрѣніе) часто представляетъ намъ предметы очень различно и мы не знаемъ, даютъ-ли намъ чувства, которыя мы имѣемъ, вѣрныя и полныя познанія о вещахъ. 4) Наши различныя физическія и духовныя состоянія, настроенія и пр. дѣйствуютъ рѣшительнымъ образомъ на наши позрѣнія и сужденія о вещахъ, такъ что мы никогда не знаемъ, бываемъ-ли мы и когда въ такомъ состояніи, въ которомъ можемъ правильно воспринимать предметы. 5) Нравы, обычаи, законы, религиозныя вѣрованія, ученія различныхъ людей и народовъ до такой степени различны, что мы никакъ не можемъ рѣшить, что истинно и справедливо. 6) Мы воспринимаемъ всѣ предметы чрезъ какую-либо среду, напр. воздухъ, свѣтъ, окраску, влияніе которой измѣняетъ наши представленія, и дѣлаегъ ихъ неточными. 7) Различная отдаленность предметовъ, ихъ различныя положенія ихъ связи съ другими предметами дѣлаютъ то, что тѣ-же самые предметы въ различное время кажутся столь различными по ихъ виду, величинѣ, окраскѣ, что мы никогда не можемъ быть увѣрены, каковы они суть сами по себѣ. 8) Свойства предметовъ условливаются и измѣняются вслѣдствіе увеличенія или уменьшенія ихъ объема, разности въ температурѣ, въ быстротѣ движенія и т. п., такъ что мы никогда не можемъ съ увѣренностью приписать тому или другому предмету то или иное свойство. 9) Впечатлѣнія отъ вещей очень различны, судя по тому, стары-ли они или новы, привычны или непривычны. 10) Свойства вещей, если-бы мы даже ихъ и знали, составляютъ только отношенія одной вещи къ другой, познаніе которыхъ не можетъ дать намъ понятія о сущности вещей; при томъ-же эти отношенія ежеминутно могутъ измѣняться, представляютъ собою нѣчто случайное въ вещахъ (напр. вверху, внизу, направо, налѣво, тяжело, легко, велико, мало и пр.); поэтому они говорятъ намъ только о сравнительныхъ или относительныхъ, а не о дѣйствительныхъ свойствахъ вещей.—Выставленныя древними скептиками возраженія въ той или другой формѣ часто повторяются и въ новое время, какъ возраженія противъ достовѣрности того или иного вида познанія; древнимъ принадлежитъ только окончательный выводъ о недостовѣрности *всего* нашего познанія. Но не трудно замѣтить: а) что почти всѣ эти возраженія главнымъ образомъ касаются недостовѣрности только эмпирическаго познанія или общаго мнѣнія (тронъ 5-й), но не опровергаютъ возможности знанія рациональнаго; б) что въ сущности они ведутъ только къ мысли объ ограниченности, относительности и условности человеческого познанія, но не къ мысли объ абсолютной невозможности какого-бы то ни было знанія.

вѣрнымъ или недостовѣрнымъ; если оно достовѣрно, то человекъ можетъ знать хотя одну достовѣрную истину; если сомнительно, то сомнителенъ и несостоятеленъ самый скептицизмъ. Таже дилемма имѣетъ мѣсто и по отношенію къ доказательствамъ, которыми скептикъ подтверждаетъ свою мысль. Они достовѣрны или недостовѣрны; въ обоихъ случаяхъ скептицизмъ впадаетъ въ противорѣчіе себѣ: если достовѣрны, значитъ есть достовѣрное знаніе; если недостовѣрны—падаетъ вся скептическая философія, какъ основанная на сомнительныхъ и нетвердыхъ аргументахъ.

Дѣйствительно, для оцѣнки абсолютнаго скептицизма для насъ важнѣе всего то, что отвергая въ принципѣ возможность знанія, онъ въ тоже время, въ противорѣчіе себѣ, не только допускаетъ возможность знанія истины, но и признаетъ даже идею истиннаго, совершеннаго знанія. Онъ допускаетъ знаніе истины, ибо противопоставляя свое сомнѣніе мнѣніямъ или утвержденіямъ другихъ, онъ очевидно приписываетъ ему *истину*, а другимъ мнѣніямъ *ложность*. Онъ сомнѣвается, очевидно, потому, что сомнѣніе считаетъ болѣе справедливымъ или болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ приписываемое себѣ другими знаніе; следовательно онъ почитаетъ истиннымъ и дѣйствительнымъ *свое* мнѣніе объ истинѣ,—словомъ, отрицая возможность знать истину, онъ въ тоже время нѣчто считаетъ истиннымъ, именно—свое сомнѣніе касательно истины чуждыхъ мнѣній. Но этого мало: фактически допуская истину, скептикъ необходимо въ тоже время долженъ допустить и самую идею истины, какъ положительный и несомнѣнный философскій принципъ, въ силу котораго получаетъ возможность существованія и самый его скептицизмъ. Когда скептикъ подвергаетъ сомнѣнію существующія мнѣнія, то онъ, конечно, дѣлаетъ это не безъ какихъ-либо разумныхъ основаній; иначе всѣ его возраженія не могли-бы имѣть никакого смысла ни для другихъ, ни для него самого. Когда онъ сомнѣвается въ извѣстныхъ положеніяхъ потому, что они кажутся ему неоснованными на несомнѣнныхъ доказательствахъ, то этихъ самымъ онъ уже признаетъ, что они могли-бы быть истинными, еслибы были твердо доказаны. Когда онъ основываетъ свои сомнѣнія на

томъ, что извѣстныя мнѣнія противорѣчатъ себѣ или ведутъ къ противорѣчающимъ выводамъ, то онъ уже признаетъ, что они могли-бы быть достовѣрными и носить характера знанія, если-бы они были освобождены отъ противорѣчій. Итакъ, въ неоспоримо доказанномъ, въ свободномъ отъ противорѣчій скептикъ видитъ признакъ знанія. Разумное основаніе его сомнѣній можетъ состоять только въ томъ, что существующія мнѣнія не удовлетворяютъ его понятій объ истинѣ и о достовѣрности мнѣнія; онъ долженъ замѣчать въ нихъ недостатки, которые не позволяютъ ему признать ихъ за истину. Слѣдовательно онъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы не различать истиннаго и ложнаго въ каждой подвергающейся его изслѣдованію мысли, а дѣлая такое различеніе онъ, очевидно, долженъ предположить, что есть истина, есть истинное знаніе и признаки его, которыхъ данное, частное знаніе не имѣетъ. Отсюда видно, что самымъ сомнѣніемъ своимъ скептикъ показываетъ, что онъ *знаетъ*, въ чемъ должно состоять истинное знаніе, *что* заслуживаетъ его имени и *что* нѣтъ. Идея знанія предносится его уму, какъ нѣчто твердое и несомнѣнное, какъ мѣрка для оцѣнки всякаго рода познаній и мыслей, давныхъ въ извѣстное время и подвергающихся его критикѣ.

Изъ сказаннаго нами выясняется и дѣйствительная причина происхожденія абсолютнаго скептицизма и его дѣйствительное значеніе въ области философіи. Независимо отъ случайныхъ и историческихъ условій, которыя вызывали появленіе скептицизма въ ту или другую эпоху философіи, коренная, внутренняя причина его могла заключаться только въ наблюденіи надъ дѣйствительнымъ несоотвѣтствіемъ нашего познанія съ безотчетно припимаемою нормою или идеаломъ знанія; предъ этою нормою все наше познаніе на самомъ дѣлѣ оказывается болѣе или менѣе неудовлетворительнымъ, и въ этомъ фактѣ заключается нѣкоторое оправданіе скептицизма. Но отсюда-же можно видѣть и всю его односторонность и несостоятельность; ибо изъ несоотвѣтствія идеалу, логически и послѣдовательно можно выводить только мысль объ ограниченности и несовершенствѣ нашего познанія, но не о его

невозможности или абсолютной недостоверности. Ограниченное знаніе не есть тоже, что знаніе ложное; невозможность знанія абсолютнаго не есть невозможность знанія относительнаго.

Такимъ образомъ, не опровергая возможности знанія, абсолютный скептицизмъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ можетъ привести только къ мысли объ ограниченности человѣческаго познанія. Усиленно разясняя для нашего сознанія эту ограниченность, онъ можетъ быть опаснымъ оружіемъ только противъ тѣхъ философскихъ системъ, которыя утверждаютъ абсолютность философскаго вѣдѣнія. Съ другой стороны, изоцряя всю силу философскаго анализа, чтобы указать пробѣлы и недостатки въ знаніи, онъ указываетъ на необходимость для философіи внимательно пересмотрѣть и разяснить основныя положенія знанія и въ этомъ отношеніи служить къ устраненію такъ называемаго философскаго догматизма, который въ основу философіи полагаетъ извѣстныя истины и положенія, не заботясь о достаточномъ ихъ обоснованіи.

Что касается до положительнаго значенія абсолютнаго скептицизма, какъ философскаго принципа, то само собою понятно, по самому характеру своему, онъ не можетъ быть такимъ принципомъ, да не изъявляетъ на то и притязанія. Скептикъ ничего не знаетъ, во всемъ сомнѣвается, слѣдовательно отрицаетъ всякую возможность построенія философской системы на основаніи какъ своего, такъ и всякаго другаго принципа. Но такъ какъ такое состояніе мышленія противорѣчитъ естественной и неискоренимой потребности философскаго знанія, то не удивительно, что не только въ теоріи, но и въ практическомъ примѣненіи скептикъ противорѣчитъ себѣ и не выдерживаетъ своего принципа. Такъ, въ древней философіи, скептицизмъ, отвергая возможность теоретическаго знанія, пытается однакоже на основаніи своего принципа создать извѣстнаго рода практическую философію, которая должна быть положительнымъ результатомъ его теоретическихъ изслѣдованій. При полной невозможности знанія истинныя отношеніе философа къ вещамъ можетъ состоять только въ совершенномъ удержаніи нашей мысли отъ какого-бы то ни было сужденія о нихъ

(ἐποχή, ἀφασία). Такое удержаніе сужденія доставляетъ намъ истинное счастье, потому что за нимъ, какъ тѣнь, слѣдуетъ не поколебимость чувства, безстрастіе (ἀταρξία, ἀπάθεια). Кто принялъ скептическій образъ мыслей и отказался отъ всякаго собственнаго мнѣнія, тотъ живетъ въ покоѣ, безъ страстей и желаній, безъ заботъ, въ полномъ равнодушіи ко всѣмъ внѣшнимъ благамъ и ко внѣшнему злу, и въ этой апатіи состоитъ истинное счастье. Нѣтъ нужды говорить, что проповѣдуя абсолютное сомнѣніе въ теоретической философіи, скептицизмъ совершенно неожиданно разрѣшается въ догматизмъ, въ философіи практической, въ своемъ ученіи о счастьи, какъ состоявіи полнаго безстрастія и въ опредѣленіи условій его достиженія. Но если всякое знаніе сомнительно, то какое право мы имѣемъ считать несомнѣннымъ ученіе скептиковъ о счастьи и о средствахъ достиженія его? Послѣдовательно проведенный скептицизмъ долженъ привести не только къ отрицанію возможности знанія, но и дѣятельности, — отрицанію, совершенно неестественному и невозможному поэтому для живаго, дѣйствительнаго человѣка *). Въ этомъ противорѣчій себѣ и неосуществимости абсолютнаго скептицизма какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, и заключается главная причина, что въ новой философіи онъ не выступаетъ уже въ столь рѣшительной формѣ, какъ въ древности, и является большею частію въ видѣ скептицизма относительнаго, который скоро переходитъ въ прямое отрицаніе какой-либо стороны человѣческаго познанія, — таково напр. отрицаніе знанія философскаго въ позитивизмѣ.

В. Жудрявцевъ.

(Продолженіе будетъ).

*) Это замѣтили уже сами позднѣйшіе скептики. Такъ напр. Секстъ Емипръ соглашается, что скептический принципъ чистаго безразличія и апатіи не осуществимъ на практикѣ; поэтому и скептикъ въ своей жизни и дѣятельности долженъ слѣдовать принятымъ правамъ и обычаямъ; такъ какъ, далѣе, никакой скептицизмъ не можетъ освободить насъ отъ пріятныхъ или непріятныхъ ощущеній, получаемыхъ нами отъ тѣхъ или иныхъ предметовъ или состояній душевныхъ, то въ отношеніи къ вещамъ возможно не безстрастіе (ἀπάθεια), но только умѣреннострастіе (μετριοπάθεια), т. е. возможное ограниченіе желаній, въ чемъ и состоитъ истинное счастье.

ВѢРА И ЗНАНІЕ, ВѢРА И ЖИЗНЬ.

Подъ такимъ заглавіемъ въ концѣ прошлаго года въ нѣмецкой литературѣ явилось сочиненіе Э. Г. Штеуде. Сочиненіе это не велико по своему объему, — занимаетъ всего только 54 страницы, или три печатныхъ листа, но по своему содержанию оно настолько интересно, что на него вельзя не обратить надлежащаго вниманія каждому, кто только интересуется ходомъ развитія человѣческой мысли въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для всего человѣчества.

Главный предметъ, составляющій все содержаніе этого сочиненія, это — вопросъ объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ, вѣрою и жизнію. Правда, вопросъ этотъ вовсе не новый; его начало совпадаетъ съ началомъ самостоятельности научнаго знанія или, еще точнѣе, съ началомъ сомнѣнія человѣческаго разума. Но въ разныя времена вопросъ этотъ являлся въ разныхъ формахъ или фазисахъ своего развитія, каждый разъ весьма характеристическихъ для своей эпохи. Такую именно характеристическую для своего времени, особенную форму рѣшенія, не похожую на всѣ свои другія предшествовавшія формы, получаетъ этотъ вопросъ и въ наше время. Вотъ почему, не смотря на свою древность, вопросъ этотъ и его рѣшеніе никогда не могутъ быть чужды того живаго, научнаго интереса, который имъ всегда и всецѣло принадлежитъ. И Гёте былъ несомнѣнно поэтому правъ, когда

борьбу невѣрія съ вѣрою назваль самую глубокою и единственною темою міровой исторіи, „которой подчинены всѣ остальные“.

Въ настоящее время многіе почти отождествляютъ съ одной стороны невѣріе съ знаніемъ, съ другой — невѣжество съ вѣрою, напротивъ знаніе и вѣру считаютъ непримиримыми противоположностями. Люди невѣрующіе для оправданія своего невѣрія обыкновенно ссылаются на науку: такъ называемые образованные говорятъ о невѣріи, какъ необходимомъ слѣдствіи научнаго образованія; съ своей стороны люди вѣрующіе высказываютъ извѣстный страхъ къ наукѣ и ея представителямъ, считая ихъ виновниками невѣрія и проповѣдниками атеизма. Такимъ образомъ, характеристическая особенность нашего времени состоитъ въ томъ, что вопросъ объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ не рѣшается въ той или другой формѣ, а лишь доводится до возможно рѣзкаго противоположенія; прямо, безъ всякихъ обиняковъ, ставится диллема: „или вѣра, или знаніе“. Вопросъ самъ по себѣ, повидимому, уже пересталъ быть вопросомъ, онъ является только гордіевымъ узломъ, котораго развязать нельзя, но который необходимо разсѣчь могучимъ мечомъ.

Такой постановкѣ вопроса объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ несомнѣнно много содѣйствовали въ послѣдніа десятилѣтія большіе успѣхи, такъ называемыхъ, положительныхъ наукъ. Этими успѣхами науки обязаны прежде всего, конечно, тому методу изслѣдованія, который онѣ усвоили и благодаря которому онѣ только и могли освободиться отъ Аристотелевской схоластики и натурфилософской спекуляціи, чтобы стать дѣйствительно положительными науками. Это — методъ *индуктивный*, по которому, исходя отъ объекта даннаго опыта, изслѣдователь, для его познанія, производитъ надъ нимъ со всевозможною тщательностію наблюдение, и только послѣ такого основательнаго изученія переходитъ отъ частнаго къ общему, указывая общія правила, отыскивая законы природы.

Этотъ методъ и при посредствѣ его достигнутые результаты дѣйствительно значительно расширяють область человѣческаго знанія, сообщаютъ ему объективное направленіе и воз-

высшютъ его до такой степени, до какой оно никогда не достигало и даже не могло достигать. Къ этому нужно присоединить еще, что вслѣдствіе разнообразнаго и плодотворнаго практическаго примѣненія результатовъ научнаго изслѣдованія, вслѣдствіе популяризаціи научныхъ результатовъ въ общепонятныхъ чтеніяхъ и статьяхъ наиболѣе распространенныхъ журналовъ и газетъ и вслѣдствіе введенія и расширенія естественно-научнаго образованія въ школахъ, положительныя науки приобрѣли для себя всеобщее уваженіе и возбудили самый живой и непосредственный интересъ.

Но чѣмъ большее уваженіе и силу приобрѣтало знаніе, тѣмъ въ большую опасность впадала вѣра относительно удержанія за собою своего прежняго господства и могущества. Но крайпей мѣрѣ такъ многіе объ этомъ думали. Все это движеніе, па которое одни смотрѣли съ надеждою и радостію, другіе— съ опасеніемъ и прискорбіемъ, по взгляду нѣкоторыхъ было столь естественнымъ и необходимымъ процессомъ, что голожить преграду ему не могла никакая сила. Казалось недалекимъ даже и то будущее, когда знаніе возьметъ съ бою всѣ области жизни, а вѣра будетъ окончательно побѣждена, станетъ совершенно ненужною. Какая соблазнительная перспектива для человѣка, жаждущаго знанія и міроваго господства! Вотъ когда, наконецъ, будетъ достигнуто собственною силою и трудами человѣчества то, что, по повѣствованію Библии, такъ соблазнительно предлагалъ искушитель въ началѣ исторіи человѣчества: „будете, яко Бози!“ Да, казалось вполне возможнымъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже и вѣроятнымъ, что въ мірѣ, которымъ будетъ управлять и надъ которымъ будетъ господствовать духъ человѣческой, уже не будетъ болѣе мѣста для Божества, а религіозная вѣра будетъ признана всѣми лишь продуктомъ дѣтскаго состоянія человѣчества!

Нельзя, впрочемъ, утверждать, чтобы такое крайне одностороннее и насильственное рѣшеніе вопроса объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ было дано, или даже только предначертано положительною наукою. Но было время, и оно еще не особенно далеко ушло отъ насъ, когда многіе представители

естественныхъ наукъ, одушевленные, или, лучше сказать, омраченные гигантскими успѣхами этихъ наукъ, паивно мечтали и съ самоувѣренностью проповѣдывали всѣмъ и каждому, что для естественныхъ наукъ, для человѣческаго знанія не существуетъ никакихъ границъ, никакихъ предѣловъ, и, наконецъ, выдавали гипотезы и отдѣльныя мысли геніальныхъ изслѣдователей за непреложную истину, за твердо и неопровержимо доказанный законъ,—думали, что усовершенствовать и сдѣлать счастливымъ человѣка могутъ только однѣ естественныя науки. Этихъ мнимыхъ глашатаевъ истины современники могли слушать, конечно, только съ увлеченіемъ, такъ какъ сами они жили въ той-же атмосферѣ, дышали тѣмъ-же воздухомъ, шли за общимъ теченіемъ, а потому не всѣ и не всегда могли дать себѣ ясный и точный отчетъ, какого духа проповѣдниковъ они слушаютъ, были-ли это дѣйствительные и истинные служители науки, или только одни простые диллетанты ея. Дать такой отчетъ стало вполнѣ возможнымъ лишь тогда, когда вся эта бурная эпоха сошла со сцены, отошла въ область исторіи, а положительная наука ясно сознала свои задачи и границы и увидѣла ту опасность, въ которую влекли ее съ одной стороны преждевременная популяризація естественно-научныхъ гипотезъ, а съ другой—насильственно навязанная связь и союзничество съ матеріалистическою философіею.

Дѣйствительно, если кто, то именно представители матеріализма, какъ философскаго направленія, прекрасно сумѣли воспользоваться для своихъ цѣлей этою переходною эпохою, этимъ, такъ сказать, періодомъ броженія научной мысли. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Естественныя науки вполнѣ законно и справедливо поставлены своими представителями на почву опыта и реализма, т. е. такого міровоззрѣнія, которое считаетъ данное чувствами объективно существующимъ. Этимъ воспользовался матеріализмъ, чтобы окружить научнымъ ореоломъ свое ученіе о матеріи, какъ единственно только существующей реальности. Далѣе, положительная наука рядомъ опытовъ и наблюденій указала на существованіе тѣсной связи между душою и тѣломъ и зависимость первой отъ послѣдняго

подтверждала ссылкой на то, что душа дѣйствуетъ чрезъ тѣлесные органы и находится въ нѣкоторой зависимости отъ состоянія этихъ органовъ. Матеріалисты воспользовались этимъ для обоснованія своего излюбленнаго ученія о томъ, что душа есть лишь продуктъ тѣлеснаго организма и не имѣетъ никакого самостоятельнаго, особеннаго, своего собственнаго бытія. Затѣмъ, естественныя науки признали необходимымъ для своего изслѣдованія законъ причинности, по которому все происходитъ въ мірѣ. Матеріалисты тотчасъ воспользовались этимъ положеніемъ, чтобы, ссылаясь на свидѣтельство всѣхъ естественныхъ наукъ, съ насмѣшкою и презрѣніемъ отвергнуть ученіе о свободѣ духа божескаго и человѣческаго. Наконецъ, истинные представители положительной науки, вполнѣ сознавая, что областью изслѣдованія ихъ можетъ быть только данное чувственнымъ опытомъ, разъ навсегда отказались братья за вопросы, относящіеся къ области божественнаго и духовнаго, равно какъ и рѣшеніе такихъ метафизическихъ вопросовъ, какъ вопросы о послѣдствѣ основаніи и цѣли бытія міра и человѣка, объ отношеніи Бога къ міру и человѣку, о единствѣ и цѣлесообразности міровой жизни и т. п.—они представили философіи и откровенной религіи. Матеріализмъ-же тотчасъ пачаль проповѣдывать атеизмъ, какъ единственно только дозволенное наукою и потому единственно только разумное міровоззрѣніе.

Изъ сказаннаго ясно, что матеріалистическое міровоззрѣніе, проникшее, къ сожалѣнію, скоро изъ области мысли и въ область практической жизни, является самымъ главнымъ и самымъ дѣятельнымъ факторомъ, стремящимся обострить и не только не допустить до примиренія, но разъединить до непримиримаго противоположенія, исключаютъ взаимно другъ друга, главныя области человѣческаго духа—вѣру и знаніе, вѣру и жизнь. Къ этому, конечно, нужно присоединить еще и нѣкоторыя общественныя предрасудки, доставшіеся въ нѣслѣдство нашему времени отъ предшествовавшихъ эпохъ. Къ числу такихъ предрасудковъ нельзя не отнести: 1) мнѣнія нѣкоторыхъ людей истинно вѣрующихъ и благочестивыхъ, но потерявшихъ уваженіе къ положительной наукѣ вслѣдствіе ея

прежняго необдуманнаго союзничества съ матеріалистическою, а, слѣдовательно, и атеистическою философіею,—мнѣнія, по которому положительная наука, какъ таковая, непременно должна быть атеистическою и антирелигіозною. 2) Сюда-же должно быть отнесено мнѣніе, на которое, очевидно, должно смотрѣть, какъ на продуктъ цѣпческаго матеріализма, по которому знаніе возможно безъ вѣры и которое утверждаетъ, что знаніе, прибрѣтенное безъ вѣры, стоитъ выше вѣры и выше знанія, соединеннаго съ вѣрою. Наконецъ, 3) сюда-же должно быть отнесено, какъ общественный предразсудокъ, и третье ошибочное мнѣніе, по которому утверждаютъ, что безъ вѣры возможна и нравственность, т. е. нравственная жизнь и дѣятельность человѣка, и что такая автономная, самобытная нравственность есть самая высшая и достойнѣйшая.

Авторъ указаннаго нами сочиненія—Э. Г. Штеуде именно и ставитъ своею задачею—не только представить ясное опроверженіе матеріализма, но и насколько возможно для него, разрушить вышеуказанные предразсудки и такимъ образомъ оказать посильное содѣйствіе къ достиженію столь желательнаго и необходимаго примиренія между вѣрою и знаніемъ и выясненію того высокаго значенія, какое принадлежало и всегда будетъ принадлежать христіанской вѣрѣ. Съ этой стороны трудъ ученаго автора представляетъ несомнѣнный интересъ и весьма отрадное явленіе въ нѣмецкой богословской литературѣ, поворотъ которой къ ученому благоразумію и серьезной сдержанности не подлежитъ болѣе сомнѣнію и уже оказалъ несомнѣнно благотворное вліяніе тѣмъ, что многихъ отторгъ отъ увлеченія жидовствующими и по происхожденію и по образу мыслей западно-европейскими теологами—Штраусомъ и Ренаномъ. Вотъ почему мы и рѣшились познакомить своихъ читателей съ названнымъ сочиненіемъ.

Время, когда грубый матеріализмъ подъ знаменемъ естественныхъ наукъ съ надменною гордостью и безумною самоувѣренностію заявлялъ о себѣ не только въ книгахъ и журналахъ, но и въ аудиторіяхъ западно-европейскихъ, а отчасти и нашихъ высшеучебныхъ заведеній, несомнѣнно прошло безповоротно съ тѣхъ поръ, какъ положительная наука снова

возвратилась въ точныя границы своей области и стала изучать лишь одни явленія чувственнаго міра и указывать общіе законы, по которымъ совершаются эти явленія. Въ настоящее время представители положительной науки, въ своемъ значительномъ большинствѣ, обыкновенно воздерживаются отъ всякаго рода философскихъ спекулятивныхъ воззрѣній; тѣже изъ нихъ, которые считаютъ необходимымъ еще удерживать связь естественныхъ наукъ съ философіею, обыкновенно становятся въ ряды послѣдователей той философіи, которая всегда была и будетъ самою энергическою противницею матеріализма. Мы говоримъ о философскомъ критицизмѣ, начало которому было положено еще Кантомъ и который въ настоящее время все больше и больше приобрѣтаетъ себѣ послѣдователей и защитниковъ. Эти-то критики-философы вмѣстѣ съ самыми естествоиспытателями теперь съ презрѣніемъ отвернулись уже отъ своего бывшаго павязчиваго союзника—матеріализма и безпристрастно произнесли надъ нимъ свой безусловно-обвинительный приговоръ. Поэтому Штеуде поступаетъ совершенно разумно и практично, когда, не опровергая матеріалистическаго міровоззрѣнія со стороны его принциповъ, ограничиваетъ свою задачу лишь приведеніемъ нѣкоторыхъ выдержекъ изъ сочиненій такихъ лицъ, которыя, пользуясь авторитетомъ среди приверженцевъ матеріализма, въ тоже время ясно усматриваютъ заблужденія и ошибки послѣдняго. Воспроизводимъ, по Штеуде, эти выдержки.

Юстъ фонъ-Либигъ, умершій въ 1873 году, въ своихъ *письмахъ по химіи* (Chemischen Briefen) рассуждаетъ, на примѣръ, такимъ образомъ: „Только недостаточное познаніе неорганическихъ силъ является причиною того, отчего нѣкоторыми лицами отрицается существованіе особенной силы, дѣйствующей въ существахъ органическихъ, отчего неорганическими силами приписываются такія дѣйствія, которыя противоположны ихъ природѣ, противорѣчатъ ихъ законамъ... Когда вы обратите вниманіе на лицъ, защищающихъ эти мнѣнія, то вы тотчасъ замѣтите, что они *пришлецы* въ областяхъ, имѣющихъ своею задачею—изслѣдованіе химическихъ и физическихъ силъ; ни одинъ компетентный физикъ или химикъ никогда не соглашал-

ся съ ними. И если вы спросите нашихъ великихъ фізіологовъ, которымъ мы обязаны открытіемъ тѣхъ фактовъ, на которыхъ обосновываютъ свои положенія отрицатели жизненной силы, то вы получите отвѣтъ, что эти руководители науки не признаютъ такихъ положеній и выводовъ ни основательными, ни справедливыми. *Это мнѣнія дилеттантовъ, которые вслѣдствіе своихъ прогулокъ по границамъ области естествоиспытанія присвоиваютъ себѣ право раскрывать предъ невѣдущею и легковѣрною публикою то, какимъ именно образомъ произошли міръ и жизнь и какъ далеко ушелъ человѣкъ въ рѣшеніи наивысшихъ вопросовъ.... Эти дилеттанты утверждаютъ, что мысли суть продукты измѣненія мозгового вещества, точно также какъ желчь есть продуктъ измѣненія вещества печени.... Духовный человѣкъ не есть продуктъ своихъ чувствъ, но дѣйствія чувствъ суть продуктъ интеллигентнаго хотѣнія въ человѣкѣ.... Все, что мы знаемъ, сводится къ той тривіальной истинѣ, что голова безъ мозга ни думаетъ, ни ощущаетъ... Естествоиспытатели, желавшіе дѣйствительно изучить законы органической жизни и утверждавшіе, что въ ней господствуютъ фізическія и химическія силы, естественно останавливались на этихъ силахъ какъ на извѣстномъ имъ изъ иной области; на другія силы они не обращали вниманія прежде всего съ тою цѣлю, чтобы доказать, насколько достаточно фізики и химіи для объясненія жизни и ея явленій; гдѣ онѣ оказывались недостаточными, тамъ выступало дѣйствіе новаго, неизвѣстнаго еще принципа, который затѣмъ тотчасъ получалъ свое ограниченіе и ближайшее опредѣленіе. *Этого метода исключенія многіе люди не знали, не понимали, а отсюда-то и произошло, что они думали, что особенная, дѣйствующая въ организмахъ, отличная отъ фізическихъ и химическихъ силъ причина отвергается учеными, старающимися опредѣлить фізическія и химическія условія жизни*" *).*

Хр. Фр. Шенбейнъ, открывшій озонъ, коллодіумъ и пиро-кселинъ, умершій въ 1868 году, высказывается такимъ образомъ: „когда тѣ, которые наблюдали природу только издали и которымъ близко незнакома ея внутренняя жизнь, отвергаютъ,

*) Срв. стр. 181, 182, 186, 187; Steude, стр. 7—8.

что въ ней можетъ быть познаваемо господство безконечнаго духа,—это отчасти понятно. Но какимъ образомъ такъ можетъ говорить человѣкъ, одаренный чувствами и разсудкомъ и болѣе точно знакомый съ какою-нибудь стороною жизни природы,—для меня это самая неразъяснимая загадка. *Истинно великіе естествоиспытатели, какъ Ньютонъ, Галлеръ, Фарадей, все болѣе и болѣе вырабатывали себѣ убѣжденіе въ бытіи духа и Бога, чѣмъ глубже проникали въ тайны природы. Глубокопроницательный наблюдатель вынужденъ признать величайшею погрѣшностію то, когда въ области органической жизни не усматриваютъ господства сознательной мысли и дѣятельности существа, поступающаго по извѣстнымъ цѣлямъ* *).

Эренбергъ, основатель науки міра микроскопическихъ животныхъ, умершій въ 1876 году, высказалъ слѣдующее рѣзкое выраженіе: „писатели, которые, по своей ограниченности, заключаютъ и говорятъ: „нѣтъ души, а потому нѣтъ и безсмертія; таковъ я есмь, большимъ я не могу быть“,—лично могутъ быть совершенно правы. Но ихъ нельзя только считать представителями естествоиспытанія“ **).

Извѣстный естествоиспытатель *Агассизъ*, умершій въ 1873 году, называлъ матеріализмъ „безотраднымъ ученіемъ, которое тщетно старается всѣ чудеса міра объяснить единственно только изъ закоповъ и силъ матеріи“.

Умершій въ 1881 году ботаникъ *Шлейденъ*, первый примѣнитель индуктивнаго метода къ области изученія растений, въ 1863 году написалъ противъ матеріализма даже особое сочиненіе, въ которомъ широко-распространенную книгу *Бюхнера* о силѣ и матеріи называлъ „плохенькою работою“, а знаменитое Молешотовское опредѣленіе человѣка какъ суммы родителей и кормилицы, мѣста и времени, воздуха и климата, звука и свѣта, пищи и одежды, призналъ „словесною бессмыслицею, которую могла-бы болтать развѣ важничающая горничная“ ***).

Дю-Буа-Реймондъ началъ свое чтеніе о „семи міровыхъ за-

*) Cp. Zöckler, Gottes Zeugen in der Natur, Gutersloh 1871, II. S. 160, Steude, S. 9.

***) Zöckler, S. 278. Steude, S. 9.

***) Zöckler, S. 286, 260 Steude, S. 9.

гадбахъ“ 8 іюля 1880 года слѣдующими, весьма характеристическими для теперешняго состоянія естественныхъ наукъ, словами: „Восемь лѣтъ назадъ, когда я взялъ на себя обязанность держать рѣчь въ публичномъ засѣданіи собранія нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, я долго медлилъ, пока рѣшился предметомъ своего чтенія избрать границы естествознанія. Мнѣ казалась слишкомъ тривіальною истиною—невозможность съ одной стороны повять сущность матеріи и силы, а съ другой механически объяснить сознаніе даже и на самыхъ низшихъ ступеняхъ. Что атомистикою, динамистикою, постояннымъ наполненіемъ пространства ровно ничего не достигается, это опытъ старій, въ которомъ что-либо измѣнить не могло и появленіе естественныхъ наукъ. Что свойствомъ и движеніемъ матеріи нельзя уяснить себѣ даже и самаго простаго чувственнаго воспріятія, — это лучшими мыслителями признано давнымъ давно. Я зналъ прекрасно, что относительно послѣдняго пункта широко распространены ложныя понятія; но я почти стыдился подносить нѣмецкимъ естествоиспытателямъ такой протухнувшій напитокъ и только новостью вывода я надѣялся возбудить участіе“. Выводъ, къ которому пришелъ, наконецъ, ученый, состоитъ въ томъ, что положительная наука ничего не можетъ имѣть общаго съ матеріализмомъ, союзничество съ которымъ она энергически должна отклонить отъ себя. — Съ такою-же рѣшительностію въ Берлинѣ, въ собраніи нѣмецкихъ антропологовъ (въ августѣ 1880 г.), мюнхенскій профессоръ *Ранке* высказался противъ довольно распространеннаго мнѣнія, будто-бы существуетъ какое-то союзничество между антропологическимъ изслѣдованіемъ и атеизмомъ, или матеріализмомъ.

Прель въ своей „Исторіи развитія вселенной“ (Leipzig 1882), именно въ введеніи (стр. V и слѣд.) пишетъ: „Философія и естествознаніе согласны между собою въ томъ, что человѣкъ вслѣдствіе ограниченности своихъ чувственныхъ органовъ можетъ познавать дѣйствительность только отчасти, что слѣдовательно трансцендентальная сторопа міра стоитъ выше пашей организаціи, выше нашего сознанія. Богатство-же міра представленій находится въ связи съ воспринимательными спо-

собностями. Отсюда очевидно слѣдуетъ, что мы, люди, не можемъ обладать міромъ представленій и формулъ во всемъ возможномъ ихъ количествѣ... И вовсе нѣтъ чуда, что нашъ разумъ запутывается въ противорѣчія, какъ скоро мы начинаемъ сочинять наши три формулы міровоззрѣнія (теизмъ, матеріализмъ и пантеизмъ). Нужно имѣть ограниченное философское образованіе, чтобы не замѣчать тѣхъ необычайныхъ затрудненій, которыя встрѣчаютъ для себя отвлеченныя воззрѣнія теизма, какъ допускаетъ это даже Библія и Церковь. *Съ другой стороны и атеистическій матеріализмъ есть лишь пустое отрицаніе, сумасбродное міровоззрѣніе*, которое поэтому, какъ свидѣтельствуемъ исторія, и можетъ всегда появляться только въ періоды религіознаго и философскаго скептицизма... Отрицать въ мірѣ разумъ естествознаніе также не можетъ, хотя онъ и можетъ представляться ему только какъ результатъ развитія. Когда естествознаніе нашего времени высказываетъ, повидному, охоту возсѣсть на тронѣ метафизики, *то въ этомъ заключается та ошибка*, которую оно само увидитъ только тогда, когда съ принципомъ своего объясненія, закономъ причинности, дойдетъ до конца... Я теистъ, насколько признаю разумъ въ развитіи міра; я матеріалистъ, насколько вѣрую въ законнообразное теченіе жизни природы; я пантеистъ, насколько я монистъ и насколько въ благородномъ дуализмѣ Бога и міра могу признавать историческую ступень пониманія міровой жизни, а въ простомъ дуализмѣ силы и матеріи—неясное мышленіе“.

Французскій химикъ *Пастеръ* (Pasteur) недавно, при своемъ вступленіи въ Парижскую академію наукъ, указавъ на противорѣчія матеріализма, со всею рѣшительностію высказался въ пользу спиритуализма и существованія въ мірѣ безконечнаго Бога *).

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если матеріализму высказали свое полное осужденіе и всѣ тѣ естествоиспытатели, которые, основываясь на Кантовой теоріи познанія, вполне подтвержденной результатами фізіологіи, примкнули къ послѣдователямъ болѣе или менѣе *идеалистическаго* міровоззрѣнія.

*) Ср. „Beweis des Glaubens“ 1882. S. 420 и слѣд.; Stende, стр. 11.

Сюда принадлежатъ Іоаннъ Мюллеръ, Августъ Мюллеръ, Гельмгольцъ и другіе, имена которыхъ въ области естествознанія пользуются большимъ уваженіемъ.

Свящ. М. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО LV *).

ДОЛЖНО ОБХОДИТЬСЯ СО СЛУГАМИ БЛАГОДУШНО.

Пріятно мнѣ было узнать отъ людей, прибывшихъ изъ твоего мѣстожителства, что ты со слугами своими живешь, какъ одна семья; такое обращеніе достойно твоей опытности и служить украшеніемъ такого просвѣщеннаго человѣка, какъ ты. Скажутъ: какъ? со слугами? Но слуги все-таки люди. Слуги эти вмѣстѣ и сожители наши, они—робко почтительные наши друзья, даже товарищи наши, если представить себѣ, что мы одинаково подчинены могуществу судьбы. Вотъ почему я смѣюсь надъ тѣми, которые къ стыду своему думаютъ, что унизительно обѣдать вмѣстѣ съ людьми, которые прислуживаютъ намъ. Почему это дѣлается, какъ не по снѣси,—и ради установившагося обычая, чтобы, во время обѣда хозяина, его окружала толпа стоящихъ слугъ. Онъ, этотъ хозяинъ, за обѣдомъ поѣдаетъ больше, чѣмъ сколько вмѣщаетъ, и съ чрезмѣрною жадностью обременяетъ свое чрево, которое, по мѣрѣ того, какъ хозяинъ пріобрѣтаетъ привычку съ трудомъ носить въ себѣ то, что воспринялъ легко,—растягивается, и забываетъ свое природное назначеніе; а слуги его несчастные *въ это время* губами пошевельнуть не смѣютъ, даже и для того, чтобы сказать хоть слово. Палкой усмиряется всякое перешептываніе; даже такія случайности, какъ

*) Ер. 47.

кашель, чиханье, икота не исключены изъ числа поступковъ, наказываемыхъ палкой; не смотря на великую несправедливость молчаніе и тишина тутъ не нарушаются; нѣмые и голодные, они выстаиваютъ всю ночь. Вотъ почему говорятъ дурно о господинѣ тѣ, которымъ въ присутствіи его не дозволяется сказать ни слова. А другіе, на устахъ которыхъ не лежало запрещеніе, которые не только въ присутствіи господь, но и съ ними могли вести бесѣду, готовы были иногда подставить свою выю для спасенія господина, — готовы были на свою голову привлечь угрожающую бѣду. Они говорили во время обѣда, но не произносили ни слова среди мученій. *Какъ-бы* для оправданія своей надменности, господа приводятъ *обыкновенно* пословицу: „сколько рабовъ, столько и враговъ“. Не враги они намъ, а мы сами дѣлаемъ ихъ такими. Объ иныхъ поступкахъ со слугами, невыносимыхъ и безчеловѣчныхъ, я умалчиваю; потому что вѣдь мы, злоупотребляя своею властью, обходимся съ ними даже и не какъ съ людьми, а какъ съ выючными животными; потому что, когда мы усядемся за столъ, *одинъ только и дѣлаетъ, что* подчищаетъ *стѣды* нашего откашливанья; другой, согнувшись, потихоньку убираетъ пролитое на полъ опьянѣвшими, третій подаетъ къ столу дорогихъ птицъ, вѣрными взмахами опытной руки раздѣливши ихъ на четыре равныя части. Не богатъ счастьемъ тотъ, который для того только и живетъ, чтобы въ заманчивомъ видѣ подать къ обѣду жирные куски мяса, — если не имѣть въ виду того, что тотъ, кто ради своей прихоти учитъ этому другому, несчастнѣе того, кто перенимаетъ эту науку по необходимости. А иной изъ слугъ, въ качествѣ виночерпія, разодѣтый какъ женщина, вступаетъ въ борьбу со своими лѣтами, и, не будучи въ силахъ справиться со своею возмужалостью, задерживаетъ ее; и вотъ, какъ воинъ, подрѣзавши волосы па лицѣ или съ корнемъ ихъ вырвавши, онъ въ теченіи цѣлой ночи бодрствуетъ, тратя ее пополамъ на угодливость позывамъ къ пьянству своего господина, и на увеселеніе его игривостью своего возраста: ночью, въ своей комнатѣ онъ взрослый, во время-же обѣда онъ не болѣе, какъ отрокъ. Другой, которому поручено наблюдать за порядкомъ на пир-

шествѣ, стоитъ не двигаясь съ мѣста, грустно выжидаая, пока ласкательство къ хозяину и не могущее болѣе воспринимать пища чрево, а языкъ болтать,—отзовутъ гостей на покой до утра. Представь себѣ теперь слугъ, покупающихъ запасы для стола, которымъ разборчивость въ пищѣ своего господина бываетъ до тонкости извѣстна; которые извѣдали, вкусъ какихъ вещей болѣе всего возбуждаетъ у него позывъ на пищу, видъ какой пици приводитъ его въ благодушное настроеніе, повизною какой пици можетъ быть выправленъ разстроенный желудокъ, что ему приѣлось до отвращенія и что ему захочется поѣсть сегодня. Со всѣми этими людьми хозяинъ не потерпитъ обѣдать,—онъ сочтетъ убыткомъ для своего величія приступить къ трапезѣ со своимъ рабомъ. Боги видятъ, кто здѣсь лучшій: сколько между рабами господина есть владѣющихъ собою! Я видѣлъ, какъ господинъ нѣкоего Каллиста *), который нѣкогда наложилъ на него клеймо **), который вывелъ его на унизительное торжище, вмѣстѣ съ другимъ покупнымъ товаромъ,—стоялъ у дверей дома этого послѣдняго и не былъ допущенъ, въ то время какъ другіе свободно входили туда. Этотъ рабъ, будучи помѣщенъ какъ худшій въ первую декурію ***), съ которой оцѣнщикъ начиналъ обыкновенно давать работу своему голосу, оплатилъ господину за его милости: въ свою очередь и ему оказалъ подобное же пренебреженіе, считая его недостойнымъ своего дома. Господинъ отдалъ въ другія руки Каллиста; но какъ многое изъ принадлежащаго его прежнему господину отдалъ въ другія руки Каллистъ!

Неужели ты не хочешь допустить мысли о томъ, что тотъ, кого ты зовешь своимъ рабомъ, явился на свѣтъ подобнымъ-же образомъ, какъ и ты, вкушаетъ радости бытія подъ тѣмъ-же небомъ, дышетъ тѣмъ-же воздухомъ, живетъ и умираетъ наравнѣ съ тобою? Вѣдь вотъ, какъ оказывается, ты можешь

*) Вольноотпущенникъ и любимецъ императора Клавдія.

***) Разумѣется дощечка, на которой были обозначены цѣна, имя и качества продаваемаго раба.

***) Decuria—десятокъ. Рабы, признававшіеся худшими, зачислялись въ первую декурію, т. е. продавались прежде другихъ.

увидѣть его когда-либо въ такой-же мѣрѣ свободнымъ, въ какой себя самого въ положеніи раба. Послѣ пораженія Вара *), многихъ благородныхъ, мечтавшихъ о сенаторскомъ званіи, какъ награда за военныя заслуги, судьба пригнула къ самой землѣ: одного она сдѣлала пастухомъ, другаго привратникомъ. Послѣ этого, пренебрегай, если хочешь, человѣкомъ въ томъ положеніи, въ которое, при всемъ твоёмъ пренебреженіи, ты самъ можешь ниспасть. Я не желаю пускаться въ неоглядное поле зрѣнія и взвѣшивать по частямъ всю пользу, которую мы получаемъ отъ слугъ, въ отношеніи къ которымъ мы такъ заносчивы, жестоки и бранливы. Однако вотъ мой совѣтъ, въ сокращеніи его содержанія: „такъ поступай съ низшимъ, какъ въ твоихъ желаніяхъ долженъ поступать съ тобою высшій“. Всякій разъ, какъ тебѣ взбредетъ на мысль, какъ многое ты можешь сдѣлать со слугой,—пусть тебѣ придетъ на мысль и то, что столь-же многое можетъ относительно тебя высшій. „Но вѣдь я—скажешь—совсѣмъ не имѣю господина?“ Счастливыя лѣта! **); но ты, быть можетъ, будешь его имѣть. Развѣ не знаешь, въ какомъ возрастѣ Гекуба, въ какомъ мать Дарія, въ какомъ Крезъ, Платонъ, Діогенъ сдѣлались рабами? Обходись со слугами ласково и даже дружелюбно: и въ бесѣду вступать съ тобою имъ не препятствуй, и къ совѣщаніямъ ихъ допускай, и трапезу съ ними дѣли.

Здѣсь противъ меня съ крикомъ возстанетъ все общество людей, устроившихъ себѣ изящно-обособленную жизнь: „нѣтъ дѣла грязнѣе и унижительнонѣе, чѣмъ это“. И однако я могъ-бы поймать иныхъ изъ этихъ лицъ на томъ, какъ они цѣлуютъ руки чужихъ слугъ. Даже и того не видите вы, какъ наши предки удаляли всякое недоброжелательство относительно господъ и всякій поводъ къ уничижительному отношенію къ рабамъ: они называли хозяина отцемъ живущихъ въ домѣ (*pater familiae*); а слугъ, что и до сихъ поръ еще крѣпко держится въ театральныхъ зрѣлищахъ, называли домочадцами

*) П. Кв. Варъ, памѣстникъ въ Германіи, своею безтактностью при введеніи римскихъ правовъ и обычаевъ вызвалъ возстаніе среди германцевъ и потерпѣвшій жестокое пораженіе отъ Арминія въ Тевтобургскомъ мѣсу.

**) Т. е. ты слышомъ юнь, чтобы могъ испытать всѣ превратности счастья.

(familiares). Они установили также праздничный день, въ продолженіе котораго господа не только обязаны были подкрѣплять себя пищей въ обществѣ своихъ слугъ, но и предоставлять имъ въ домѣ почетное положеніе,—позволили имъ право свободнаго сужденія и распорядженія всѣми вещами, въ чемъ высказали свое убѣжденіе, что домъ есть одно тѣло, *своего рода* государство въ небольшомъ объемѣ. „Какъ-же? такъ я и буду всѣхъ слугъ усаживать за своимъ столомъ?“ Не чаще, чѣмъ всякихъ свободныхъ. Но ты ошибаешься, думая, что я отвергну нѣкоторыхъ изъ слугъ ради ихъ какъ-бы грязнаго занятія, какъ напр. погонщика муловъ или пастуха; я буду цѣнить ихъ не по ихъ служебнымъ обязанностямъ, а по нравамъ. Нравы каждый даетъ себѣ самъ, службу *въ жизни* указываетъ стеченіе тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ. Пусть нѣкоторые обѣдаютъ съ тобою, потому что достойны, а другіе, чтобы сдѣлаться такими. Вѣдь если у нихъ есть что рабское отъ обхожденія съ грязными людьми и вещами, такъ сожителство съ людьми, вызывающими къ себѣ уваженіе, вытѣснить это. Основанія, по которому ты могъ-бы искать друга только на форумѣ и въ сенатскомъ помѣщеніи, въ дѣйствительности не существуетъ: если со внимательною любовью возьмешься за это дѣло,—и дома сыщешь друга. Часто хорошій природный матеріалъ бесполезно лежитъ въ бездѣйствіи, только потому, что нѣтъ художника: пробуй, и наживай себѣ опытность *въ этомъ дѣлѣ* *). Какъ часто глупый, предполагая купить коня, всматривается не въ него самого, а оглядываетъ его попоны и уздечку; такъ и тотъ неразумно поступаетъ, который одѣиваетъ человѣка или по одеждѣ, или по состоянію, которое обтягиваетъ насъ какъ одежда. Вотъ этотъ человѣкъ рабъ; но онъ, быть можетъ, свободенъ по высокой настроенности души. Онъ рабъ! Въ какомъ отношеніи это имя для него предосудительно? Укажи, кто не бываетъ такимъ. Одинъ бываетъ рабомъ страстности, другой—самолюбиваго искательства,—и всѣ рабствуютъ чувству страха. Я тебѣ могу указать на людей сенаторскаго званія, которые служили, какъ рабы, женщинѣ, и не молодой; могу представить тебѣ и бога-

*) Т. е. въ искусствѣ образовывать изъ рабовъ друзей.

чей, которые бывали на послугахъ у простой служанки; у насъ есть на лицо знатные юноши, которые идутъ покорной толпой рабовъ *въ хвостъ* особъ балетнаго искусства. Никакое рабство не позорно такъ, какъ добровольное. И такъ, тѣ спѣсивые люди, которые указываютъ тебѣ на страшную затруднительность, въ обращеніи со слугами, показывать всегда свѣтлый видъ дружескаго расположенія къ нимъ, — не имѣютъ для этого никакихъ основаній. Лучше будетъ, когда слуги будутъ почитать тебя, чѣмъ бояться.

Теперь скажетъ кто-нибудь, что я зову рабовъ къ освобожденію *), и хочу низринуть съ высоты ихъ хозяевъ, такъ какъ я сказалъ: пусть они лучше почитаютъ своего господина, чѣмъ бояться. Не будутъ-ли они, скажутъ, послѣ этого почитать своихъ господъ, какъ какихъ-нибудь лицъ, вѣранныхъ ихъ охранѣ **), или какъ тѣхъ, которые приходятъ передать свои благожеланія людямъ властнымъ. Кто способенъ такъ говорить, — забываетъ, что для господъ не можетъ быть недостаточно того, что довлѣетъ для Бога, къ Которому мы стремимся любовью и почитаніемъ. Страхъ не можетъ совмѣститься съ любовью. Я думаю поэтому, что ты поступаешь справедливо, когда не желаешь внушать страха своимъ слугамъ, пользуясь для исправленія ихъ карою выговора. Побоями дѣлаются напоминанія только безсловеснымъ животнымъ. Не все, что оскорбляетъ насъ, въ то же время и вредитъ намъ; насъ заставляетъ доходить до изступленія *наша собственная* поблажка нашимъ прихотямъ, такъ что все, что не отвѣчаетъ нашимъ желаніямъ, вызываетъ нашъ гнѣвъ. Мы вошли въ духъ властныхъ лицъ; и какъ тѣ, мы до такой степени иногда распалеемся гнѣвомъ и яримся, какъ будто бы получили обиду, хотя, не памятуя объ избыткѣ своей власти, мы должны были-бы помнить о слабости силъ другихъ, *подчиненныхъ намъ*; а между тѣмъ отъ опасности гнѣва со стороны другихъ,

*) Ad pileum. Въ праздникъ Сатурналій рабамъ дозволялось носить острокопечную войлочную шляпу съ небольшими полями (pileus), какъ-бы въ признаніе ихъ природной свободы; такую шляпу носили свободные въ праздничные дни, какъ знакъ полнаго довольства.

**) Clientes.

высшихъ, насъ обезпечиваетъ только значительность нашего положенія. Властные люди знаютъ это; но они ловятъ случай повредить, отыскивая поводъ къ *обидчивости*: принимая что-нибудь какъ обидное, они думаютъ о томъ, какъ бы учинить обиду. Далѣе задерживать тебя не стану, ибо въ увѣщаніяхъ ты не нуждаешься. Люди добрыхъ нравовъ тѣмъ владѣютъ между прочимъ, что, испытывая довольство собой въ глубинѣ своей души, владѣютъ собой; злокачественность-же легкомысленна и часто мѣняетъ свои настроенія не къ лучшему, а по направленію къ чему-нибудь иному, *новому*.

ПИСЬМО LVІ *).

ПУСТЬ НЕ СЧИТАЕТЪ СЕБЯ НЕ БЛАГОРОДНЫМЪ ПО ПРОИСХОЖДЕНІЮ ТОТЪ, КТО ИЗЪ ДОБРОЙ ДУШИ ВОСПИТЫВАЕТЪ ВЪ СЕБѢ БЛАГІЯ, ДОБРОДѢТЕЛЬНЫЯ СТРЕМЛЕНІЯ.

Ты все еще выставляешь себя предо мной мальчикомъ, когда говоришь, что и природа и судьба обошлись съ тобою одинаково неблагоклонно, между тѣмъ какъ ты властенъ вынырнуть изъ массы рядовыхъ людей и подняться на высшую ступень счастья. Философія, въ ряду прочихъ достоинствъ, имѣетъ между прочимъ то хорошее, что не приглядывается къ родословной. Вѣдь всѣ люди, если прослѣдить ихъ родъ назадъ до самаго перваго начала, окажутся имѣющими бытіе отъ Бога. Вотъ ты теперь--римскій всадникъ, и твоя собственная дѣятельность ввела тебя въ ряды этого почтеннаго сословія; вѣдь подумай только, первые четырнадцать рядовъ въ театрѣ для многихъ совсѣмъ недоступны. Не всѣ имѣютъ доступъ и въ сенатъ; даже и лагерь, принимая людей для трудовъ и опасностей, отбираетъ ихъ себѣ не безъ нѣкоторой мнительности и опасливости *за ихъ годность*. Для добромыслія-же пути ни для кого не закрыты: здѣсь всѣ мы можемъ имѣть прирожденныя права знатныхъ людей. Не отгоняетъ прочь кого-либо философія, и не принимаетъ по выбору: она освѣщаетъ всѣхъ вообще. Сократъ не былъ человѣкомъ родовитымъ; Клеанъ

*) Ер. 44.

таскалъ воду и поливалъ сады, получая плату за эту ручную работу; о Платонѣ слава ничего не знала прежде, чѣмъ прославила его философія. Нѣтъ основанія отчаяваться, что и ты можешь войти съ ними въ часть: всѣ они будутъ твоими предками, если ты будешь поступать, соображаясь съ достоинствомъ ихъ жизни. И ты будешь на пути, приближающемъ къ нимъ, если выносишь въ себѣ убѣжденіе, что не слѣдуетъ допускать, чтобы кто-нибудь превзошелъ тебя въ благородствѣ. У всѣхъ насъ столько-же предковъ, сколько до насъ существовало людей; и однако нѣтъ теперь ни одного человѣка, начало рода котораго не лежало-бы въ памяти людей. Платонъ говоритъ: „нѣтъ высокаго, правительственнаго положенія, куда-бы нельзя было подняться изъ низшаго, рабскаго состоянія,—и нѣтъ низменнаго положенія, куда-бы нельзя было низвергнуться изъ самаго высокаго“ *). Далекo идущая измѣнчивость судьбы смѣшиваетъ всякія положенія: судьба всегда вертѣла людьми самовластно, то поднимая ихъ наверхъ, то пригибая книзу.

Такъ кто-же благороденъ? По добрымъ природнымъ свойствамъ расположенный радостно идти къ добродѣтели. Къ этому одному благородству мы должны приникать мыслию; иначе, если будешь ссылаться на старинныя права благородства, я скажу, что нѣтъ ни одного человѣка, который не происходилъ бы отъ той отрасли, раньше которой никто изъ людей не существовалъ. Насъ вывела на свѣтъ непрерывная, съ начала міра вплоть до нашихъ дней, смѣна поколѣній, поочередно то ослѣпившихъ знатностью, то приниженныхъ, какъ грязь. Не возведетъ въ рядъ благородныхъ приемная, увѣщанная закоптѣлыми изображеніями предковъ. Прежніе жили не для нашей славы; и то, что было прежде, не наше. Расположенія души дѣлаютъ благороднымъ; душѣ не отрѣзавы пути стать поверхъ судьбы, въ какомъ-бы положеніи ни былъ человѣкъ.

Итакъ мысли себя не какъ римскаго всадника, а какъ простаго вольцотпущенника; чрезъ это ты будешь имѣть то преимущество, что одинъ будешь свободнымъ среди свободнорожденныхъ. Какъ это? скажешь.—Если будешь дѣлать разграниченіе между добромъ и зломъ не по внушенію ходячихъ мнѣ-

*) Гдѣ Платонъ это говоритъ, толкователи не находятъ возможнымъ указать.

пій. Намъ настоятъ присматриваться не къ тому, откуда идуть эти мнѣнія, а куда онѣ направляются. Если есть нѣчто такое, что можетъ дѣлать жизнь счастливою, то это — благо самобытное, само отъ себя зависящее: ибо искривиться настолько, чтобы сдѣлаться *положительно* зломъ, оно не можетъ. Отчего-же зависитъ это блужданіе, когда всѣ *несомнѣнно* желаютъ счастливой жизни? Оттого, что вспомогательныя орудія для счастливой жизни принимаютъ за нее самую, и въ то время, какъ ищутъ ее, проходятъ мимо, не замѣчая ея. Вѣдь, между тѣмъ какъ верхъ счастливой жизни есть имѣющая твердые корни безпечальность и непоколебимая увѣренность въ обладаніи счастливою жизнію,—они собираютъ поводы для тревогъ, и такимъ образомъ по усѣянному препонами пути жизни не несутъ только тяжести, а съ трудомъ тащатъ ихъ. Вотъ такъ-то они и находятся всегда вдали отъ обладанія тѣмъ, къ чему стремятся; и чѣмъ больше иждиваютъ труда, тѣмъ болѣе запутываются на пути къ счастію, несясь не впередъ, а назадъ. Такъ бываетъ съ людьми, которые спѣшатъ все впередъ по комнатамъ большаго, съ перепутанными ходами, зданія *), *не составивши яснаго представленія о его планѣ*: самая быстростремительность задерживаетъ имъ путь.

*) .Lat. in labyrintho

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Января № 2. 1885 года.

Содержаніе. Опрежденія Святѣйшаго Синода.—Списокъ лицъ Харьковской епархіи, коимъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству преподано благословеніе Св. Синода.—Отчетъ о состояніи Епархіальнаго женскаго училища (окопчаніе).—Епархіальныя извѣщенія.—Вѣдомость о количествѣ свѣчей, собранныхъ монастырями Харьковской епархіи на Харьковскомъ епархіальномъ свѣчпомъ заводѣ.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Опрежденія Святѣйшаго Синода:

1. Отъ 4-го—15-го іюля 1884 года, за № 1415, о книгѣ: „Къ животворящему Гробу Господню“.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Прасителствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальныи мѣ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 5-го мая 1884 года, журналъ Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета, за № 149, съ заключеніемъ препровожденной исполняющимъ обязанности вице-предсѣдателя православнаго Палестинскаго общества книгѣ, подъ названіемъ: „Къ животворящему Гробу Господню“. Изданіе православнаго Палестинскаго общества (С.-Петербургъ, 1884 г.). Учебный Комитетъ полагаетъ: одобрить означенную книгу для пріобрѣтенія въ ученическія бібліотеки духовныхъ училищъ, въ бібліотеки церковныя, а также въ бібліотеки городскихъ и начальныхъ училищъ, о чемъ увѣдомить исполняющаго обязанности вице-предсѣдателя православнаго Палестинскаго общества, равно сообщить ученому комитету министерства народнаго просвѣщенія. Приказамъ: Заключение Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета о вышеозначенной книгѣ утвердить и для объявленія о семъ по духовному вѣдомству сообщить, съ приложеніемъ выписки изъ журнала Учебнаго Комитета, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Списокъ лицъ Харьковской епархіи, коимъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, опредѣленіемъ отъ 3-го—10-го октября 1884 года, за № 2052, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода, съ выдачею установленныхъ грамотъ:

Старостѣ Рождество-Богородичнаго молитвеннаго дома, села Бончужнаго, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянину Василю *Кононенку*; прихожанамъ Успенской церкви слободы Соколова, Зміевскаго уѣзда; старостѣ Митрофаніевской церкви села Демьяновки, Старобѣльскаго уѣзда, купцу Венедикту *Кирѣеву*.

Безъ грамотъ:

Вдовѣ купца Евдокіи *Богатыревой*; старостѣ Успенской церкви слободы Климовки, Сумскаго уѣзда, крестьянину Никитѣ *Тесленку*; крестьянину Никитѣ *Алексѣеву*; дворянкѣ Александрѣ *Куколь-Яснопольской*.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁸³/₈₄ учебный годъ.

(Окончаніе *)

б) По предложенію предсѣдателя Совѣта, опредѣлено, чтобы Совѣтъ, при разсмотрѣніи двухмѣсячныхъ вѣдомостей объ успѣхахъ и поведеніи учащихъся, не входилъ въ изысканіе частныхъ побудительныхъ мѣръ для каждой неуспѣвающей воспитанницы, предоставивъ это дѣло всецѣло начальницѣ училища, а разсуждалъ только о тѣхъ воспитанницахъ, которыя по заявленію начальницы окажутся неисправными и всѣ употребленныя ею мѣры исправленія и вразумленія въ отношеніи къ той или другой воспитанницѣ окажутся недѣйствительными, или на которыхъ обращено будетъ особое вниманіе Совѣта со стороны преподавателей.

б) Гигіеническія условія жизни воспитанницъ въ отчетномъ году нѣсколько улучшены: а) посредствомъ перевода училищной больницы въ отдѣльный корпусъ, чрезъ что не только совершенно изолированы больныя отъ здоровыхъ, но еще сверхъ того получалась возможность, обративши прежнее помѣщеніе больницы въ дортуары, свободнѣе размѣстить живущихъ въ корпусѣ дѣтей и б) посредствомъ устройства, по инициативѣ г-жи Начальницы, особаго крана, назначеннаго для питья воды, вблизи помѣщеній дѣтей—чѣмъ устранена необходимость ходить для этого въ самый нижній этажъ, въ проходной корридоръ, гдѣ господствующіе почти постоянно сквозняки бывали причиною частой простуды воспитанницъ.

*) См. ж. „ВѢРА И РАЗУМЪ“ 1885 г. № 1.

Къ началу текущаго 1884/85 учебнаго года предполагалось сдѣлать еще болѣе здоровыми условія жизни дѣтей чрезъ капитальную перестройку бани и ватерклозетовъ, при чемъ послѣдніе рѣшено перенести изъ нижняго холоднаго корридора въ совершенно теплыя второй и третій этажи, въ которыхъ находятся ученическіе дортуары. Въ настоящее время предположенія эти выполнены.

Выполнено также и другое предположеніе Совѣта.—окончить лѣтомъ 1884 года внутреннюю отдѣлку верхняго этажа въ новомъ больничномъ зданіи и затѣмъ половину этого этажа оставить для больныхъ, а другую, совершенно отдѣлепную отъ первой, назначить для помѣщенія нѣкоторыхъ служащихъ въ училищѣ: двухъ учительницъ рукодѣля, надзирательницы педагогической школы и двухъ учительницъ музыки. Послѣднее можно было сдѣлать совершенно свободно, такъ какъ новое зданіе больницы устроено настолько просторно, чтобы могло быть достаточнымъ и въ случаѣ открытія параллельныхъ отдѣленій во всѣхъ классахъ училища, необходимость которыхъ уже много лѣтъ настоятельно даетъ себя чувствовать въ началѣ каждаго года при пріемѣ дѣтей въ первый классъ. Переимѣстивши нѣкоторыхъ служащихъ въ больничное зданіе, Совѣтъ получилъ возможность еще болѣе расширить дортуары воспитанницъ, назначивши для нихъ и прежнія помѣщенія переведенныхъ служащихъ.

4. Библіотека и физическій кабинетъ.

Въ училищѣ въ отчетномъ году существовало четыре бібліотеки: а) фундаментальная, б) ученическая, в) бібліотека при педагогической школѣ и г) музыкальная бібліотека. Первою большую часть года завѣдывала старшая воспитательница, Е. П. Попова, а съ 24 апрѣля 1884 года воспитательница IV параллельнаго класса М. П. Попова; второю, какъ и всегда, воспитательница VI класса; третьею—надзирательница педагогической школы; а четвертою одна изъ учительницъ музыки.

а) Въ фундаментальной бібліотекѣ къ 1 октября сего 1884 года числится 818 названій въ 2029 томахъ. Изъ этого числа въ отчетномъ году поступило въ бібліотеку 80 названій въ 163 томахъ, изъ которыхъ 38 названій въ 72 томахъ пожертвованы основателемъ этой бібліотеки, И. М. Коробковымъ, 19 названій въ 65 томахъ приобрѣтены на училищный счетъ и 23 названія въ 26 томахъ пожертвованы разными другими лицами.

б) Въ ученической бібліотекѣ къ 1 октября сего 1884 года числится 484 названія въ 1215 томахъ. Изъ этого числа въ отчетномъ году поступило въ бібліотеку 49 названій въ 128 томахъ, именно: 37 названій

въ 112 томахъ приобрѣтены на училищный счетъ, 10 названій въ 14 томахъ пожертвованы И. М. Коробковымъ и 2 названія въ 2 томахъ пожертвованы другими лицами.

в) Въ библіотекѣ при педагогической школѣ къ 1 октября 1884 года состоятъ 163 названія въ 185 томахъ. Приращенія въ отчетномъ году библіотека эта не получала.

г) Музыкальная библіотека заведена съ начала отчетнаго года Начальницею училища. Въ составъ ея входятъ ноты, по которымъ воспитанницы обучаются музыкѣ. Въ настоящее время въ этой библіотекѣ состоятъ музыкальныхъ піесъ 250 названій въ 342 экземплярахъ.

Кромѣ приобрѣтенія книгъ для пополненія фундаментальной и ученической библіотекъ, Совѣтъ училища на 1884 годъ выписалъ слѣдующія періодическія изданія:

А) для чтенія воспитанницамъ:

- аа) „Семейные вечера“.
- бб) „Семья и школа“ (отдѣлъ для семейнаго чтенія).
- вв) „Дѣтское чтеніе“.
- гг) „Дѣтскій отдыхъ“.
- дд) „Игрушечка“.

Б) для чтенія служащимъ въ училищнѣ лицамъ:

- аа) „Церковный Вѣстникъ“ съ „Христіанскимъ чтеніемъ“.
- бб) „Вѣра и Разумъ“.
- вв) „Православное Обзорніе“.
- гг) „Труды Кіевской Духовной Академіи“.
- дд) „Московскія Вѣдомости“.
- ее) „Русскій Вѣстникъ“.

В) для рукодѣлій.

„Новый Русскій базаръ“.

Г) для канцеляріи.

аа) „Харьковскія губернскія вѣдомости“.

Учебниками и учебными пособиями всѣ воспитанницы снабжались отъ училища, безъ особаго взноса на этотъ предметъ отъ своекоштныхъ пансіонерокъ, при чемъ учебники давались каждой воспитанницѣ, а учебныя пособия, смотря по надобности, по одному экземпляру на двухъ и, самое большое, на пять воспитанницъ.

Книги для чтенія воспитанницы старшихъ четырехъ классовъ получали изъ ученической библіотеки отчасти по указаніямъ преподавателей, отчасти

по собственному выбору, подѣ свою личную росписку и отвѣтственность, для воспитанницъ же первыхъ двухъ классовъ брали книги ихъ воспитательницы, которыя въ этихъ классахъ по мѣрѣ возможности устроили общія чтенія для всего класса. Въ теченіе отчетнаго года взято было воспитанницами для чтенія 2971 книга, именно: воспитанницами I-го класса 31 книга, воспитанницами II-го класса 48 книгъ, воспитанницами III-го класса 575 книгъ, воспитанницами IV-го нормального класса 592 книги, воспитанницами IV-го параллельнаго класса 607 книгъ, воспитанницами V-го класса 576 книгъ и воспитанницами VI-го класса 542 книги.

Физическій кабинетъ обладаетъ необходимѣйшими для преподаванія физики приборами, почему въ отчетномъ году не получилъ никакого обращенія. Кабинетомъ завѣдуетъ преподаватель физики, которому для приобрѣтенія различныхъ жидкостей и кислотъ и на мелкія починки Советъ выдаетъ въ годъ на руки 25 р., по 12 р.—50 к. въ полугодіе.

На библіотеку и учебныя пособія по смѣтѣ, утвержденной X Епархіальнымъ Съѣздомъ, бывшимъ въ сентябрѣ 1881 года, ассигновано 1429 руб. 68 коп. въ годъ, именно: а) на учебники и учебныя пособія 913 руб. 68 коп., б) на выписку періодическихъ изданій и книгъ для чтенія 466 руб. и в) на библіотеку при педагогической школѣ 50 р. въ годъ. Музыкальная библіотека пополняется изъ специальныхъ суммъ, поступающихъ въ училище за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ.

5. Средства училища.

По дѣйствующей въ настоящее время смѣтѣ училище на свое содержаніе должно получать 63901 р. 45³/₄ к. Эта общая сумма слагается изъ слѣдующихъ статей:

а) Проценты съ неурикосновеннаго училищнаго капитала	1332 р. 21 ¹ / ₂ к.
б) Доходъ отъ принадлежащей училищу части дома въ г. Харьковѣ	1053 „ 80 „
в) Изъ обще-епархіальныхъ средствъ	35885 „ 36 „
г) Пожертвованія отъ монастырей и церквей епархіи	1200 „ — „
д) Пожертвованія отъ духовенства при полученіи наградъ	696 „ 66 ¹ / ₂ „
е) Изъ кружекъ при чудотворныхъ иконахъ	97 „ 26 ¹ / ₄ „
ж) Паясіонерскій взносъ съ своекоштныхъ воспитанницъ	17700 „ — „
з) За бланки для свидѣтельствъ на награды духовенству	96 „ 73 „
и) Отъ училищной экономіи	88 „ 28 „
і) Отъ кладбища за могильныя мѣста	251 „ 14 ¹ / ₂ „
к) Отъ Епархіальнаго свѣчнаго завода	5500 „ — „

Расходъ по содержанію училища тою же смѣтою опредѣленъ ежегодно въ 63405 „ 76 „

Въ дѣйствительности по 11 смѣтнымъ статьямъ въ 1883 году поступило 66553 „ 7 „

Расхода въ томъ же году по смѣтнымъ статьямъ про-
изведено на сумму 62000 „ 49 „

Примѣчаніе. Въ смѣту не вошли взносы за обученіе дѣтей необязательнымъ предметамъ *), равно какъ и расходы по этой статьѣ, такъ какъ на основаніи примѣчанія къ 80 § Устава Епархіальн., женск. училища распоряженіе этою суммою не подвергается контролю Епархіальныхъ съѣздовъ.

6. Дополнительные свѣдѣнія.

а) Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Амвросій, Епископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ отчетномъ году нѣсколько разъ удостоилъ училище своимъ посѣщеніемъ, именно: 10 ноября лично ознакомилъ съ училищемъ вновь опредѣленнаго почетнаго блюстителя по хозяйственной части въ училищѣ; 4 декабря въ день храмоваго праздника совершилъ Божественную литургію и молебенъ въ училищной церкви, 23 января 1884 года снова посѣтилъ училище вмѣстѣ съ Преосвященнѣйшимъ Никаноромъ, Епископомъ Одесскимъ; наконецъ 4 мая 1884 года присутствовалъ на окончательныхъ испытаніяхъ воспитанницъ VI-го класса по Закону Божию.

За болѣзнію Преосвященнаго Амвросія, литургію и благодарственный молебенъ въ день выпуска воспитанницъ, окончившихъ курсъ, 12 іюня совершилъ Преосвященный Геннадій, Епископъ Сумскій, который затѣмъ присутствовалъ на училищномъ актѣ и раздавалъ всѣмъ окончившимъ курсъ аттестаты и Евангелія, а отличнѣйшимъ воспитанницамъ всѣхъ классовъ присужденныя имъ Совѣтомъ наградныя книги и похвальные листы. Актъ удостоили своимъ присутствіемъ и нѣкоторые другія почетныя лица.

б) Ревизія со стороны членовъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ училище въ отчетномъ году не подвергалось.

в) Пожертвованія на разныя училищныя нужды въ отчетномъ году поступили отъ слѣдующихъ лицъ:

аа) Нѣкоторые изъ монастырей и церквей епархіи по прежнему давали средства на содержаніе въ училищѣ сиротъ. Такъ, на средства Святогорскаго мужскаго монастыря въ отчетномъ году содержалось въ училищѣ 5 сиротъ, на средства Ахтырскаго мужскаго монастыря 2 сироты, на средства Стрѣлченскаго женскаго монастыря 2 сироты и на средства Харьковской кладбищенской Усыпковенской церкви 3 сироты.

*) Французскому языку въ отчетномъ году обучалось 97 воспитанницъ, въ томъ числѣ 45 сиротъ безплатно; музыкѣ обучалось 154 воспитанницы, въ томъ числѣ 36 сиротъ безплатно; рисованію обучалось 24 воспитанницы, въ томъ числѣ 6 сиротъ безплатно. За обученіе французскому языку вносится по 10 р. въ годъ, за обученіе музыкѣ по 25 руб. и за обученіе рисованію по 5 руб. въ годъ съ ученицы.

бб) Его Преосвященство, Преосвященѣйшій Амвросій, Епископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ отчетномъ году содержалъ въ училищѣ на свой счетъ двухъ воспитанницъ-сиротъ. Кромя того Преосвященѣйшій Амвросій пожертвовалъ для раздачи дѣтямъ 50 экземпляровъ своихъ проповѣдей.

вв) Попечительница училища, А. В. Гордѣенко пожертвовала: коверъ въ училищную церковь предъ св. престолъ, 10 руб. на покупку французскихъ книгъ обучающимся этому предмету дѣтямъ, книги для награжденія выпускныхъ воспитанницъ на 16 р. 75 к., 64 аршина ситцу и 30 аршинъ колленкору на платья выпускнымъ воспитанницамъ-сиротамъ и 10 руб. на покупку игръ для выздоравливающихъ воспитанницъ.

гг) Староста Исаакіевскаго Собора въ С.-Петербургѣ, генераль-маіоръ Богдановичъ прислалъ 10 экземпляровъ изображенія Священнаго Коропванія Ихъ Императорскихъ Величествъ Александра III и Маріи Оеодоровны.

дд) Почетный блюститель по хозяйственной части, Н. А. Чикинъ пожертвовалъ: 50 р. за содержаніе въ училищѣ воспитанницы-сироты и 50 руб. на платья для выпускныхъ воспитанницъ-сиротъ.

ее) Основатель училищной библіотеки И. М. Коробковъ на пополненіе ея и въ отчетномъ году пожертвовалъ 48 названій книгъ въ 86 томахъ.

жж) Священникъ Александръ Степурскій пожертвовалъ 2000 р. кредитными билетами на учрежденіе при училищѣ стипендіи пиени умершей его дочери Анны. Деньги эти обращены Совѣтомъ въ процентныя бумаги и составлено положеніе о стипендіи, по которому на проценты съ капитала учреждено двѣ стипендіи, одна полная, а другая половинная. Положеніе о стипендіяхъ священника Степурскаго утверждено Св. Синодомъ, о чемъ я послѣдовалъ указъ его отъ 7 ноября 1883 года за № 3519.

зз) Потомственный почетный гражданинъ М. П. Верховскій пожертвовалъ 300 руб. облигаціямъ восточнаго займа, съ тѣмъ чтобы проценты съ этого капитала выдавались ежегодно бѣднѣйшей сиротѣ при окончаніи ея курса въ училищѣ.

и) Староста училищной церкви Я. И. Щеголевъ пожертвовалъ 26 р. на свѣчи въ церковь и 10 р. на устройство увеселеній для воспитанницъ во время Рождественскихъ праздниковъ.

ii) Члены училищнаго Совѣта пожертвовали 15 р. въ уплату за показываніе воспитанницамъ машины Вайтца, изображающей работы въ рудникѣ, и 46 р. на устройство для воспитанницъ увеселеній во время Рождественскихъ праздниковъ.

Такимъ образомъ въ теченіе отчетнаго года на училищныя нужды, не считая разныхъ вещей, денежныхъ пожертвованій отъ разныхъ лицъ и учреждений поступило 3867 рублей.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ПЪВЪЩЕНІЯ.

Его Преосвященство пзъявляетъ свою благодарность священнику слободы Нижней-Покровки, Старобѣльскаго уѣзда, *Василію Иннокову* за пожертвованіе 100 руб. сер. въ пользу классовъ церковнаго потнаго пѣнія, учрежденныхъ при Харьковскомъ Архіерейскомъ домѣ.

— Утверждены законоучителями народныхъ училищъ по Изюмскому уѣзду: Валыселковскаго—священникъ *Исаакій Литвиновъ*, Селимовскаго *Петръ Юшковъ*, Некременскаго—*Николай Скубачевскій*.

— Протоіерей *Георгій Шиховъ* утвержденъ епархіальнымъ начальствомъ 31 декабря 1884 г. и 12 января 1885 г. въ званіи настоятеля Верхне-Сыроватскаго Успенскаго прихода, Сумскаго уѣзда, а священникъ *Василій Максимовъ* въ званіи помощника настоятеля означеннаго прихода.

— Діакону Николаевской церкви слободы Хухры, Ахтырскаго уѣзда, *Никитъ Краснопольскому* предоставлено, согласно прошенію, 9 января 1885 года священническое мѣсто при Преображенской церкви села Гречаниковки, Ахтырскаго уѣзда.

— Діаконъ Харьковскаго Успенскаго кафедральнаго собора, исполняющій обязанности иподіакона, *Дмитрій Ведринскій* уволенъ по болѣзни за штатъ, а на мѣсто его перемѣщенъ въ должность иподіакона псаломщикъ Свято-Духовской церкви г. Харькова, діаконъ *Иванъ Кудрявцевъ*.

— Псаломщикъ домовою Константино-Еленовской церкви, что при Харьковскомъ Дѣтскомъ приютѣ, *Иванъ Прядкинъ* перемѣщенъ тѣмъ-же званіемъ къ Свято-Духовской церкви г. Харькова, а на мѣсто его перемѣщенъ п. д. псаломщика Рождество-Богородичной церкви слоб. Удѣ, Харьковскаго уѣзда, *Николай Степурскій*.

— Сверхштатный п. д. псаломщика Николаевской церкви села Самошовки, Ахтырскаго уѣзда, *Іоаннъ Хижняковъ* уволенъ 13 января 1885 года за штатъ.

— Псаломщикъ Успенской церкви села Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, діаконъ *Гемевскій* опредѣленъ 19 сего января на священническое мѣсто къ Покровской церкви села Ободовъ, Сумскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Троицкой церкви села Славгородка, Ахтырскаго уѣзда, діаконъ *Іоаннъ Мартиновичъ* опредѣленъ 22 сего января на священническое мѣсто къ Митрофаніевской церкви села Полянаго, Ахтырск. уѣзда.

— Исправляющіе должность псаломщиковъ Рождество-Богородичной церкви села Алексѣевского, Зміевскаго уѣзда, *Григорій Павловскій* и Николаевской церкви слободы Новой Водолаги, Валковскаго уѣзда, *Василій Пересылкинъ*, согласно ихъ прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Покровской церкви села Грипцева, Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ *Тимофѣй Давиденко*; къ Николаевской церкви села Хухры, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ *Трофимъ Семеновъ Гречка*; къ Николаевской церкви слободы Ямполья, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ *Стефанъ Гайворонскій*; къ Успенской церкви слободы Дементѣвки, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ *Стефанъ Буша*; къ Николаевской церкви слободы Тарасовки, Купянскаго уѣзда, крестьянинъ *Григорій Киселевъ*; къ Петро-Павловской церкви слободы Юрьевки мѣщанинъ *Михаилъ Каузовкинъ*; къ Казанско-Богородичной церкви слободы Волчанскихъ хуторовъ, Волчанскаго уѣзда, крестьянинъ *Василій Андрійченко*; къ Николаевской церкви слободы Алексѣвки, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ *Иванъ Перебійносъ* и къ церквамъ Зиѣвскаго уѣзда—Христо-Рождественской церкви села Береки крестьянинъ *Федоръ Остицевъ* и Троицкой церкви села Алексѣвки *Иваній Юдинъ*.

— Награжденъ похвальнымъ листомъ церковный староста Успенской церкви слободы Дементѣвки, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ *Иоакимъ Мареничъ*.

В а н а н т н ы я м ѣ с т а .

- 1) *Священническое* въ слободѣ Боровенькѣ, Старобѣльскаго уѣзда.
- 2) *Діаконское* въ Хорошевскомъ женскомъ монастырѣ.
- 3) *Псаломщицкія*: въ слободѣ Удахъ, Харьковскаго уѣзда, и сел. Славгородкѣ, Ахтырскаго уѣзда.

В Ѣ Д О М О С Т Ъ

О количествѣ свѣчей, забранныхъ монастырями Харьковской епархіи, въ Харьковскомъ епархіальномъ свѣчномъ заводѣ, за 1884 годъ.

- 1) Ахтырскимъ Свято-Троицкимъ мужескимъ общежительнымъ монастыремъ — 41 пуд. 35 1/2. фунт.
- 2) Старо-Харьковскимъ Преображенскимъ Куряжскимъ монастыремъ — 61 п. 34 ф.
- 3) Ряснянскимъ Свято-Димитріевскимъ монастыремъ — 27 п. 35 ф.
- 4) Хорошевскимъ Вознесенскимъ дѣвичьимъ монастыремъ — 7 п. 15 ф.
- 5) Верхо-Харьковскимъ Николаевскимъ дѣвичьямъ монастыремъ — 4 п. Итого 142 п. 39 1/2. ф.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Недостатокъ книгъ для церковныхъ и училищныхъ библіотекъ въ Якутской епархіи.—По поводу либующаго бытъ празднованія 1000-лѣтней годовщины кончины св. Меѳодія.—Пожертвованія въ пользу классовъ потнаго пѣнія, учрежденныхъ при Харьковскомъ архіерейскомъ домѣ.—Заботы правительства о церковно-приходскихъ школахъ.—Отношеніе къ этимъ школамъ народа.—Отношеніе свѣтскаго общества къ женскимъ епархіальнымъ училищамъ.—Женское профессиональное образованіе.—Дѣтскія кппжка.—Примѣръ, достойный подражанія.—О правдивномъ прогрессѣ.—Отчеты православнаго Палестинскаго и православнаго миссіонерскаго общества.—Пожаръ православнаго храма въ Якобштадтѣ.—Успѣхи православія въ прибалтійскомъ краѣ.—Продѣлки ксендзовъ.—Польскія прокламаціи.—Балканскіе славяне.—Годичный актъ въ Харьковскомъ университетѣ.—Ремесленное училище въ Харьковѣ.—Мірскіе дѣтскіе пріюты.—О способѣ отдачи въ арендное содержаніе казенныхъ оброчныхъ статей.—Причины малоуспѣшности крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства.—Общественная запашка.—Государственный роспись доходовъ и расходовъ на 1885 годъ.—Некрологъ.

Преосвященный Іаковъ, епископъ Якутскій, въ представленіи Святѣйшему Синоду, объяснивъ, что въ церквахъ Якутской епархіи за весьма немногими исключеніями, нѣтъ другихъ книгъ кромѣ богослужебныхъ и то нерѣдко на якутскомъ языкѣ и что при содѣйствіи благотворителей и нѣкоторыхъ преосвященныхъ устроятся въ Якутской епархіи церковныя библіотеки, пополняется училищная библіотека и устроится библіотека при вновь открытой духовной семинаріи въ Якутскѣ, просить, между прочимъ, предложить издателямъ духовныхъ журналовъ о пожертвованіи издаваемыхъ ими журналовъ за прежніе годы въ Якутскую семинарію, а духовнымъ академіямъ и семинаріямъ, избыточествующимъ книгами, пожертвовать Якутской семинаріи эти избытки, при чемъ за отдѣленіемъ книгъ учебныхъ въ библіотеку Якутской семинаріи остальные изъ пожертвованныхъ книгъ назидательнаго содержанія будутъ разосланы по приходамъ епархіи, для церковныхъ библіотекъ, съ цѣлію учредить повсюду проповѣдничество церковное и виѣ-богослужебное. Къ сему преосвященный Іаковъ присовокупилъ, что пожертвованныя для сей цѣли книги могутъ быть пересылаемы на имя его, преосвященнаго, чрезъ посредство пермскаго купца Каменскаго (конторы коего находятся во всѣхъ городахъ по сибирскому тракту), изъявившаго готовность безмездно доставлять таковыя послышки до г. Томска на имя городского головы Петра Михайлова, которымъ будутъ препровождены означенныя послышки въ г. Якутскъ. По распоряженію г. оберъ-прокурора Св. Синода, хозяйственное управленіе сообщаетъ о вышеизложенномъ ходатайствѣ преосвященнаго Іакова, епископа Якутскаго, правленіямъ духовныхъ академій и состоящимъ при нихъ редакціямъ, а также правленіямъ духов-

ныхъ семинарій, въ тѣхъ видахъ, не представится-ли возможности изъ имѣющихся въ ихъ распоряженіи свободныхъ экземпляровъ книгъ пожертвовать таковыя для Якутской семинаріи и бѣдныхъ церквей Якутской епархіи, съ отсылкою оныхъ указаннымъ выше или инымъ способомъ, какой будетъ признанъ для сего наиболѣе удобнымъ; при чемъ списки отосланныхъ книгъ сообщать преосвященному Якутскому для надлежащихъ съ его стороны распоряженій и въ хозяйственное управленіе при Св. Синодѣ, для свѣдѣнія.

— Католическій западъ обращаетъ на себя вниманіе нашей печати преимущественно по поводу предстоящаго празднованія тысячелѣтней годовщины кончины св. Меодія.

Въ новой своей статьѣ „Кіевъ или Старый Велеградъ“ газета „Кіевлянинъ“ снова разбираетъ предлагаемый проф. А. С. Будиловичемъ проектъ паломничества въ Велеградъ.

Теперь уже врядъ-ли кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что чествованіе тысячелѣтія смерти св. Меодія есть лишь предлогъ къ демонстраціи противъ Россіи и православнаго славянства. Устроители торжества желаютъ показать, какъ замѣтила одна изъ нашихъ газетъ, полноту славянской жизни у западныхъ славянъ и оскудѣніе ея у русскихъ и другихъ православныхъ славянъ. Другими словами, это попытка превознестъ латинство въ славянствѣ, отвлечь славянъ отъ православной Россіи и увѣнчать задуманное польско-іезуитской партіей дѣло организациі такъ называемаго латинскаго панславизма, который съ теченіемъ времени долженъ поглотить и православное славянство. Исключительно съ этими цѣлями и устраивается торжество, задуманное заблаговременно, систематически подготовляемое въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и своимъ великолѣпіемъ долженствующее поразить славянъ запада. И вотъ мы въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого торжественнаго праздника должны устроить свое торжество, которое по необходимости должно быть болѣе чѣмъ мизернымъ, на которомъ даже богослуженіе будетъ совершено въ шалашѣ. Неужели это не будетъ очевиднымъ подтвержденіемъ той слабости православнаго славянства, для доказательства которой и затѣянъ политическій фарсъ, названный велеградскимъ торжествомъ?

— Изъ Велеграда, гдѣ устраивается „всеславянское“ празднество въ честь св. Кирилла и Меодія, „Свѣтъ“ получилъ слѣдующее извѣстіе:

Съ согласія папы, моравскій митрополитъ приказалъ день новаго 1885 года встрѣтить звономъ во всѣ церковныя колокола всѣхъ городскихъ и сельскихъ церквей. Въ день новаго года, послѣ

объдни, всѣ священники должны произнести слово о наступленіи кирилло-меоодіевскаго года и высказать народу все просвѣтительное для славянскихъ населеній значеніе дѣятельности св. Кирилла и Меоодія.

Трудненько католическимъ патерамъ показать это „просвѣтительное“ значеніе для славянства славянскихъ первоучителей! Говорить о немъ значитъ говорить о „славянскомъ“ переводѣ Св. Писанія, о „славянскомъ“ богослуженіи, о „славянской“ азбукѣ, т. е. о томъ, что нетерпимо въ католичествѣ. Посмотримъ, какъ ухитрились выйти изъ этого затрудненія патеры, при помощи изобрѣтательныхъ на всевозможныя хитрости іезуитовъ,—говорить „Церк. Вѣст.“.

— Священникъ Успенской церкви слободы Нижней Покровки, Старобѣльскаго уѣзда, Василій Инноковъ пожертвовалъ 100 р. с въ пользу классовъ церковнаго нотнаго пѣнія, учрежденныхъ при Харьковскомъ архіерейскомъ домѣ, за что означенному священнику изъявлена архинастырская благодарность. Въ высшей степени интересны и паидательны тѣ побужденія, которыми руководствовався достойный іерей, дѣлая свое посильное пожертвованіе на благо дѣло. „Въ постановкѣ церковно-приходскихъ школъ,—пишетъ отецъ Василій въ своемъ прошеніи о принятіи его жертвы,—кроется залогъ великой будущности Церкви и народа православнаго; учрежденіе-же благомыслиемъ и заботами Вашего Преосвященства классовъ церковнаго нотнаго пѣнія въ духѣ православномъ съ дѣлію введенія таковаго пѣнія въ школахъ и перкви есть одна изъ выдающихся сторонъ желаннаго церковно-приходскаго воспитанія. Церковное пѣніе, чисто православное и правильное, служа выраженіемъ истины церковной, въ то же время служитъ выраженіемъ и красоты ея. А это всего сильнѣе и могучѣе дѣйствуетъ на сердце слушающаго,—и воспитательное значеніе церковнаго пѣнія громадно. Чувствуется христіанскій долгъ и обязанность содѣйствовать къ достиженію истины Христовой учрежденіямъ отъ истины и проч.“. Нельзя не порадоваться такому просвѣщенному взгляду на дѣло образованія и не выразить желанія, чтобы нашлось какъ можно болѣе подражателей о. Василю въ содѣйствіи дѣломъ успѣху образованія въ духѣ православной Церкви.

— Правительство усиленно заботится о поддержаніи и правильной организаціи церковно-приходскихъ школъ. Такъ, по свѣдѣніямъ газеты „Свѣтъ“, „при Св. Синодѣ образуется особый совѣтъ по дѣламъ церковно-приходскихъ школъ. Управлять дѣлами совѣта будетъ одинъ изъ членовъ Св. Синода, пребываю-

щихъ въ Петербургѣ. Совѣтъ явится учрежденіемъ, которое централизуетъ дѣятельность епархіальныхъ совѣтовъ по церковно-приходскимъ школамъ и придастъ устойчивость всему дѣлу церковно-приходскихъ школъ“. Учрежденіе этого совѣта дастъ сильный опорный пунктъ всей системѣ церковно-приходскихъ школъ и онѣ могутъ, при нѣкоторой энергіи призванныхъ на это поприще дѣятелей. смѣло, съ сознаніемъ полной самостоятельности въ святомъ дѣлѣ, трудиться на пользу христіанскаго воспитанія.

— Русскій народъ видимо съ любовію относится къ дарованной ему наконецъ „истинной школѣ“ и съ разныхъ концовъ колучаются благопріятныя извѣстія. Дѣло открытія церковно-приходскихъ школъ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, по сообщенію „Казанскаго Листка“, идетъ довольно усиленно. Въ настоящее время въ первомъ благочиніи открыто четыре школы, въ мѣстностяхъ, которыя наиболѣе нуждаются въ нихъ. Всѣ эти школы открываются на мѣстныя церковныя средства при самой ничтожной субсидіи отъ земства. Открытіе пятой школы въ пригородномъ селѣ Семеновкѣ замедляется.

— Церковно-приходская школа оказывается удобнѣе и сподручнѣе для народа—хоть напр. даже въ отношеніи разстоянія. Жаль, что этого не хотятъ понять сельскіе заправилы и часто стараются искусственно привязать поселянъ къ менѣе удобнымъ для нихъ школамъ. Такъ въ м. Бородянкѣ, Кіевскаго уѣзда, открыто двухклассное министерское училище по приговору крестьянъ всѣхъ окружныхъ приходовъ, отстоящихъ часто на 15—20 верстъ отъ мѣстечка. Теперь оказывается, по письму одного изъ членовъ благочинническаго совѣта, напечатанному въ „Кіевлянинѣ“, что „крестьяне тѣхъ селеній, которыя входятъ въ составъ Бородянской волости, отозвались, что приговоръ объ открытіи двухкласснаго училища они подписали по принужденію старшины и крайне сожалеютъ о томъ. „Намъ не посылать, поясняютъ они, за 12 и 20 верстъ дѣтей своихъ въ Бородянское училище, а давать по 70 к. отъ двора, по приговору, значить закрыть свои церковныя школы, такъ какъ двухъ школъ мы не въ силахъ содержать: но церковныя школы намъ нужнѣе и полезнѣе, такъ какъ онѣ дома“. Отзывъ этотъ и переданъ на усмотрѣніе высшей духовной власти. Дѣйствительно, прибавляетъ авторъ письма, разстояніе много значить. У насъ въ одномъ селѣ приходъ, но растянута на значительное разстояніе, и что же? школа наполнена только дѣтьми ближайшихъ жителей.

— Жепскія епархіальныя училища находятъ живое сочувствіе

въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ, которое, въ своихъ извѣстныхъ сферахъ, предпочитаетъ имъ соответствующіи гражданскія училища. Отрадный примѣръ такого сочувствія представляетъ почтенный докторъ г. Калуги А. П. Бабушкинъ, который учредилъ общество вспомошествованія дѣвицамъ духовнаго званія, обучающимся въ Калужскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. 16 декабря, какъ сообщаютъ „Московскія Вѣдомости“, въ залѣ этого училища было общее собраніе общества, причемъ послѣ благодарственнаго молебствія прочитанъ былъ отчетъ за четвертый годъ существованія общества, обнимающій періодъ времени съ 21 ноября 1883 года по 21 ноября 1884 года. Прежде всего въ отчетѣ говорится, что общество въ настоящемъ отчетномъ году имѣло счастье пріобрѣсти августѣйшаго покровителя въ лицѣ великаго князя Георгія Михайловича. Общество въ своемъ составѣ имѣло членовъ 20 почетныхъ и 71 дѣйствительныхъ, кромѣ соревнователей, къ которымъ принадлежали нѣкоторые причты епархіи. Общество имѣло отъ прежнихъ лѣтъ въ государственныхъ билетахъ и облигаціяхъ восточнаго займа 3,750 руб. Благодаря особой заботливости почетнаго члена-учредителя А. П. Бабушкина, въ пользу общества въ ноябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года отказано по духовному завѣщанію покойнымъ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ А. М. Кожевниковымъ 5,000 руб. Въ настоящее время основной капиталъ общества простирается до 9,000 руб. Въ продолженіе отчетнаго года оказано денежное пособіе 26 воспитанницамъ. Размѣръ пособія простирался отъ 7 до 90 руб., всего роздало 548 руб. 50 коп.; весь же расходъ общества простирается до 573 руб. 55 коп.

— Въ послѣдней книжкѣ „Вѣстника Промышленности“ г. де-Виттъ помѣстилъ статью о женскомъ профессиональномъ образованіи. Несовершенство Россіи, которая въ этомъ отношеніи представляетъ одну изъ отсталыхъ странъ континента, заставляетъ желать весьма многого. Имѣющіяся въ настоящее время спеціальныя заведенія для обученія женскимъ работамъ, каковы: 3 школы при обществѣ поощренія трудолюбія, одна при обществѣ распространенія техническихъ званій и, наконецъ, нѣсколько швейныхъ и вышивальныхъ училищъ отъ патріотическаго челоуколюбиваго и другихъ филантропическихъ обществъ, не представляютъ даже подобія того, что имѣется за границей. По словамъ автора, въ нихъ только дрессируютъ дѣвочекъ на производствѣ работъ, которыя ведутся безъ общаго плана, а въ зависимости отъ поступающихъ заказовъ. Между тѣмъ какъ цѣль правильно организованныхъ жен-

скихъ профессиональныхъ школъ, какія мы встрѣчаемъ за границей, состоитъ въ томъ, чтобы подготовить дѣвушекъ, посредствомъ правильнаго преподаванія и упражненій, къ пониманію, навыку и къ возможной самостоятельности во всѣхъ предстоящихъ имъ женскихъ руководѣліяхъ какъ въ ихъ будущей семейной жизни, такъ равно и внѣ семьи.

Имѣя сносныя общеобразовательныя школы, дающія жепцинѣ общее развитіе, ее лишаютъ между тѣмъ возможности подготовиться къ самостоятельному и производительному труду. Чтобы трудъ былъ производителенъ, и чтобы онъ могъ служить средствомъ къ самостоятельному существованію, онъ долженъ соответствовать извѣстнымъ условіямъ совершенства, извѣстному умѣнью, навыку и знанію, пріобрѣтаемымъ особою подготовкою, которую не можетъ дать общеобразовательная школа. Изъ этого видно, что для законченнаго и цѣлесообразнаго образованія и воспитанія жепцинъ, помимо общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, требуются еще другія, которыя, пополняя первыя, доставляли-бы жепцинамъ спеціальныя знанія и умѣнье, необходимыя ей для того, чтобы съ пользою трудиться для себя и для общества и этимъ путемъ обезпечили-бы ей самостоятельное общественное положеніе. Частная инициатива въ организациі профессиональныхъ школъ за границей, давшая притомъ благопріятные результаты, указываетъ на возможность осуществленія у насъ этого дѣла такимъ-же путемъ, тѣмъ болѣе, что польза и необходимость женскаго профессиональнаго образованія сознаются, повидимому, многими въ обществѣ.

— Къ святкамъ, празднику по преимуществу дѣтей, книгопродавцы-издатели заготавливаютъ обыкновенно цѣлыя кинны дѣтскихъ сказокъ, новѣстей и т. д. Всѣ эти произведенія предназначаются для праздничныхъ подарковъ и для елокъ, снабжаются эффектными картинками и переплетами, и раскупаются какъ нельзя лучше, не смотря на весьма и весьма солидныя цѣны. Что это за литература, можно судить по недавней статьѣ „Петербург. Вѣдомостей“ о дѣтскихъ книжкахъ, появившихся въ прошломъ декабрѣ.

„Что даютъ дѣтямъ въ качествѣ духовной пищи? Прежде всего роскошныя обложки. Опѣ, т. е. обложки, это главное, потому что на нихъ значится издательская фирма. Въ распространеніи имени этой фирмы все дѣло, и отъ того-то видите вы на обложкахъ тисненныя золотомъ пальмы, водопады и т. д. Обложка въ книгѣ дороже всего; богатство ея то-же, что премія при изданіи: оно идетъ въ ущербъ внутреннему содержанію. Второе, что бросается въ гла-

за въ нашихъ дѣтскихъ книжкахъ, это то, что всѣ онѣ не русскія. Мы, такъ сказать, не выходимъ изъ перепѣвовъ на всѣ лады сказокъ братьевъ Гриммовъ, Гауффа, Топелюса, Андерсена. Третье замѣчаніе, не менѣе общее и не менѣе вѣское, это — полная бездарность тѣхъ мелкихъ, а слѣдовательно и дешевыхъ литературныхъ силъ, которыя создаютъ наши дѣтскія книжки. Имъ не можетъ прійти въ голову, что наши русскія сказки, хотя-бы у Кирши Данилова, Рыбникова и другихъ, изобилуютъ богатѣйшими сюжетами“.

— Въ Смоленскомъ духовномъ училищѣ, въ которомъ до настоящаго времени обучающіеся мальчики въ приходской церкви пѣли на клиросахъ и прислуживали въ алтарѣ при богослуженіи, учитель приготовительнаго класса духовнаго училища Д. П. въ сентябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года не только принялъ на себя управленіе хоромъ пѣвчихъ, которые, къ слову сказать, поютъ много лучше другихъ хоровъ, существующихъ при городскихъ церквахъ, но и поставилъ себѣ въ обязанность пріучить мальчиковъ къ чтенію въ церкви; для чего онъ на каждое воскресенье и праздничное богослуженіе назначаетъ читать по очереди мальчиковъ III и IV классовъ. И нужно отдать справедливость, мальчики съ особеннымъ усердіемъ и заботливостію исправляютъ порученныя имъ обязанности. Не говоря о томъ, что они читаютъ лучше и отчетливѣе другихъ указанныхъ клириковъ, нѣкоторые изъ нихъ чтеніемъ своимъ даже превосходятъ воспитанниковъ духовной семинаріи. Однажды мы высказали удивленіе одному изъ маленькихъ чтецовъ, какъ онъ твердо и безошибочно прочелъ шестопсалміе; на это другой товарищъ его пренаивно отвѣтилъ намъ: „какъ-же ему не прочитать хорошо; вѣдь цѣлую недѣлю онъ училъ, готовясь къ чтенію“.— Кромѣ этого, немалымъ побужденіемъ къ правильному чтенію мальчиковъ—какъ мы замѣтили—служитъ и то, что товарищи ихъ наблюдаютъ за каждою маловажною ошибкою чтеца въ удареніи словъ и по окончаніи чтенія безцеремонно высказываютъ ему, сколько разъ онъ ошибся.

Намъ кажется, говоритъ корреспондентъ „Церк. Вѣстн.“, что подобное упражненіе учащихъ въ духовныхъ училищахъ въ чтеніи и пѣніи при богослуженіяхъ, не только пріучаетъ ихъ съ раннихъ лѣтъ прилежно и основательно изучать весь церковный кругъ богослуженій, но—что еще важнѣе—оставитъ по себѣ слѣды на всю ихъ будущность, въ какомъ-бы званіи они ни находились; а въ болѣе зрѣломъ возрастѣ они не забудутъ многихъ изъ св. пѣсней и молитвъ, которыя ими теперь читаются выученныя наизусть.

— Утѣшительныя надежды на лучшее будущее вселяетъ напечатанная въ декабрской книжкѣ „Труд. Кіев. Дух. Ак.“ рѣчь проф. Олесницкаго, произнесенная имъ на актѣ академіи на тему о нравственномъ прогрессѣ.

Авторъ не хочетъ согласиться съ Руссо въ томъ, что нравственность ухудшается по мѣрѣ того, какъ усиливается просвѣщеніе. Что касается нашей современной жизни, то г. Олесницкій считаетъ ошибочнымъ какъ пессимистическое, такъ и оптимистическое воззрѣніе. По его мнѣнію, „въ нашемъ мірѣ столько-же зла, сколько и добра, сколько бѣдствій и страданій, столько-же счастья и радостей, сколько разрушающихъ силъ, столько-же и созидających“. словомъ въ нашемъ внутреннемъ мірѣ господствуетъ полный разладъ противоположныхъ стремленій. То-же самое наблюдается и во внѣшнихъ явленіяхъ жизни: съ одной стороны—въ нравственномъ строѣ нашего общества замѣчается присутствіе эгоистическаго начала, проявляющагося въ отрицательномъ отношеніи къ нравственнымъ началамъ, въ измышленіяхъ социализма, въ самоубійствахъ и т. п., съ другой—заявляетъ себя присутствіе другого, противоположнаго первому начала, обнаруживающагося въ расширеніи власти человѣческаго духа надъ природою, въ стремленіи человечества стать единымъ великимъ обществомъ (совмѣстно раздѣляющимъ радости и страданія), въ признаніи равноправности каждой человѣческой личности—признаніи, проявляющемся въ гуманныхъ международныхъ отношеніяхъ и филантропическихъ учрежденіяхъ, наконецъ—въ широкомъ распространеніи христіанства. На вопросъ, къ чему же въ концѣ концовъ получается у насъ наклонъ—къ нравственности или безнравственности, авторъ отвѣчаетъ указаніемъ на замѣчаемое въ нашемъ обществѣ недовольство собою, на критическое отношеніе къ собственнымъ недостаткамъ, какъ на признакъ имѣющаго наступить нашего нравственнаго возрожденія. Современное состояніе нашего общества естественно предполагаетъ въ немъ исکانіе выхода изъ своего ненормальнаго положенія и можетъ быть названо только временнымъ, а отнюдь не постояннымъ. Недовольство, въ связи съ отсутствіемъ какого-либо надежнаго пункта для успокоенія, не можетъ быть вѣчнымъ въ человѣческой жизни.

— Къ концу прошлаго и началу нынѣшняго года многія изъ учреждений подводили итоги своей дѣятельности и появились ихъ отчеты. Изъ нихъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе отчетъ православнаго Палестинскаго общества. Это общество, состоящее подъ августѣйшимъ покровительствомъ Великаго Князя Сергія

Александровича, оказываетъ неисчислимыя услуги святому дѣлу— поддержанія православія въ святой землѣ и археологическаго изслѣдованія послѣдней, а своими заботами объ удешевленіи проѣзда въ св. землю сдѣлало ее доступной послѣднему бѣдняку (проѣздъ туда отъ Москвы и обратно стоитъ только 46 рублей—въ III кл.). Въ минувшемъ году общество издало нѣсколько важныхъ древнихъ описаній хожденій въ св. землю, само производило научныя раскопки, увѣнчавшіяся блистательнымъ успѣхомъ, и посылало агентовъ для ознакомленія съ положеніемъ православныхъ паломниковъ тамъ. Со времени своего основанія общество имѣло въ приходѣ 202,159 р. 27 к., въ остаткѣ къ 16 октября минувшаго года было 94,569 руб., а неприкосновенный капиталъ составляетъ 81,000 р. Вообще это общество имѣетъ право рассчитывать на глубокую признательность и теплое сочувствіе православнаго русскаго народа. Между прочимъ изъ Іерусалима телеграфируютъ въ „Нов. Время“ отъ 21 декабря, что „патріархъ со Святѣйшимъ Синодомъ принималъ официально представителя православнаго Палестинскаго общества и благословилъ общество на дальнѣйшіе труды въ св. землѣ“.

— Въ концѣ-же минувшаго года изданъ отчетъ православнаго миссіонерскаго общества за 1883 годъ, четырнадцатый его дѣятельности. Почтенное общество имѣетъ передъ собой громадную задачу—внести свѣтъ православія въ среду милліоновъ нашихъ инородцевъ, большинство которыхъ еще сидитъ во тьмѣ и сѣни смертной. Благодаря нашимъ внутреннимъ нуждамъ, внѣшнее миссіонерство у насъ доселѣ не могло занять должнаго ему мѣста въ общественномъ вниманіи и сочувствіи, и потому названному обществу приходится бороться со множествомъ всякаго рода препятствій. Тѣмъ не менѣе наша миссія, подъ высшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы, подъ управленіемъ центрального Московскаго совѣта и во главѣ съ его Высокопреосвященствомъ митрополитомъ Московскимъ, широко раскинула свои вѣтви отъ Волги и Каспійскаго моря до Камчатки и Японіи включительно. Для успѣшнаго дѣйствованія въ такихъ обширныхъ предѣлахъ, миссія имѣетъ нужду въ значительныхъ средствахъ, которыхъ при помощи 32 частныхъ миссіонерскихъ обществъ (въ нихъ считалось 7,598 членовъ) собрано 175,990 руб. 90½ коп. Трудями отечественныхъ нашихъ миссіонеровъ обращено въ православную вѣру в теченіе года около 5,000 человекъ. Важную услугу обществу оказываетъ переводческая коммиссія, существующая при Казанскомъ братствѣ св. Гурія и неустаяно трудящаяся надъ переводомъ свя-

щенныхъ и церковныхъ книгъ для распространенія среди инородцевъ. Въ отчетномъ году ею было издано 72 книги на разныхъ языкахъ.

— Изъ Якобштадта телеграфируютъ, что 17 января, вечеромъ, сгорѣлъ до основанія недавно реставрированный православный храмъ Св. Духа. Огонь распространился съ такой силой, что спасены только четыре иконы, въ томъ числѣ принесенная въ даръ Государынею, а также нѣсколько сосудовъ. Населеніе безъ различія исповѣданій глубоко опечалено. Подозрѣваютъ поджогъ.

— Успѣхи православія въ Прибалтійскомъ краѣ, по словамъ латышской газеты „Тевія“ (Отечество), отъ 2-го января за истекшій годъ, были замѣчательны: на островѣ Даго перешло въ православную Церковь много эстовъ, въ Курляндской губерніи присоединилось къ православію довольно значительное число латышей. Таже газета сообщаетъ, что въ Ригѣ правительство рѣшило приступить къ постройкѣ втораго великолѣпнаго православнаго храма въ самомъ центрѣ города, для православныхъ латышей.

— „Холмско-Варш. Епарх. Вѣст.“ сообщаетъ о продѣлкахъ польскаго духовенства въ Люблинской губерніи. Вотъ, напримѣръ, къ какому мѣрамъ прибѣгаетъ Грабовецкій ксендзъ К.: „онъ, говоритъ „Вѣстникъ“, позволяетъ себѣ крестить дѣтей православныхъ крестьянъ и даже записывать ихъ въ метрическія книги, но для сокрытія слѣдовъ преступленія записываетъ дѣтей православныхъ родителей на имя другихъ родителей католическаго (т. е. польскаго) исповѣданія. Къ несчастію ксендза, гминное управленіе при годичныхъ именныхъ спискахъ родившихся замѣтило, что у однихъ и тѣхъ-же родителей второе дитя родилось послѣ перваго спустя три мѣсяца, что и подало поводъ къ наведенію справокъ и уличенію ксендза. Конечно, это удалось открыть только благодаря тому обстоятельству, что, по настоянію православнаго настоятеля Грабовецкой церкви, въ Грабовецкое гминное управленіе назначенъ честный православный писарь, а будь тамъ писаремъ полякъ, преступленіе ксендза было-бы сокрыто. Ксендзамъ въ свою очередь помогаютъ помѣщики и въ особенности помѣщицы и гминные писаря“. Гминные писаря среди бывшихъ униатовъ представляютъ дѣйствительную язву населенія. По словамъ „Вѣстника“, тамъ не мало писарей, которые были въ Сибири за участіе въ мятежѣ 1863 года. Почему-же уѣздная русская администрація терпитъ это зло? Въ обществѣ объясняютъ это взяточничествомъ. Говорятъ, что каждое мѣсто писаря даетъ уѣздной администраціи довольно значительный годичный доходъ (смотря по доходности мѣста), который до-

стигаетъ и 800 руб., почему и писарямъ предоставляется свобода дѣйствія, доходящая до того, что, на примѣръ, въ с. Т., Т... уѣзда, на приказаніе уѣзднаго начальника гминному писарю подать въ отставку, писарь отвѣтилъ, что начальникъ уѣзда прежде лишится мѣста начальника уѣзда, чѣмъ онъ—писарь—мѣста гминнаго писаря". Помѣщики и помѣщицы также помогаютъ ополяченію населенія. „Вотъ фактъ подобной дѣятельности. Въ селѣ Вербковицѣ, Грубешевскаго уѣзда, еще до настоящаго времени нѣкоторые крестьяне отказываются исполнять требы въ православной церкви и какъ удалось открыть мѣстному настоятелю, главною подстрекательницей къ упорству служитъ мѣстная помѣщица, которая устраиваетъ какія-то общественныя молитвы въ своемъ дворцѣ, и кто только изъ православныхъ попадетъ къ ней на службу (особенно въ горничныя), непременно отказывается отъ православной Церкви.

До сихъ поръ помѣщицы и помѣщики, говоритъ „Вѣстникъ“, дѣйствовали секретно, но въ послѣднее время „работаютъ“ не скрываясь. Кого-же имъ бояться?

— По словамъ той-же газеты, между бывшими униатами распространяются польскія прокламаціи. Одна изъ такихъ прокламацій доставлена въ редакцію этой газеты. Она носитъ заголовокъ: *St s unitow polskich*. Прокламація эта написана противъ православной вѣры и русскаго правительства, которое поносится въ ней, начиная съ императора Петра Великаго. Содержаніе ея наполнено описаніемъ измышленныхъ гоненій на поляковъ и униатовъ, въ концѣ-же находится обращеніе ко всѣмъ христіанамъ Европы, чтобы пошли поратовать, но неизвѣстно кого, униатовъ-ли, или поляковъ, потому что только начата прокламація отъ имени униатовъ, а чрезъ пять шесть строкъ ея содержаніе показываетъ, что она написана отъ имени поляковъ и въ ней, кромѣ мнимыхъ гоненій, изложены всѣ мыльные пузыри безумныхъ польскихъ головъ. Въ концѣ-же прокламаціи написано такъ: *dan w Warszawie 18 maja 1883...* Изъ этой подписи можно заключить, что въ Варшавѣ существуетъ революціонный комитетъ или революціонный кружокъ безумныхъ польскихъ головъ, которые не отрезвились еще послѣ 1864 года и вновь начали заниматься изданіемъ и распространеніемъ возмутительныхъ польско-революціонныхъ прокламацій, на этотъ разъ уже между бывшими униатами.

— Возмутительныя отношенія магометанъ къ христіанамъ въ Македоніи вызвали въ этой странѣ агитацію, папоминающую собою волненіе, охватившее Боснію и Герцеговину наканунѣ открытаго

возстанія 1878 года. Отовсюду слышатся жалобы на притѣсненія турокъ, во всѣхъ большихъ городахъ собираются деньги въ пользу болгаръ. Правительство Восточной Румелии сочувственно относится къ этому движенію. Слухи о волненіяхъ въ Македоніи распространились быстро и, на этотъ разъ, представители Россіи, Австріи и Англии при Портѣ отправили туда спеціальныхъ комиссаровъ для того, чтобы ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ и произвести слѣдствіе о неистовствахъ, совершаемыхъ турками въ этой провинціи надъ болгарами. Порта оправдывается тѣмъ, что будто-бы въ странѣ, въ настоящее время, наплывъ австрійскихъ и греческихъ эмиссаровъ, тайно распространяющихъ возмущеніе, но этому указанію никто не придаетъ значенія. Всѣ отлично понимаютъ, что разбойничество свирѣпствуетъ во всей провинціи благодаря только отсутствію такой власти, симпатіи которой клонились бы въ пользу справедливости и порядка. Козлами отпущенія во всемъ этомъ дѣлѣ являются безъ сомнѣнія православные болгары, католики-же тщательно оберегаются австрійскимъ правительствомъ, дѣятельно работающимъ въ свою пользу на Балканскомъ полуостровѣ. Помимо давленія со стороны турокъ православные христіане претерпѣваютъ еще и нравственное давленіе отъ католической пропаганды. Мы говорили объ этомъ много разъ, но бывають вопросы, о которыхъ и окончательнаго слова сказать нельзя, а новые факты воиють и требуютъ отзыва. Католическая пропаганда не пренебрегаетъ никакими средствами для того, чтобы достигнуть своей цѣли. Такъ напримѣръ, іезуиты всевозможными средствами — обѣщаніями, угрозами и подкупомъ собрали большіе сотни бѣдныхъ мальчиковъ и дѣвушекъ и помѣстили ихъ въ одной школѣ католическаго монастыря въ г. Загребѣ, гдѣ готовятъ ихъ въ прісновѣдники католической религіи среди ихъ соплеменниковъ.

Корреспонденты ежедневныхъ газетъ сообщаютъ возмутительные факты интригъ и насилія. Мы-бы не приводили единичныхъ случаевъ, если-бы они не носили окраски общихъ дѣйствій іезуитскихъ распорядковъ. Въ Далмаціи произошелъ такой случай. Одинъ православный сербъ изъ мѣстечка Глины отдалъ свою 12-лѣтнюю дочь въ женское отдѣленіе католической школы. Завѣдывающія школой, ревностныя католички, тотчасъ-же постарались воздѣйствовать на ребенка и подорвать въ немъ уваженіе къ православному отцу, какъ къ схизматику. Не довольствуясь увѣщаніями, учительницы прибѣгли къ наисильнѣйшему средству: дѣвочкѣ стала являться женщина въ бѣлой одеждѣ, именовавшая себя „Божіею Матерью“! По-

слѣдній доводъ подѣйствовалъ на ребенка. Дѣвочка написала отцу о чудѣ, совершившемся съ нею. Тотъ не повѣрилъ и старался письмомъ образумить ее. Письмо это было перехвачено завѣдывающими школой, при чемъ властямъ въ Загребѣ было заявлено о желаніи дѣвочки перейти въ лоно католической церкви. Загребскія власти сдѣлали запросъ въ Глину, нѣтъ-ли препятствія для перехода такой-то изъ православія въ католичество. Отвѣтъ послѣдовалъ въ томъ смыслѣ, что со стороны отца препятствій не имѣется. Узнавъ объ этомъ, отецъ былъ пораженъ. Вотъ другой фактъ: минувшею осенью Которскій епископъ Герасимъ посѣтилъ мѣстечко Гербань, съ цѣлю возобновить православное служеніе въ монастырѣ „Листва“, только что отстроенномъ послѣ опустошенія и разоренія его австрійскими войсками. Епископа Герасима сопровождали многіе православные жители г. Котора, и между ними былъ уважаемый всѣми окрестными православными жителями купецъ Михаилъ Субботичъ. Послѣ литургіи Субботичъ вздумалъ отправиться въ г. Будву. На него напала австрійская военная стража и съ криками: схизматикъ! избила его до полусмерти. Къ счастью, появившіеся на дорогѣ рабочіе дали знать о происшествіи жителямъ Будвы. Сбѣжался народъ и вступился за Субботича, отнявъ полуживаго отъ блюстителей порядка. Кончилось дѣло тѣмъ, что избитаго Субботича съ мѣста побоища привезли обратно въ г. Которъ. Немедленно явилась военно-судебная власть, сняла съ него допросъ о томъ, какъ было все дѣло, и обѣщала пригласить солдатъ, расположенныхъ въ Будвѣ, въ Которъ, для того, чтобы бѣдный Субботичъ могъ узнать виновныхъ; но ничего этого не было сдѣлано. Все православное населеніе Баки-Которской открыто заявляетъ свое неудовольствіе по поводу этого событія, а бѣдный Субботичъ едва лишь начинаетъ оправляться отъ полученныхъ тяжелыхъ побоевъ. Такова австро-венгерская правда!

— 17 января, Харьковскій Императорскій университетъ праздновалъ восьмидесятую годовщину своего основанія.

Къ часу дня Торжественный залъ университета переполнился публикой. По прибытіи Преосвященнѣйшаго Амвросія, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, г. командующаго войсками Харьковскаго военнаго округа генералъ-адъютанта Ф. Ф. Радецкаго, г. и. д. начальника губерніи В. О. Сосновскаго, многихъ представителей административныхъ, сословныхъ и общественныхъ учрежденій, — начался актъ, продолжавшійся до четвертаго часа.

Первымъ произнесъ рѣчь профессоръ финансоваго права М. А. Алексѣенко — „О подходномъ налогѣ“.

Затѣмъ профессоръ А. П. Шимковъ прочелъ отчетъ о дѣятельности университета за истекшій годъ.

Составъ преподавателей былъ слѣдующій: профессоровъ—49, доцентовъ—20, прозекторовъ—2, приватъ-доцентовъ—7 и лекторовъ—2. Въ отчетномъ году, разумѣется, самымъ важнымъ моментомъ въ жизни университета—введеніе новаго университетскаго устава; по этому уставу штатъ преподавателей опредѣляется: 72 профессора, въ томъ числѣ 49 ординарныхъ, и 6 прозекторовъ.

Съ 1863 года, когда было 47 профессоровъ, число ихъ возросло на 33,—почти на 70%.

Всѣхъ слушателей въ университетѣ состояло 1372, въ томъ числѣ студентовъ 1227, постороннихъ слушателей 113 и аптекарскихъ помощниковъ 32; студенты распредѣлялись по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ—93, на физико-математическомъ—192, юридическомъ—263 и на медицинскомъ—679. Въ теченіи года прибыло 82. Общее число слушателей распредѣлялось такъ: медиковъ—766, остальныхъ—606.

Окончило университетъ 99 чел.; на историко-филологическомъ факультетѣ 16 со степенью кандидата и 1 со степенью дѣйствительнаго студента; на физико-математическомъ—20 со степенью кандидата, 2—дѣйствительнаго студента; на юридическомъ—12—кандидата и 4—дѣйствительнаго студента; на медицинскомъ—44 со званіемъ лѣкаря, изъ нихъ 14—съ отличіемъ.

На содержаніе университета израсходовано 324,355 рублей. Стипендій и пособій какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ выдано на 49,146 рублей; общество вспоможенія студентамъ выдало пособій на 5641 рубль. Студентовъ было освобождено отъ платы за право слушанія лекцій 606—на 24,240 рублей.

Небезынтересны данныя относительно университетской бібліотеки. Къ 1 января текущаго года въ бібліотекѣ находилось 53,858 названій—110,679 томовъ; журналовъ и газетъ получалось 78—русскихъ, 243—иностранныхъ.

Въ студенческой бібліотекѣ находится болѣе 3700 названій—около 4500 томовъ.

Въ теченіи прошлаго года крупныя приращенія, такъ сказать, въ ученыхъ учрежденіяхъ университета были сдѣланы слѣдующія: переустроена астрономическая обсерваторія, на что изъ средствъ университета было затрачено 7000 рублей, 4000 рублей было затрачено на устройство меридіональнаго круга. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить крупное пожертвованіе, сдѣланное г. Эдельбергомъ: онъ

пожертвовалъ университету 6000 рублей. Помимо этого, на спеціальныя средства университета устроены микроскопическій институтъ, лабораторія сравнительной физиологіи и морской аквариумъ.

Актъ закончился раздачей медалей, присужденныхъ за студенческія сочиненія. На историко-филологическомъ факультетѣ присуждена одному студенту золотая медаль; по физико-математическому выдано 2 золотыхъ медали, по юридическому—3 золотыхъ, 3 серебрянныхъ медали, премія Заруднаго и почетный отзывъ, по медицинскому—6 золотыхъ и 1 серебрянная медаль. („Хар. Вѣд.“).

— Попечительный совѣтъ Харьковскаго ремесленнаго училища рѣшилъ открыть это учебное заведеніе въ августѣ нынѣшняго года, хотя бы на первое время въ наемномъ домѣ. Средства для этого, какъ извѣстно, уже накоплены думою въ размѣрѣ свыше 102 тысячъ рублей. Уставъ училища утвержденъ и надняхъ напечатанъ особою брошюрою, въ которую вошли и тѣ поправки противъ проекта устава, какія призналъ нужнымъ сдѣлать г. попечитель учебнаго округа. Въ виду скорого открытія училища, знакомимъ читателей съ главными его основаніями. Цѣль училища: а) правильное и основательное обученіе различнаго рода ремесламъ и б) ознакомленіе, посредствомъ общаго элементарнаго технического образованія, съ главными научными свѣдѣніями, относящимися до изучаемаго ремесла.

Въ училищѣ преподаются: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, геометрія, физика, механика, технологія, въ примѣненіи къ изучаемымъ ремесламъ, черченіе, рисованіе, лѣпка (для рѣзчиковъ), пѣніе, счетоводство. Общеобразовательные предметы (Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика) преподаются въ объемѣ курса двухклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. При училищѣ состоятъ мастерскія для обученія ремесламъ. Первоначально открываются мастерскія по ремесламъ: кузнечному, слесарному и столярному съ его подраздѣленіями (собственно столярное, мебельное, токарное рѣзное, модельное). По мѣрѣ развитія средствъ училища могутъ быть открываемы и другія мастерскія по поставленію попечительнаго совѣта, утвержденному думой. Курсъ ученія, смотря по роду ремесла, продолжается отъ двухъ до четырехъ лѣтъ. Окончившіе этотъ курсъ и получившіе званіе подмастерьевъ опредѣляются, по ихъ желанію, попечительнымъ совѣтомъ училища еще на два года въ правильно устроенныя мастерскія, или на заводы какъ въ Харьковѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ для усовершенствованія въ изученномъ мастерствѣ.

За обученіе вносится опредѣленная плата въ сроки, устанавливаемые попечительнымъ совѣтомъ. Размѣръ платы утверждается городской думою по представленію попечительнаго совѣта, которому предоставляется, смотря по состоянію ученика, уменьшать размѣръ платы и даже совершенно освобождать отъ взноса. Въ училище принимаются мальчики, преимущественно изъ жителей города Харькова, всѣхъ сословій, не моложе 13 и не старше 15 лѣтъ, умѣющіе созвательно читать, писать безъ особенно грубыхъ ошибокъ и знающіе 4 ариметическія дѣйствія. Приемъ учащихся производится одинъ разъ въ годъ, съ 1-го по 15-е августа.

Средства училища состоятъ изъ: 1) десяти тысячъ рублей, ежегодно отпускаемыхъ городомъ на содержаніе училища, согласно постановленію городской думы 8-го февраля 1880 г., 2) платы за ученіе, 3) выручки отъ продажи ученическихъ издѣлій и 4) пожертвованій и проч.

— Обыкновенно въ лѣтнюю страдную пору, когда начинаются деревенскіе пожары, въ газетахъ появляются цѣлые трактаты о предотвращеніи этого зла; обыкновенно указывается при этомъ, что большинство случаевъ пожаровъ происходитъ отъ неосторожнаго обращенія дѣтей съ огнемъ, оставленныхъ родными дома на произволъ судьбы, для предотвращения чего и рекомендуются мірскіе дѣтскіе пріюты. Впрочемъ, „Русск. Кур.“ подіялъ этотъ вопросъ, хотя и не по сезону, въ послѣднемъ, полученномъ нами № этой газеты. Въ статьѣ трактуются не только о призрѣніи крестьянскихъ дѣтей, но и о призрѣніи дѣтей городскихъ рабочихъ и фабричныхъ. „Обращаясь къ дѣтямъ городскихъ рабочихъ и фабричныхъ, мы находимъ ихъ въ еще болѣе несчастномъ положеніи, такъ какъ они лишены того, что имѣютъ деревенскія—чистаго воздуха. Въ данномъ случаѣ устройство ясель при фабрикахъ въ городахъ съ развитымъ фабричнымъ населеніемъ представляетъ то удобство, что не отнимаетъ у дѣтей ихъ природныхъ кормилицъ-матерей, которыя въ работіи смѣны или въ отдѣльные перерывы могутъ павѣщать своихъ дѣтей. Къ обязательному для фабрикантовъ устройству при фабрикахъ школъ, свободно можно присоединить устройство пріютовъ для дѣтей. Въ данномъ случаѣ пріюты эти должны носить характеръ уже постоянныхъ, такъ какъ пока будутъ существовать спальныя помѣщенія для фабричныхъ работниковъ, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ на большинствѣ фабрикъ теперь, до тѣхъ поръ пребывавшіе дѣтей вмѣстѣ съ родителями будетъ дѣйствовать разрушительно физически и нравственно“.

Газета находитъ, что въ дѣлѣ призрѣнія малолѣтнихъ дѣтей городскихъ рабочихъ важную помощь можетъ оказать частная благотворительность. „Такъ, д-ръ Бензенгеръ въ своей статьѣ: „Общественное призрѣніе въ Парижѣ“ приводитъ примѣръ нѣкоей г-жи Маркъ, жены одного изъ таможенныхъ надсмотрщиковъ, которая брала къ себѣ въ свой домикъ, на берегу моря, на излеченіе золотушныхъ дѣтей изъ окрестныхъ городовъ и селеній. Дѣло шло въ ея рукахъ отлично, дѣти видимо поправлялись, росли и крѣпли; росла и крѣпла соотвѣтственно этому и репутація этой умной женщины. Изъ этого маленькаго зародыша призрѣнія болѣзненныхъ дѣтей возникло теперь цѣлое учрежденіе, гдѣ въ 1883 г. находилось 87 дѣтей. Здѣсь-же, на берегу Ламанша, администрація общественаго призрѣнія г. Парижа задумала устроить въ этомъ прекрасномъ, въ климатическомъ отношеніи, мѣстѣ нѣчто въ родѣ больничнаго зданія, куда могли-бы быть помѣщены худосочныя, золотушныя дѣти; тутъ-же устроена и классная“.

Пожелаемъ, чтобы наше русское общество, такъ часто томящееся въ бездѣйствіи, обратило вниманіе на этотъ живительный источникъ внесенія здоровыхъ сѣмянъ въ свою среду.

— На страницахъ „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ много говорилось о неудобствѣ для крестьянъ тѣхъ способовъ отдачи въ арендное содержаніе казенныхъ оброчныхъ статей, которые практиковались до сихъ поръ. Было говорено, между прочимъ, о томъ, что во-первыхъ свѣдѣнія о торгахъ не доходятъ до крестьянъ своевременно, вслѣдствіе чего они лишаются возможности присутствовать на торгахъ, и что во-вторыхъ, иногда неожиданныя извѣстія, или неясныя слухи о тѣхъ-же торгахъ застаютъ крестьянъ въ расплохъ, не приготовленныхъ въ денежномъ отношеніи къ внесенію залога. А то и другое давало полный произволъ кулакамъ являться на торги и благодаря отсутствію конкурентовъ забирать въ свои руки, по дешевой цѣнѣ, любую казенную оброчную статью. Крестьянамъ-же приходилось брать въ аренду необходимыя для нихъ угодья изъ вторыхъ, а иногда и третьихъ рукъ и по произвольно повышенной цѣнѣ. Министръ государственныхъ имуществъ въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ изыскивалъ многія мѣры для устраненія препятствій и облегченія крестьянамъ способовъ къ арендованію земель прямо съ торговъ, давалъ циркуляры, дѣлалъ распоряженія мѣстнымъ властямъ, посылалъ подтвержденія объ исполненіи своихъ распоряженій, а дѣло все оставалось въ прежнемъ его видѣ. Одно изъ наиболѣе симпатичныхъ его распо-

ряженій было относительно распространенія свѣдѣній о торгахъ среди крестьянъ, причемъ къ содѣйствию въ этомъ дѣлѣ приглашались и общества. Но и это распоряженіе не достигло цѣли. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ министръ государственныхъ имуществъ, проектируя мѣры къ увеличенію доходности казенныхъ имуществъ, выразилъ, что относительно аренды крестьянами казенныхъ земель и имуществъ имъ будутъ изысканы особыя мѣры. Мы, слѣдившіе за дѣйствіями министерства государственныхъ имуществъ въ этомъ отношеніи, ждали новыхъ мѣръ съ понятнымъ интересомъ. Опубликованіе ихъ послѣдовало 4-го января 1885 г. Вотъ эти мѣры, радикально измѣняющія существовавшій до сихъ поръ порядокъ крестьянской аренды. Приводимъ полный текстъ:

„Отъ 11-го октября 1884 года, министръ государственныхъ имуществъ входилъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ объ установленіи правилъ отдачи крестьянскимъ обществамъ въ аренду казенныхъ земель безъ торговъ.

Комитетъ полагалъ:

Установить въ видѣ временной мѣры слѣдующія правила отдачи крестьянскимъ обществамъ въ аренду безъ торговъ казенныхъ земель: 1) Министру государственныхъ имуществъ предоставляется въ мѣстностяхъ, гдѣ это по состоянію свободныхъ казенныхъ земель имъ признано будетъ возможнымъ, отдавать, по ходатайству губернаторовъ и по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ аренду безъ торговъ, на срокъ до двѣнадцати лѣтъ, обществамъ крестьянъ всѣхъ наименованій казенныя земли, смежныя съ землями сихъ обществъ, или вообще отстоящія отъ ихъ селеній не далѣе двадцати верстъ. 2) Ходатайства объ отдачѣ казенныхъ земель крестьянскимъ обществамъ безъ торговъ представляются министру государственныхъ имуществъ губернаторами, съ подробными свѣдѣніями мѣстныхъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій о нуждахъ крестьянскихъ обществъ въ арендованіи казенныхъ земель и о мѣстныхъ наемныхъ цѣнахъ на земли частныхъ владѣльцевъ и съ заключеніемъ управленія государственными имуществами о томъ, на какой срокъ и за какую цѣну могутъ быть отданы крестьянамъ тѣ земли. 3) Арендная плата за отдаваемые крестьянскимъ обществамъ казенныя земли опредѣляется министромъ государственныхъ имуществъ, по соображеніи съ прежде получавшимся отъ нихъ доходомъ и съ мѣстными наемными цѣнами на казенныя и частныя земли. 4) Въ обезпеченіе исправнаго содержанія отдаваемыхъ обществамъ земель принимаются отъ

нихъ, взаимныя установленныя залоговъ, мірскіе приговоры, составленные порядкомъ, указаннымъ въ пп. 3 и 4 ст. 24-й т. VIII ч. I, уст. о каз. оброчн. стат. 5) Снятыя на семь основаніи земли не могутъ быть переуступаемы крестьянскими обществами постороннимъ лицамъ и должны состоять въ пользованіи всего общества, а не нѣкоторыхъ только членовъ его“.

Государь Императоръ, 9-го ноября 1884 года, положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

— Нѣкто г. Посашевъ указываетъ въ „Моск. Вѣдом.“ на нѣкоторыя существенныя причины малоуспѣшности крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства. Авторъ, какъ видно, человекъ хорошо знакомый, по непосредственнымъ наблюденіямъ, съ даннымъ вопросомъ и указанія его вполне основательны. Онъ указываетъ на двѣ причины дурнаго состоянія хозяйства нашего хлѣбопашца. Причины эти, впрочемъ, не общія, а мѣстныя. Во-первыхъ, „скупивается въ одномъ поселкѣ по 2—3 и болѣе тысячъ душъ, причемъ пахатныя поля находятся въ 10—15 верстахъ отъ усадьбы; поэтому каждому домохозяину приходится чрезъ это терять весьма много времени на переѣзды для производства работъ, а у насъ безъ того непродолжительное лѣто; а во-вторыхъ, частый передѣлъ земли по душамъ отнимаетъ у всякаго охоту заниматься своимъ надѣломъ серьезно, ибо при такомъ положеніи не представляется расчета ни удобрять землю, ни примѣнять къ ней хорошую обработку, изъ опасенія, что унавоженные и ухоженные десятины отойдутъ при раздѣлѣ въ пользованіе другаго лица или даже нѣсколькихъ. Главный корень зла заключается исключительно въ этихъ двухъ условіяхъ, а поэтому первою заботой правительства и земствъ должно быть уничтоженіе означенныхъ причинъ, для возстановленія плодородія земли и хорошей ея обработки. Для этого авторъ рекомендуетъ довольно сильную мѣру — именно: расселеніе, въ увѣренности, что, при расселеніи по 200—300 душъ крестьянъ въ одномъ поселкѣ и отмежеваніи имъ ближайшихъ земель къ этимъ усадьбамъ, увеличится періодъ рабочаго времени для нихъ. Далѣе авторъ проектируетъ рядъ другихъ практическихъ мѣръ. Удобреніе—сила, при которой не только удваиваются или утраиваются урожаи, но и требуется почти настолько-же меньше труда. Своевременная и тщательная обработка составляетъ краеугольный камень земледѣлія. Сообщение въ свое время статистическихъ данныхъ о видахъ на урожай въ той или другой мѣстности по волостямъ избавитъ нашихъ крестьянъ отъ тѣхъ расходовъ, которые

имъ приходится зачастую нести при розыскѣ заработковъ на 500—700 верстномъ разстояніи, кончавшихся нерѣдко полною неудачей. Созданіе новыхъ промысловъ, въ видѣ-ли развитія кустарной промышленности, или сельско-хозяйственныхъ техническихъ производствъ во владѣльческихъ хозяйствахъ, или разработки залежей торфа, каменнаго угля и т. п., окажетъ несомнѣнно большую услугу нашимъ крестьянамъ.

— Изъ села Чистовки, Самарскаго уѣзда, священникъ А. Трехсвятскій пишетъ въ редакцію „Сельскаго Вѣстника“: „Нашъ приходскій храмъ не богатъ деньгами, а между тѣмъ требуетъ ежегодно разныхъ исправленій. Сборы на удовлетвореніе церковныхъ нуждъ производятся у насъ обыкновенно несовсѣмъ исправно, и мнѣ пришло на мысль проѣхать по приходскимъ деревнямъ вмѣстѣ съ волостнымъ старшиной Поливановымъ и писаремъ Абламоновымъ и, при ихъ содѣйствіи, предложить обществамъ произвести на покрытие церковныхъ расходовъ общественныя запашки. Предложеніе безотговорочно было принято всѣми восемью обществами и даны приговоры, по которымъ весной 1885 года должно быть засеяно яроваго хлѣба всего 11 съ четвертью десятинъ хозяйственной мѣры. Такимъ образомъ, общественная запашка удовлетворитъ наши церковныя нужды, освободитъ крестьянъ отъ докучи по сбору разложенныхъ по душамъ денегъ и отвлечетъ ихъ на нѣкоторые праздничные дни отъ препровожденія времени за виномъ. На храмъ Божій не будетъ грѣхомъ и въ праздничный день послѣ обѣда поработать, и всѣ работы по общественнымъ запашкамъ на этотъ предметъ могутъ быть произведены именно въ такіе дни. Надо надѣяться, что послѣ перваго опыта общественной запашки, послѣ удачной уборки хлѣба, это дѣло можетъ укрѣпиться и на слѣдующіе годы, что послужитъ хорошимъ примѣромъ и поощреніемъ для введенія такихъ-же запашекъ и на общественное продовольствіе“.

— Изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1885 годъ видно, что сравнительно съ государственною росписью на 1884 годъ общая сумма обыкновенныхъ доходовъ на 1885 годъ представляетъ увеличеніе на 66.775,440 руб. Обыкновенные расходы также увеличены на 62.931,928 руб. Расходы уменьшены только по министерству финансовъ на 1.090,986 руб. и по вѣдомству Св. Синода на 45,412 руб.

Дефицитъ составляетъ 7.760,341 руб., или около 1% итога ожидаемыхъ обыкновенныхъ доходовъ. Хотя этотъ процентъ не-

великъ, но не слѣдуетъ терять изъ виду, что полученный при сводѣ росписи результатъ достигнуть лишь установленіемъ дополнительныхъ сборовъ: процентнаго съ акціонерныхъ обществъ и раскладочнаго съ крупныхъ торговыхъ и фабричныхъ предпріятій, а также возвышеніемъ пошлинъ по пяти статьямъ таможеннаго тарифа. Возвышеніе налоговъ министръ финансовъ полагаетъ необходимымъ въ виду постоянныхъ нуждъ государственнаго казначейства, ибо покрытіе обыкновенныхъ расходовъ посредствомъ займовъ причинило-бы гораздо болѣе вреда. За симъ неустраненный новыми налогами дефицитъ въ 7.760.341 рублей въ 1885 году покрывается чрезвычайнымъ ресурсомъ, доставляемымъ казначейству средствами по выкупной операціи въ размѣрѣ свыше 9.000,000 руб. Но это источникъ временный и случайный, а потому необходимо принять мѣры къ устраненію дефицита въ будущемъ. По мнѣнію министра финансовъ, эти мѣры должны состоять не только въ привлеченіи къ платежу налоговъ тѣхъ доходовъ, которые вовсе не обложены податями, но и въ установленіи болѣе строгаго надзора за исправнымъ поступленіемъ податей. Въ сихъ видахъ внесено уже представленіе въ государственный совѣтъ объ учрежденіи податныхъ инспекторовъ, на которыхъ предполагается возложить наблюденіе за правильнымъ исчисленіемъ и взиманіемъ нѣкоторыхъ сборовъ, а сверхъ того изготавливаются проекты объ усиленіи таможенной стражи и объ установленіи постоянного акцизнаго надзора за винокурениемъ на мѣстахъ производства. Если принять въ расчетъ, что контрабандный привозъ спирта по нашей западной границѣ причиняетъ казнѣ потерю отъ 9.000,000 до 12.000,000 р. въ годъ и что постоянный надзоръ на мѣстахъ за винокуреними заводами, ослабивъ корчемство, возвыситъ акцизный сборъ только на 2⁰/₀, то доходы за всѣми издержками могутъ возрасти на нѣсколько милліоновъ рублей.

— 1884 года декабря 31 дня въ три съ половиною часа по полудни скончался послѣ продолжительнаго старческаго недуга на 71 году отъ рожденія протоіерей Сумеонъ Іоанновъ сынъ Томашевскій, настоятель Успенской церкви слободы Климовки, Сумскаго уѣзда. Покойный о. протоіерей родомъ изъ Низшей Сыроватки, Сумскаго уѣзда, сынъ протоіерея, по окончаніи курса наукъ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ съ аттестатомъ 2 разряда 1837 года іюля 15 дня, в того-же года 27 декабря рукоположенъ во священника къ Пятницкой церкви, что нынѣ Успенская, въ слободѣ Климовкѣ, гдѣ благочестно и подвижался пастырскимъ подвигомъ въ теченіе 47 лѣтъ и 3 дней, до самой кончины. Поступивши въ Климовку, опредѣ-

лень былъ наставникомъ народнаго училища, затѣмъ проходилъ должности: депутата, блюстителя за преподаваніемъ закона Божія въ народныхъ училищахъ, члена благочинническаго совѣта и духовника. За отлично-усердную службу по епархіальному вѣдомству, покойникъ возведенъ былъ въ санъ протоіерея 28 іюня 1883 года. Покойный о. протоіерей отличался миролюбіемъ, незлобіемъ и кротостію, въ теченіе почти 50 лѣтней службы ни съ кѣмъ никогда не имѣлъ судебного процесса. Всю жизнь и до послѣдней минуты отличался трудолюбіемъ. При его заботахъ устроены новый каменный храмъ вмѣсто стараго деревяннаго. На Рождественскихъ праздникахъ, за вѣсколько дней передъ смертію, составилъ и переписалъ самъ вѣдомость о бывшихъ у исповѣди священно и церковно-служителяхъ и представилъ епархіальному начальству. 30 декабря въ 2 часа дня крестилъ дитя, хотя и съ великимъ трудомъ. 31 декабря рано утромъ пожелалъ исповѣдаться и приобщиться Св. Таинъ, а въ 3 часа дня пригласилъ къ себѣ приходскаго діакона и просилъ принести изъ церкви полное священническое облаченіе, приготовленное на собственный счетъ, заблаговременно рассмотрѣлъ его и просилъ того-же діакона прійти послѣ вечера прочитатъ напутственный канонъ, но не успѣлъ діаконъ дойти до церкви, какъ онъ тихо и мирно предалъ духъ свой въ руки Божія при полномъ сознани. 2 января мѣстнымъ благочиннымъ въ сослуженіи семи священниковъ округа, при многочисленномъ стеченіи прихожанъ погребенъ въ оградѣ церковной. Въ семействѣ покойника осталась жена—старуха, совершенно обезпеченная, и воспитанница—правнука, дѣвица Марія Сильванская, круглая сирота.

Благочинный Сумскаго 2 округа, священникъ *Алексій Чугаевъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

къ

РУССКІЙ АРХИВЪ

—годъ двадцать третій— 1885 года. —годъ двадцать третій—

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1885 году ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ вполне четкаго шрифта, съ приложеніями, портретами и рисунками.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ—ДЕВЯТЬ рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, куда обращаются иногородные подписчики, въ Петербургѣ—на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и „Новаго Времени“ и на Васильевскомъ островѣ, 2-я, д. 7-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича.

Тѣмъ изъ новыхъ подписчиковъ, которые желаютъ познакомиться съ содержаніемъ Русскаго Архива за прошлые года, выдается особая книжка: Предметная роспись Русскаго Архива за двадцать лѣтъ 1863—1882.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

къ АПОЛОГИИ ХРИСТИАНСТВА.

О ПРИГОТОВЛЕНІИ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО КЪ ПРИНЯТІЮ ХРИСТИАНСТВА

Богословское и историко-философское изслѣдованіе свящ. М. Г. Дьяченко.

Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 25 коп.

Книгу можно получать въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, у Отрапотова и у автора: священника церкви Московскаго Почтамта.

Съ 1-го Января 1885 года

БУДУТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

КОСТРОМСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

по утвержденной отъ Святѣйшаго Синода программѣ, съ двумя отдѣлами: официальнымъ и неофициальнымъ: первый—ежепедѣльный, а второй черезъ двѣ недѣли. Цѣна за годовой экземпляръ Вѣдомостей четыре руб. сер. съ пересылкою оо. благочиннымъ. Адресъ редакціи: Кострома, Цареконстантиновскій переулокъ, домъ священника Г. И. Гусева.

Редакторъ, священникъ Г. И. Гусевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ

НА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

II годъ изданія.

ВОЛНА⁶⁶

изданія годъ II.

Большое ежепедѣльное русское изданіе съ роскошными рисунками въ краскахъ. 50 номеровъ въ годъ, 1,200 страницъ убористой печати. Журналъ «Волна» издается при *ближайшемъ участіи* лучшихъ художниковъ и литературныхъ силъ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО ПЕЧАТАЮТСЯ:

Правительственныя распоряженія. Вопросы и новости дня «обо всемъ и отовсюду». Выдающіяся событія въ мірѣ политическомъ. Статьи историческаго содержанія и энциклопедическія историческія разсказы. Этнографическіе очерки (повѣсти и разсказы изъ русской жизни). Стихотворенія и поэмы. Мелочи, анекдоты и разнообразный отдѣлъ смѣси. Фельетонъ «обзоръ общественной жизни». Театръ и музыка. Литературныя новости и искусство. Земское дѣло. Народное образованіе. Судебная хроника. Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ. Разсказы, очерки и описанія изъ россійскихъ. Почтовый ящикъ. Частныя объявленія и въ видѣ БЕЗПЛАТНАГО приложенія для годовыхъ подписчиковъ, четыре собоха парижскихъ модъ съ картинками и альбомомъ живописныхъ узоровъ въ 20 листовъ.

Редакція приобрѣла для помѣщенія въ 1885 году слѣдующія литературныя произведенія: «Драма изъ стоиловъ домиковъ», «Сибирскій медвѣдь» (историч. разсказъ), «Бѣлая олетка» (повѣсть изъ раскольничьей жизни), «Въ лѣсной глуши» (очеркъ), «Богатырь Чурило» (поэма), «Наслѣдство Ниццо» (повѣсть изъ быта трущобъ), «Въ котлахъ разврата», «Подъ мотылькой лизтой» (психологическая новелла), «Въ глуши Соловь и лѣсникъ» (романъ изъ быта тайныхъ сектантовъ), «Презираки» (повѣсть изъ купеческаго быта), «Яръ хмѣль гудякъ» (фантастическая народная поэма) и многіе другіе.

⇒ Художественный отдѣлъ. ⇐

На этотъ отдѣлъ редакція обращаетъ особое вниманіе и въ теченіи года будетъ помѣщена до 300 оригинальныхъ картинъ, большого формата исполненныхъ красками по заказу редакціи известными русскими художниками. Въ журналѣ «ВОЛНА» будутъ помѣщаться: историческія картины, иллюстраціи къ повѣстямъ и разсказамъ, картины изъ русской жизни, портреты выдающихся дѣятелей, копии отъ известныхъ картинъ, виды мѣстностей, разнообразныя типы, множество вышивокъ и рисунковъ на холстѣ для. Художниками журнала «ВОЛНА» уже исполнены роскошные рисунки къ произведеніямъ: гг. Толстаго, Григорьевича, Тургенева, Некрасова, Гоголя и друг.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ НА 1885 ГОДЪ ПОЛУЧАТЬ:

замѣчательно богатую по сюжету и выполненію картину, роскошно отпечатанную *масляными красками на холстѣ*

„НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ“

въ XVI столѣтіи

(Большая историческая картина профессора А. Н. Саврасова)

На предлагаемой намъ оригинальной картинѣ изображена одна изъ оценокъ празднованій ночи на Ивана Купалу. Эта ночь, по народнымъ повѣртіямъ, полна волшебства и чаръ. Изъ эту ночь исчезаютъ изъ озера и рѣкъ руслаки и цветотъ палоргникъ. Въ XVI столѣтіи, когда еще языческіе обряды были въ полной силѣ, въ ночь на Купалу, толпа боярышень, въ живописныхъ костюмахъ собралась гадать въ обширномъ боярскомъ саду. Юношеская ночь дышетъ свѣжестью надъ этимъ роземъ вонихъ красавицъ, и безмолвныя деревья, густо нависшія надъ ними, точно подслушиваютъ ихъ сердечныя тайны. Но подслушиваютъ ихъ не одни деревья—нѣсколько любовныхъ глазъ слѣдятъ за дѣвками и долго будутъ поминать—и эту тихую ночь, и эту толпу пугливыхъ боярышень.

Кромѣ главной преміи въ теченіи года будетъ дано гг. подписчикамъ дѣйствительно большаго, роскошнаго художественнаго приложенія исполненныхъ красками на веленовой бумагѣ.

Изъ числа 300 акварельныхъ рисунковъ, редакціею приобрѣтены уже слѣдующіе:

Вечеръ въ полусвѣтѣ Прѣздъ жениха Выборъ царской невесты Чумаки Въ заводчанномъ лѣсу Съ работы Бислави Сѣвныя (бродячки Русь) Троицкія дѣнь Въ заброшенной усадьбѣ Смерть Сократа Привалъ охотниковъ Чпиковъ и Плюшкина Теремъ царевны Максимы и князь Серебряный Вальпуръ и Пимонъ Плясъ Ярославны и многіе другіе.

Условія подписки На 1 мѣсяць—1 рубль, на 3 мѣсяца—2 рубля, на 6 мѣсяцевъ—5 рублей и на 1 годъ—8 рублей съ доставкою и пересылкою. Гг. служащимъ можетъ быть сдѣлана расписка за ручательствомъ казначеевъ или начальниковъ. За разсылку и уличковку преміи годовые подписчики благоволятъ прилагать 21 коп.

Подписка принимается во всѣхъ библіотекахъ и книжныхъ магазинахъ Россіи. Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно къ контору редакціи: Угль Никитской и Леонтьевскаго переулковъ, домъ баронессъ Корфъ.

Редакторъ-Издатель Н. У. Руссіиновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ

И А

ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ
Всеобщую Газету,

политическую, ученую, литературную, художественную и коммерческую.

Общая премія олеографія—изъ ТРЕХЪ картинъ по выбору.

Желающіе получить всѣ Т Р И картины доплачиваютъ Д В А рубля серебромъ.

Въ 1885 году Всеобщая Газета издается совершенно въ новомъ видѣ, чтобы удовлетворить всѣмъ современнымъ и настоятельнымъ требованіямъ публики.

Новообразованная редакція Всеобщей Газеты заручилась содѣйствіемъ и постояннымъ участіемъ извѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ и употребитъ всѣ усилія для того, чтобы каждый подписчикъ Всеобщей Газеты видѣлъ въ ней умнаго и образованнаго собесѣдника, въ обществѣ котораго ему пріятно и полезно было бы провести цѣлую недѣлю, до появленія новаго номера газеты, который по своему разнообразному содержанію будетъ служить политико-учено-литературною еженедѣльною лѣтописью, памятнымъ листомъ, въ каждомъ образованномъ семействѣ.

Такимъ образомъ Всеобщая Газета, предлагая разнообразный выборъ для занимательнаго чтенія и представляя на своихъ столбцахъ какъ бы фотографическій снимокъ еженедѣльной государственной и общественной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, какъ у разныхъ другихъ народовъ, такъ и въ Россіи въ частности, будетъ знакомить русское общество со всѣмъ живымъ и современнымъ, обсуждая каждое замѣчательное явленіе съ полнымъ безпристрастіемъ и правдою, и это будетъ составлять главнѣйшую обязанность Всеобщей Газеты, потому что только слѣдуя такому пути можно съ пользою служить интересамъ общества.

Направленіе нашей газеты, уже по самому своему названію, не можетъ уклоняться отъ всего того, что выработано лучшими и благонамѣренными умами современной науки и глубокими знатоками общественной жизни.

Статьи наши будутъ отличаться сжатою полнотою и общедоступностью изложенія, какъ это принято и въ лучшихъ англійскихъ еженедѣльныхъ газетахъ (Weekly Review).

Всеобщая Газета будетъ выходить по субботамъ; номеръ ея будетъ состоять изъ двухъ съ половиною и болѣе печатныхъ листовъ большаго формата (20 стр. въ 2 столбца) и заключать въ себѣ: 1) Руководящую статью по вопросу дня.—2) Отдѣлъ официальныхъ извѣстій.—3) Иностранное обозрѣніе и корреспонденція.—4) Оригинальныя и переводныя статьи по всѣмъ отраслямъ науки и искусства, техники, хозяйства, промышленности и торговли.—5) Общественная дѣла и живые современные вопросы.—6) Обзоръ замѣчательныхъ статей, появившихся въ нашей журналистикѣ.—7) Отдѣлъ критики и обзоръ новыхъ книгъ.—8) Оригинальныя и переводныя романы, повѣсти, рассказы, историческія воспоминанія, драмы, комедіи, стихотворенія и другія произведенія изящной словесности.—9) Жизнь въ провинціи и корреспонденція.—10) Столичная жизнь: житейская суета, театры, музыка, разные увеселенія.—11) Судебные процессы.—12) Биржевая и финансовая педѣля.—13) Новѣйшія заграничныя извѣстія и телеграммы.—14) Смѣсь и анекдоты.—15) Объявленія.

Художественная часть. Во Всеобщей Газетѣ будутъ помѣщаться политическія замѣчательнѣйшихъ предметовъ и портреты нашихъ и иностранныхъ знаменитостей, въ томъ размѣрѣ, какъ это принято въ извѣстной пѣмецкой „Gartenlaube“ (Бесѣдкѣ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Всеобщую Газету за годъ съ пересылкою и доставкою на домъ—4 р.; за полгода—2 р.; за 3 мѣсяца—1 р.

Иногородные и столичные подписчики обращаются съ своими требованіями исключительно въ Контору Редакціи Всеобщей Газеты въ С.-Петербургѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, домъ № 40, кв. 10.

СЕЛЬСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ НАРОДНАЯ ГАЗЕТА

ИЗДАВАЕМАЯ ПРИ „ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМЪ ВѢСТНИКѢ“.

Программа: Извѣстія о Государь Императорь и Членахъ Его Августѣйшаго Сесейства. Законы и распоряженія высшаго Правительства, какъ относящіяся до крестьянскаго быта, такъ и всѣ тѣ, знаніе коихъ можетъ быть полезно для сельскаго населенія. Разныя извѣстія о внутреннихъ дѣлахъ въ Россійской Имперіи, какъ-то: объ урожаяхъ, о торговыхъ цѣнахъ на хлѣбъ и другіе необходимѣйшіе предметы; о заведеніяхъ, открываемыхъ для народной пользы; о мастерствахъ и ремеслахъ; объ изобрѣтеніяхъ и улучшеніяхъ по сельскому хозяйству и народной промышленности; о повальныхъ болѣзняхъ, пожарахъ и другихъ несчастіяхъ. Наставленія и указанія относительно сохраненія здравія; о предосторожностяхъ отъ пожаровъ, скотскихъ падежей и другихъ бѣдствій; объ устройствѣ заведеній, полезныхъ въ сельскомъ быту, и т. п. Объявленія (съ платою со строки мелкой печати 15 коп.).

„Сельскій Вѣстникъ“ разсылается бесплатно во всѣ волостныя правленія.

Для постороннихъ подписчиковъ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1885-й годъ:

Для городскихъ въ Петербургѣ 1 р. и за доставку на домъ 1 р. Для иногородныхъ 1 р. и за пересылку 60 к. А лица, желающія получать „Сельскій Вѣстникъ“ чрезъ волостныя правленія, платятъ за весь годъ съ почтовою пересылкою 1 р. Такимъ подписчикамъ газета будетъ высылаться изъ редакціи на ихъ имя: прямо въ волостныя правленія.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Правительственнаго Вѣстника“, въ С.-Петербургѣ.

Почтенный авторъ „Анти-Энциклики“ проситъ насъ извѣстить читающую публику, что написанный имъ въ защиту ея „ОТВѢТЪ“, за истребованіемъ его Св. Синодомъ въ количествѣ всѣхъ находившихся у него на лицо экземпляровъ, въ продажѣ больше не находится, впредь до могущаго быть втораго изданія, а остается къ услугамъ благочестивой публики одна „Анти-Энциклика“, которая, и сама по себѣ можетъ быть довольно сильнымъ оружіемъ для отраженія напирющаго католичества.

Рекомендуемое сочиненіе можно получить:

Въ ХАРЬКОВѢ—въ „Складѣ“ у проф. Н. В. Платонова (Черноглазюнская ул. собственный домъ, № 4),—въ книжной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря и въ книжныхъ магазинахъ братьевъ А. П. и П. П. Куколевскихъ.

Въ МОСКВѢ—въ книжныхъ магазинахъ: *Ферапонтова*, на Никольской и *Глазунова* на Петровкѣ, противъ Кузнецкаго моста.

Въ ПЕТЕРБУРГѢ—въ книжномъ магазинѣ Пги. Л. Тузова, на Большой Садовой, домъ Коровина, № 16 и въ помѣщеніи Славянскаго Благотворительнаго Общества, площадь Александровскаго театра, д. № 7.

Въ КИЕВѢ—у П. Я. Оглоблина, на Крещатикѣ.

Цѣна за экземпляръ 1 р. съ уступкою книгопродавцамъ 30% и съ пересылкою на счетъ „Склада“ или „Слав. Общества“, изъ которыхъ по той-же цѣнѣ и на тѣхъ же условіяхъ можно получать и болгарскій переводъ „Анти-Энциклики“ г. П. Драганова.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

„ВЕТЕРИНАРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНОЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ЗООЯТРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ отвѣтственной редакціей экс-
ординар. профессора Харьковскаго
Ветеринарнаго Института,

П. А. Гордѣва

и

подъ редакціей ординарнаго про-
фессора Дерптскаго Ветеринарна-
го Института,

Е. М. Земмера.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Первый отдѣлъ: анатомія, гистологія и фізіологія нормальная и патологическая.

Второй отдѣлъ: научныя изслѣдованія по экспериментальной фізіологіи, общей и частной патологіи и эпизоотологіи.

Третій отдѣлъ: статьи и работы по зоотехникѣ, гигиенѣ, діететикѣ, сельскому хозяйству, ветеринарной статистикѣ и экстерьеру.

Четвертый отдѣлъ: статьи и работы по хирургической, терапевтической, дерматологической, эпизоотологической клинической ветеринаріи и судебной-ветеринарной полиціи.

Пятый отдѣлъ: критика и библіографія.

Шестой отдѣлъ: литературное обозрѣніе и смѣсь. Рефераты по отечественной и иностранной журналистикѣ.

УСЛОВІЯ ИЗДАНІЯ: „Ветеринарный Вѣстникъ“ въ 1885 году будетъ выходить въ количествѣ 50 печатныхъ листовъ, безсрочными выпусками, съ приложеніями спеціальныхъ руководствъ въ формѣ кафедральныхъ лекцій, переводныхъ или оригинальныхъ сочиненій. По мѣрѣ увеличенія числа подписчиковъ редація, въ свою очередь, увеличатъ какъ число книгъ, такъ и объемъ приложеній.

Начавшіяся издаваться съ 1882 года „Руководство къ Частной Патологіи и Терапіи домашнихъ животныхъ“, и „Зоофармакологія“ проф. П. Гордѣва будутъ продолжаться и въ 1885 году. Независимо отъ этихъ двухъ руководствъ выходятъ еще и „Анатомія домашнихъ животныхъ“ прозектора В. Новопольскаго. Всѣ три руководства будутъ помѣщаться въ видѣ приложеній къ каждому выпуску.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: за годъ безъ приложенія 6 руб., съ приложеніемъ 7 руб съ пересылкой 8 руб.

Примѣчаніе. По соглашенію съ редакціей допускается разсрочка въ платежѣ на текущій годъ и уступна по три рубля за оставшіяся годовые экземпляры 1882, 1883 и 1884 г. г.

Адресъ. Въ Харьковскій Ветеринарный Институтъ, профессору Петру Андреевичу Гордѣву. По этому-же адресу принимаются стагьи и работы, причемъ послѣдвія должны быть четко написаны.

Редакторъ-Издатель, П. Гордѣвъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи Протоіерей, Іоаннъ Кратировъ.